

УДК 1751
ББК 81

СУФФИКСАЛЬНАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ГАСТРОНОМИИ

Е. В. Бондаренко, М. А. Радович

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

В статье рассматриваются особенности словообразования имен существительных австрийского варианта современного немецкого литературного языка в сфере гастрономии, а именно на примере тематической группы «Грибы, коренья, травы». Результатом проведенного исследования стало выявление наиболее частотной модели словообразования — суффиксальной модели. Материалом для исследования послужили современные литературные произведения на немецком языке.

Ключевые слова: немецкий язык, языковая вариативность, австрийский вариант немецкого языка, словообразование, словообразовательные модели.

Лингвист Якоб Эбнер определяет языковую вариативность как форму выражения языкового стандарта с присущими ей характерными вариантами. Такие варианты, имея разную степень распространения, могут называться национальными или региональными. Национальным вариантом является действующая форма языка в том или ином политическом государстве [7]. Так, национальным вариантом немецкого языка является австрийский вариант немецкого языка, который действует в рамках одной страны, а именно Австрии. Помимо национального варианта, Эбнер выделяет также региональный вариант, подразумевая языковой вариант, действующий в отдельных регионах одного государства (например, восточно-австрийский вариант). Кроме того, к региональному варианту относится языковой вариант, действующий не только в рамках одного государства, но и в прилегающих областях граничащих друг с другом государств (например, в соседних областях Австрии и Баварии).

Ганс Дитер Поль [16] различает четыре группы австриацизмов:

1. Государственные австриацизмы (например, административный язык и язык масс-медиа, а также язык, служащий для обозначения продуктов питания: *Oberskren*, *Apfelkren*, *Heuriger*, *Sturm*, *Most*).

2. Южно-восточные австриацизмы (австрийский корпус слов, который также относится к южно-немецкому языковому пространству, например, *Brosel* “Paniermehl”).

3. Баварские австриацизмы (корпус слов, функционирующий как в Баварии, так и в Австрии, например, *Kren* (“Meerettich”), *Scherzel*, *Einbrenn(e)*).

4. Региональные австриацизмы (особенности, характерные для письменного языка восточной, западной или южной части Австрии, например: (восточная часть) *Obers*, *Nachtmahl*, (западная и южная часть) *Rahm*).

Наше исследование посвящено первой группе австриацизмов, при этом мы допускаем, что большая часть рассматриваемого нами корпуса слов не является «чистыми» австриацизмами, но маркируется словарями как типичные для той или иной области, региона.

Характерные особенности австрийского национального варианта можно наблюдать в разных подсистемах языка, наиболее открытыми среди которых являются лексическая и фонетическая системы. В свою очередь морфология является наименее открытой и подверженной изменениям. При этом следует отметить небольшие расхождения в данной подсистеме языка между двумя национальными вариантами (немецким, функционирующим в Германии, и австрийским вариантами). Одним из таких расхождений является разница в употреблении рода имен существительных, либо функционирование в языковой норме только одного варианта, например, *das Biskuit* в австрийском варианте и *das, der Biskuit* в немецком варианте.

Лексическая подсистема языка содержит наибольшее количество особенностей, которые выделяют язык Австрии как самостоятельный

языковой вариант. Для категорирования данных особенностей мы обратились к словообразованию, сравнив словообразовательные модели двух национальных вариантов.

В соответствии со средствами словообразования австрийского варианта современного литературного немецкого языка выделяют пять основных способов словообразования:

- I. Модель корневых слов.
- II. Модель безаффиксного словопроизводства.
- III. Префиксальная модель.
- IV. Модель определительного словосложения.
- V. Суффиксальная модель.

Далее мы рассмотрим каждую из моделей на примере собранного нами корпуса контекстов из области гастрономии, которые составляют тематическую группу «Грибы, коренья, травы».

1. Модель корневых слов.

Корневые слова обладают двумя особенностями: неразложимостью их основ на морфемы и немотивированностью. Большую часть данных слов составили заимствования.

Kren, der: -s, ohne Plur. (DUDEN: mittelhochdeutsch *krēn*, *chrēn*, aus dem Slawischen) — **Meerrettich, der** (DDt) — хрен.

Словарь Duden маркирует данную лексему как характерную не только для австрийского, но и для южнонемецкого ареала. Вариантологический словарь указывает на употребление лексемы в юго-восточной части Германии. Там же дается ссылка на славянское происхождение лексемы, предположительно она происходит из чешского или сербо-лужицкого языка.

(ÖDt) Traditionelle Beilagen sind Röstkartoffeln und frisch geriebener **Kren** (Meerrettich) [12. С. 92].

(DDt) Auch für **Meerrettich** könnte die “Gefahr” bestehen, irgendwann in die Dopingliste aufgenommen zu werden, denn er scheint bei Fütterung über mehrere Wochen hinweg den Gehalt an Blutfarbstoff zu erhöhen (ähnlich wie EPO) [4. С. 9].

Maroni, die: -, — /meinst Plural/ (DudenÖDt: ital., österr. und südd., in D *Marone*), (VWdD: A, D-südd.), (DUDEN: französisch *marron* < italienisch *marrone*) — **Marone, die** = **Edelkastanie, die** (DDt) — каштан съедобный.

Вариантологический словарь помимо употребления в австрийском варианте указывает на функционирование лексемы в средневосточной и юго-западной части Германии. Также лексема характерна для швейцарского варианта немецкого языка, при этом в данном вариан-

те происходит удвоение согласной *r* — *Marroni*. Источником заимствования является итальянский язык.

(ÖDt) Wenn die **Maroni** gar sind, lassen sie sich problemlos schälen [14. С. 56].

(DDt) Wer dies möchte, kann die am tiefsten liegenden Triebe, die aus den Wurzeln wachsen, in die Waagerechte umbiegen, um **Esskastanien** zu vermehren [3. С. 541].

К периферийным слоям словоформ, образованных по корневой модели, относятся сокращения, например, *der Radi* (немецкий стандарт *der Rettich*) — редька. Словарь Duden маркирует лексему *Radi* как характерную не только для Австрии, но и для Баварии. При этом отмечается ее употребление в разговорной речи.

Иногда сокращения приобретают суффиксы, образуя модель суффиксального словопроизводства, например, *Weinberl*. Изначально немецкая лексема *die Weinbeere*: (сушеные) ягоды винограда — была сокращена за счет усечения конечной -e (подробнее об этом в описании модели безаффиксного словопроизводства), образуя лексему *Weinbeer*, к которой впоследствии был присоединен суффикс -l. Данные лексемы не фиксируются в современных словарях вариантов немецкого языка, старые издания маркируют их как диалектные, поэтому они не были включены в корпус рассматриваемой нами лексики.

2. Модель безаффиксного словопроизводства.

В данном случае часто речь идет о конверсии частей речи. В то же время такой метод словообразования за счет усечения конечной аффиксальной гласной в австрийском варианте современного литературного немецкого языка отмечал еще А. И. Домашнев [1].

Zeller, der: -s, — (Plur. ungebräuchl., selten): (VWdD A), (DUDEN: österr.) — **Sellerie, der oder die** — сельдерей.

Помимо усечения в австрийской лексеме аффикса -ie также происходит оглушение первой согласной со звонкой *s* на глухую *z*. В немецком стандарте возможны два варианта рода (мужской и женский). В австрийском варианте лексема употребляется только в мужском роде.

(ÖDt) Kann mit gebackenem **Zeller** (Sellerie) oder Kartoffelnockerln serviert werden [18. С. 13].

(DDt) Den **Sellerie** schälen und auf der Rohkostreibe in feine Stifte hobeln [6. С. 26].

3. Префиксальная модель.

Данная модель характеризуется формально тем, что связанная словообразовательная

морфема предшествует производящей основе. Семантическая сущность модели заключается в придании слову определенного категориального признака. В нашем корпусе контекстов данная модель не встречалась.

4. Модель определительного словосложения.

Австрийские словоформы по большей части состоят из лексем, которые употребимы в немецком стандартном языке, но вследствие изменения некоторых частей слова появляются новые словоформы, характерные для австрийского ареала.

Hauptelsalat, *der*: -(e)s, ohne Plur. (VWdD: A-nordost/südst) (DUDEN: süddt., südöst., ostöst.) — **Kopfsalat**, *der* (DDt) — кочанный салат.

Австрийская словоформа Hauptelsalat состоит из двух лексем, вторая из которых (salat) тождественна немецкому варианту. В то же время первая составляющая словоформы Kopfsalat в австрийском варианте заменена на Hauptel-, то есть на синонимичную лексему Haupt, к которой присоединен уменьшительный суффикс *-el*. Таким образом, внутри словоформы, образованной по модели определительного словосложения, находится лексема, образованная по суффиксальной модели.

(**ÖDt**) Dazu gibt es Erdäpfelsalat (Kartoffelsalat) und Hauptelsalat (Kopfsalat) [12. С. 93].

(**DDt**) Lücken in den Reihen mit Kohlrabi oder Kopfsalat füllt man jetzt mit Sommersalaten, mit rot- oder grünblättrigen Eichblatt — und Bataviasalaten [19. С. 67].

5. Суффиксальная модель.

Для лексем, образованных по данной модели, характерно расположение словообразовательной морфемы после производящей основы. Для австрийского варианта характерна суффиксальная модель с уменьшительным суффиксом *-l*, *-erl*:

Eierschwammerl, *das*: -s (DudenÖDt: auch südd., schweiz.), (VWdD: **Eierschwammerl**, *das* A. CH der. In A und D-südd. selten.), (DUDEN: österr., schweiz., sonst landschaftlich) — **Pfifferling**, *der* (DDt) — гриб лисичка.

Лексема *das Eierschwammerl* является производной от *der Eierschwamm*, которая также имеет австрийское происхождение. Словарь Duden кодифицирует данную лексему как характерную для Австрии, Швейцарии, а также южнонемецкого ареала. В то же время словарь вариантов уточняет, что лексема *Eierschwamm* характерна для западной части Австрии, для остальной же части страны и южнонемецкого ареала ее употребление является редким. Вариант лексемы

с суффиксом *-erl* типичен для всей территории Австрии и южнонемецкого ареала.

(**ÖDt**) Wer sich zwischen Salzburg und dem Dachstein fleischlos ernähren will, entdeckt gerade mal **Eierschwammerl** mit Semmelknödel oder Eierschwammerl mit Tagliatelle auf der Speisekarte der gängigen Hotels und Restaurants am Weg [9. С. 108].

(**DDt**) Wenn im Wald die Pilze sprießen und auf dem Markt frische **Pfifferlinge**, Steinpilze und andere Pilzköstlichkeiten angeboten werden, ist es definitiv Pilzzeit! [10. С. 2].

Gurkerl, *das*: -s, -n: (VWdD: A) — **Essiggurke**, *die* (DDt) — маринованные огурчики.

Словарь вариантов немецкого языка указывает лексему *Gurkerl* как характерную для всей территории Австрии. *Gurkerl* является первым компонентом двусложной лексемы *das Essiggurkerl* и может употребляться в усеченном варианте, при этом сохраняя свое значение. Тождественным вариантом для немецкого языка будет являться *die Essiggurke*.

(**ÖDt**) Diesmal fehlte das **Gurkerl**. «Kein Gurkerl?» raunzte meine Schwester, «das ist ja ungenießbar!» [15. С. 336].

(**DDt**) Aufjedem der fünf Teller lagen jeweils drei Essiggurken und drei mit Schokolade überzogene riegelförmige Teile [8. С. 119].

Kriecherl, *das*: -s, -n (DUDEN: österr.) — **Kriecher**, *die* (DDt) — слива ненастоящая, тернослив(а).

Словарь вариантов немецкого языка не указывает данную словоформу. Словарь Duden маркирует лексему как характерную для Австрии, на это также указывает ее словообразование — добавление к немецкой лексеме типичного австрийского суффикса *-erl*.

(**ÖDt**) Man lost auf Kreuzungen, Friedhöfen, an Bächen, unter Schwarzkirsch-, **Kriecherl**-, Weichsel- oder Zwetschgenbäumen und in der Weihnacht auch an Stalltüren [5. С. 71].

(**DDt**) Die Kriechen-Pflaume, auch Hafer-Pflaume genannt, wird weniger zum Verzehr, sondern mehr für die Produktion von Pflaumenschnaps oder zur Herstellung von Öl verwendet [http://www.paradisi.de/Health_und_Ernaehrung/Naturkost/Pflaume/Artikel/17614.php].

Strankerl, *das*: -s, -n (VWdD: A-südst (Ktn.) — **Bohne**, *die* — фасоль.

Вариантологический словарь маркирует данную лексему как характерную для юго-восточной части Австрии (область Каринтии). Лексема также образуется при помощи характерного для австрийского варианта суффикса *-erl*.

(ÖDt) Danach kommt das Wasser inklusive der **Strankerl** auf die Einbrenn [<https://www.gutekueche.at/strankerlsuppe-rezept-6911>].

(DDt) Es hatte sie überrascht, dass sie jemanden mit Brot und **Bohnen** an sich binden konnte, andererseits konnte man nie vorhersagen, was irgendjemanden an irgendwen anders band [11. С. 21].

Одной из характерных и наиболее употребимых особенностей австрийского варианта немецкого языка является использование уменьшительного суффикса *-l*, *-el*, *-erl*. При этом в общенемецком варианте для маркировки уменьшительности используются только суффиксы *-chen* и менее употребимый суффикс *-lein*. Употребление суффикса *-chen* также является предпочтительным для официальной письменной речи в Австрии, в то время как суффиксы *-l*, *-el*, *-erl* часто обладают признаками диалектной речи. В то же время существует большой пласт лексики, образованной при помощи вышеназванных суффиксов и закрепившейся в литературном австрийском варианте немецкого языка.

Якоб Эбнер в своей вступительной статье к словарю австрийского варианта немецкого языка издательства Duden отмечает различные функции уменьшительного суффикса *-erl* [7]:

1. В разговорной речи он действительно обозначает уменьшение, при этом корневая гласная не приобретает умлаут. Например, *Tascherl*, *Sackerl*, *Wagerl*, *Schaferl*, *Hauserl*.

2. В разговорной речи суффикс придает эмоциональную окраску (*Enkerl*, *Flascherl*, *Schifferl*, *Wamperl*, *Achterl*).

3. В литературном австрийском варианте суффикс используется только в словах, функционирующих только в одной словоформе — с суффиксом *-erl*. К таким относятся *Zuckerl* (*Bonbon*), *Pickerl* (*Aufkleber*), *Stockerl* (*Hocker*) и так далее.

Нас интересует последняя характеристика словообразовательного суффикса, так как мы рассматриваем только употребление гастрономической лексики в литературной речи. Морфологический анализ исследуемых нами лексем показал, что группа словоформ, образуемая при помощи суффикса *-erl* действительно функционирует только в одном виде — с указанным суффиксом. Таким образом, в нашем случае данный словообразовательный элемент не несет никакой стилистической окраски. Это же относится и к уменьшительному суффиксу *-l*. В стандартном варианте большая часть слов не приобретает характеристики уменьшительности, в особенности это относится к языку кухни.

Для территории Форарльберга характерен швабско-алеманский уменьшительный суффикс *-le*, который соответствует суффиксу *-li* в швейцарском варианте немецкого языка. В нашем корпусе словоформы с данным суффиксом не встречались.

Рассмотренный нами корпус лексем в сфере гастрономии указывает на ряд характерных признаков функционирования национального языкового варианта Австрии, в частности, на особенности словообразования существительных. Несмотря на то, что в Австрии функционируют те же лексеммы, что и в общенемецком стандарте литературного языка Германии, первые приобретают свои характерные словообразовательные элементы. Наш анализ показал, что наиболее частотной моделью словообразования существительных является суффиксальная модель. При этом используемые суффиксы (*-l*, *-erl*) функционируют только в австрийском варианте, таким образом, являясь типичным словообразовательным элементом для существительных австрийского варианта современного литературного немецкого языка.

Список литературы

1. Домашнев, А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / А. И. Домашнев. — Л., 1983. — 231 с.
2. Степанова, М. Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / М. Д. Степанова. — М., 1979. — 536 с.
3. Brodersen, K. Das Bauernjahr / K. Brodersen. — Berlin, 2016. — 704 s.
4. Brosig, S. Ingwer, Meerrettich und Süßholz in der Pferdefütterung / S. Brosig. — Norderstedt, 2011. — 104 s.
5. Brunner, Ch. F. Mutter Percht und Mistelzweig: Schamanische Praxis in den Keltischen Alpen / Ch. F. Brunner. — Norderstedt, 2014. — 356 s.
6. Dusy, T. 1 Salat — 50 Dressings: würzig, cremig, herrlich frisch / T. Dusy. — München, 2014. — 64 s.
7. Ebner, J. Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch / J. Ebner. — Mannheim; Wien; Zürich, 2009. — 477 s.

8. Floh, F. 69: Walter fliegen hoch / F. Floh. — Norderstedt, 2011. — 176 s.
9. Franz, U. Satteltanz: Radgeschichten / U. Franz. — Norderstedt, 2015. — 220 s.
10. Gerich, E. Köstliche Pilzzeit: Neue Rezepte mit Steinpilz, Pfifferling und Co / E. Gerich. — Ostfildern, 2015. — 64 s.
11. Gordon, J. Die Aussenseiter / J. Gordon. — Berlin, 2012. — 328 s.
12. Heiss, G. Reiseführer Wien / G. Heiss, D. Luippold. — Ostfildern, 2013. — 388 s.
13. Leerkamp, J.-H. Die österreichische Varietät der deutschen Sprache / J.-H. Leerkamp. — Essen, 2003. — 28 s.
14. Mehler, Ch. Die Jugendleiter-Küche: Küchenbulle im Lager und auf Freizeiten / Ch. Mehler. — Norderstedt, 2011. — 120 s.
15. Menasse, E. Vienna / E. Menasse. — Köln, 2005. — 427 s.
16. Pohl, H. D. Die österreichische Küchensprache. Ein Lexikon der typisch österreichischen kulinarischen Besonderheiten (mit sprachwissenschaftlichen Erläuterungen) / H. D. Pohl. — Wien, 2007. — 195 s.
17. Pohl, H. D. Von Apfelstrudel bis Zwetschkenröster. Kleines Handbuch der österreichischen Küchensprache / H. D. Pohl. — Wien, 2008. — 159 s.
18. Reishofer, B. Vegetarisch: Alt Wiener Küche / B. Reishofer. — BookRix, 2015. — 18 s.
19. Rupp, Ch. Biogärtnern für Selbstversorger / Ch. Rupp. — München, 2014. — 240 s.
20. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. — Berlin, 2004. — 954 s.

Сведения об авторе

Бондаренко Елена Валентиновна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. bond-elena@yandex.ru

Радович Минара Алибеговна — аспирант кафедры второго иностранного языка Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. minara.radovic@gmail.com

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 5—10.*

TERMINATIONAL MANNER OF NOUN DERIVATION IN MODERN AUSTRIAN GERMAN STANDARD LANGUAGE IN THE FIELD OF GASTRONOMY

E. V. Bondarenko

Belgorod national research state university, Belgorod, Russia. bond-elena@yandex.ru

M. A. Radovic

Belgorod national research state university, Belgorod, Russia. minara.radovic@gmail.com

The article deals with features of noun derivation in modern Austrian German standard language in the field of gastronomy, as illustrated by the lexical set “mushrooms, roots and herbs”. We analyzed the patterns of word building in Austrian German standard language. As a result of this research we revealed the most frequently used word formation pattern. This is a pattern formed by adding a derivational suffix -l, -el, -erl. These derivational suffixes are typical for Austrian German language. Referred derivational morphemes are classified as diminutive suffixes in colloquial language; however, in standard language they don't carry any connotation. Our research was performed on the base of modern literature published in German standard language. As well we referred to scientific works of German linguist Jakob Ebner and Austrian linguist Heinz-Dieter Pohl.

Keywords: *German modern standard language, pluricentric languages, Austrian German modern standard language, word formation, morphological derivation, derivational patterns.*

References

1. Domashnev A.I. *Sovremennyy nemetskiy yazyk v ego natsional'nykh variantakh* [Contemporary German in its national varieties]. Leningrad, 1983. 231 p. (In Russ.).
2. Stepanova M.D. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh elementov nemetskogo yazyka* [Dictionary of word-building patterns in German]. Moscow, 1979. 536 p. (In Russ.).
3. Brodersen K. *Das Bauernjahr* [The farmer's year]. Berlin, 2016. 704 p. (In German).
4. Brosig S. *Ingwer, Meerrettich und Süßholz in der Pferdefütterung* [Ginger, radish and licorice for horse feed]. Norderstedt, 2011. 104 p. (In German).
5. Brunner Ch.F. *Mutter Percht und Mistelzweig: Schamanische Praxis in den Keltischen Alpen* [Mother Percht and branch of mistletoe: shamanic practices in the Celtic Alps]. Norderstedt, 2014. 356 p. (In German).
6. Dusy T. *1 Salat — 50 Dressings: würzig, cremig, herrlich, frisch* [1 salad — 50 Dressings: spicy, excellent, fresh]. München, 2014. 64 p. (In German).
7. Ebner J. *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch* [Austrian German dictionary]. Mannheim; Wien; Zürich, 2009. 477 p. (In German).
8. Floh F. *69: Walter fliegen hoch* [69: Walter fly high]. Norderstedt, 2011. 176 p. (In German).
9. Franz U. *Satteltanz: Radgeschichten* [Saddle dance: bicycle stories]. Norderstedt, 2015. 220 p. (In German).
10. Gerich E. *Köstliche Pilzzeit: Neue Rezepte mit Steinpilz, Pfifferling und Co.* [Delicious time for mushrooms: new recipes with champignon, girolle and Co.]. Ostfildern, 2015. 64 p. (In German).
11. Gordon J. *Die Aussenseiter* [The outsiders]. Berlin, 2012. 328 p. (In German).
12. Heiss G., Luippold D. *Reiseführer Wien* [Travel guide: Vienna]. Ostfildern, 2013. 388 p. (In German).
13. Leerkamp J.-H. *Die österreichische Varietät der deutschen Sprache* [Austrian variation of German language]. Essen, 2003. 28 p. (In German).
14. Mehler Ch. *Die Jugendleiter-Küche: Küchenbulle im Lager und auf Freizeiten* [Youth leader's kitchen]. Norderstedt, 2011. 120 p. (In German).
15. Menasse E. *Vienna* [Vienna]. Köln, 2005. 427 p. (In German).
16. Pohl H.D. *Die österreichische Küchensprache. Ein Lexikon der typisch österreichischen kulinarischen Besonderheiten (mit sprachwissenschaftlichen Erläuterungen)* [The language of Austrian kitchen]. Wien, 2007. 195 p. (In German).
17. Pohl H.D.: *Von Apfelstrudel bis Zwetschkenröster. Kleines Handbuch der österreichischen Küchensprache* [Small pocketbook of Austrian kitchen language]. Wien, 2008. 159 p. (In German).
18. Reishofer B. *Vegetarisch: Alt Wiener Küche* [Vegetarian: old Vienna Kitchen]. BookRix Publ., 2015. 18 p. (In German).
19. Rupp Ch. *Biogärtnern für Selbstversorger* [Bio-gardens DIY]. München, 2014. 240 p. (In German).
20. *Variante Wörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol* [Dictionary of German variations. Standard language in Austria, Switzerland and Germany, as well as in Liechtenstein, Luxemburg, eastern Belgium and southern Tirol]. Berlin, 2004. 954 p. (In German).

УДК 81'42:811.111
ББК 81.2

КОНЦЕПТ *СОБЫТИЕ* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

О. В. Бронникова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Статья посвящена языковой интерпретации концепта *СОБЫТИЕ* и особенностям его концептуализации в индивидуально-авторском поэтическом дискурсе. Концепт *СОБЫТИЕ* в рамках концепта *ВРЕМЯ* рассматривается как модусный, то есть обладающий способностью к интерпретации действительности. Устанавливаются концептуально-тематические области активизации данного концепта; обосновывается ментальная модель-схема функционирования в дискурсе. Индивидуально-авторская интерпретация рассматривается посредством когнитивных механизмов.

Ключевые слова: *концепт СОБЫТИЕ, интерпретация, биосоциокультурный организм, поэтический дискурс, когнитивные механизмы формирования временных смыслов концепта СОБЫТИЕ.*

В той или иной степени концептом *СОБЫТИЕ* занимались как зарубежные (V. Evans, Ch. Sinha, D. Davidson, L. Talmy, Z. Vendler и др.), так и отечественные лингвисты (Н. Д. Арутюнова, Т. М. Николаева, В. З. Демьянков, В. И. Заботкина, О. К. Ирисханова, А. А. Леонтьев, С. С. Резникова и др.).

Событие представляет собой один из базовых концептов для носителей любой культуры. Как пишет В. И. Заботкина, «человечество занималось репрезентацией событий на протяжении многих тысяч лет» [6. С. 47]. Подтверждением данного высказывания может служить тот факт, что событие, наряду с длительностью, входит в ядро концепта *ВРЕМЯ*, который является базовым для представителей любых культур и этносов и носит характер *транскультурного* феномена [17].

Так, В. И. Заботкина рассматривает событие в рамках дихотомии «ментальные модели — дискурс». Репрезентация событий на ментальном уровне, по мнению лингвиста, может быть представлена двухуровнево: с выделением доконцептуального и концептуального этапов. На первом этапе происходит «мультимодальное восприятие события» [6. С. 46]. Данный этап представляет собой этап перцепции, на котором задействованы все сенсорные системы тела человека, другими словами, это стадия подсознательного формирования ментальной модели, которая в дальнейшем предопределяет осознанную интерпретацию события. На втором этапе происходит уже непосредственная концептуализация события через конструирование новой модели или моделей со-

бытия. На данном этапе активизируется когнитивный механизм аналогии формирования событийности. Аналогия осуществляется за счет сенсорной перцепции, интерпретации общего социокультурного знания и индивидуального опыта человека, то есть конструирование события базируется на биосоциокультурном и субъективном опыте человека. Человек выступает как биосоциокультурный организм, который находится в определенной среде (определенном окружении), к которой он постоянно и гармонично приспосабливается и с которой непрерывно взаимодействует. Данное утверждение основывается, по мнению А. В. Кравченко, на том, что «язык является продолжением человеческих органов чувств», вследствие чего языковые механизмы образуют особое измерение области когниции. А языковые значения возникают из отношений, существующих между организмом и физической и культурной средой, с которой человек взаимодействует [8]. Все эти процессы интегрируются с помощью языка и, соответственно, получают языковую интерпретацию [9; 18].

Необходимо также отметить, что концептуализация события сформировалась достаточно рано, что позволяет утверждать, что, возможно, у человека могла выработаться закреплённая схема, которая позволяет интерпретировать событийность через ментальные модели-схемы [6]. В теории когнитивных скриптов (Cognitive Script Theory), разработанной Р. Шанком и Р. Абельсоном, подчеркивается, что знание всегда структурирует наш опыт, а каждодневные события разворачиваются таким образом, что человек организует

свой опыт в формате скрипта (то есть с помощью когнитивной модели-схемы). Человек *обращается к данной когнитивной модели-схеме в будущем для интерпретации уже известного, похожего или нового события* [16].

Ментальная модель-схема события, таким образом, может быть репрезентирована с помощью сценария или скрипта. Дж. Лакофф обозначил данную модель-схему как пропозициональную когнитивную модель [14]. Н. Н. Болдырев также указывает на то, что на ментальном уровне событие концептуализируется в виде пропозиции. Основными элементами данной пропозициональной модели (пропозиции) являются: субъект, предикат, объект [2]. Помимо этого, пропозицию можно представить более развернуто с выделением следующих конститuentов: *пространственных и временных параметров, участников (которые могут выступать в качестве каузаторов события и действий, связанных с ним, а также в качестве пациенсов, испытывающих на себе действие каузаторов); каузации (причины), действия, целей, задач, отношений между участниками события (каузирующие (причинные) отношения), эффекта события (выход на дискурсивный (коммуникативный) уровень)* [6; 11]. Из указанного выше следует, что событие всегда имеет границы: временные и/или пространственные.

О временных границах события пишет В. Эванс [13]. Рассматривая концепт СОБЫТИЕ в пределах ядерной лексемы *time*, лингвист указывает, что событие, имеющее границы, может обозначать начало (*the young woman's time [=labour] approached*) или конец чего-либо (*the barman called time*), либо включать начало и конец одновременно (*Victorian times*).

При этом СОБЫТИЕ может быть репрезентировано в языке в качестве дискурса (текста) [6], в виде простого предложения [2; 13], словосочетания (*Victorian times*) или одной лексемы (*Graduation*). Конститuentы события могут быть вербализованы эксплицитно и в полном объеме (особенно, если представлен дискурс), либо репрезентированы имплицитно и «выводиться на поверхность» за счет инференции (например, событие, переданное лексемой «*graduation/выпускной*»).

Если на уровне языковой репрезентации СОБЫТИЕ представлено предложением-высказыванием или серией предложений-высказываний (то есть дискурсом), то среди указанных

выше элементов центральное значение приобретает предикат (действие): глагол и его семантика. В этом случае глагол выступает в качестве центрального элемента пропозиции, а языковая интерпретация включает в себя концептуальные характеристики как самого предиката (например, *действие, состояние, процесс, отношение*), так и те концептуальные характеристики, которые предикат приобретает в процессе взаимодействия с субъектом (агенсиом, каузатором действия), а также с объектом/субъектом (пациенсиом, испытывающим действие каузации). Так, по мнению В. Эванса, при концептуализации события языковыми средствами репрезентации предиката, как правило, служат глаголы дейктического движения (*deictic motion*). Например, *his time (death) has come или her time is approaching*. Важно отметить, что мы, скорее всего, не сможем употребить глаголы движения другого типа: предложение типа *his death has flown* не имеет смысла [13]. Таким образом, дейктическое движение — это прототипический способ языковой интерпретации человеческого опыта, так как новый опыт, как правило, связан с движением объектов/субъектов по направлению к нам и одновременно с нашим движением по направлению к данным субъектам или объектам.

В данном аспекте темпоральная последовательность — это результат эго-направленного движения или движения, направленного к какому-нибудь месту или объекту. Одним из центральных когнитивных механизмов формирования временного смысла концепта СОБЫТИЕ являются следующие пространственно-двигательные **КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ** (КМ): 1) модель движущегося времени (*the Complex Moving Time model*); 2) модель движущегося Эго (*the Complex Moving Ego model*); 3) модель временной последовательности (*the Complex Temporal Sequence model*) [13]. Прототипичной моделью интерпретации временных смыслов в контексте движения является модель движущегося Эго [5].

Событийность обладает высоким интерпретирующим потенциалом, который можно рассмотреть в рамках теории языковой интерпретации, разработанной Тамбовской школой когнитивной лингвистики и Н. Н. Болдыревым. Суть данной теории в общих чертах сводится к тому, что *языковая интерпретация* — это познавательная активность, результаты которой направлены на осознание и объяснение мира и места человека в этом мире [4]. По мнению К. И. Леонтьевой, ин-

терпретация выступает в качестве «**метафункции когнитивности**» [9] и представляет собой процесс и результат «индивидуальной деятельности субъекта по восприятию и осмыслению действительности» [1. С. 7].

В рамках данной теории категорию времени можно рассматривать как модусную и, соответственно, концепт ВРЕМЯ и входящий в его ядро концепт СОБЫТИЕ как модусные концепты. Модусность времени заключается в его возможностях интерпретировать действительность. Так, А. Д. Кошелев определяет время как «непрерывный фрагмент цикла жизни мира вместе с постоянно действующей движущей силой, обеспечивающей переход от текущего состояния мира к новому состоянию» [7. С. 208]. Поскольку неотъемлемой частью жизни мира является человек, время — это способ интерпретации происходящих событий в жизни человека, то есть время можно рассматривать и как способ обозначения реалий (событий), и одновременно как призму, через которую эти реалии интерпретируются. Другими словами, время в рамках интерпретации рассматривается и как операционный конструкт.

Согласно Н. Н. Болдыреву выделяются три типа языковой интерпретации: селекция, классификация и оценка. *Селекция* репрезентируется в языковых обозначениях концепта, а также в лексических категориях, выражающих данный концепт. *Классификация* включает классификацию объектов и формирование генерализованных абстрактных понятий для обозначения классификаций, в том числе ментальных действий, состояний человека, его эмоций и чувств. *Оценка* приводит к схематизации опыта в соответствии с социокультурной средой и субъективными нормами человека с помощью оценочных шкал [4].

Основным когнитивным механизмом является *концептуальная деривация*, которая реализуется в ряде других когнитивных механизмов. При *концептуальной деривации* в результате профилирования определенных субъективно значимых характеристик (*интерпретирующая база*) в областях интерпретируемого и интерпретирующего знания между этими областями устанавливаются связи (*концептуальное согласование*). При этом образуется *новый концептуальный* смысл (структура знания). При языковой интерпретации на основе этих механизмов исходная *вербализованная* структура знания переосмысливается в определенном *модусе* (рациональном,

эмотивном, аксиологическом; или их конфигурации) [1; 3; 9]. Когнитивными механизмами функционирования концептуальной деривации выступают концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная интеграция и некоторые другие.

Наиболее ярко и маркировано интерпретация представлена в поэтическом дискурсе, поскольку он всегда является отражением индивидуально-авторской оценки действительности. Особый интерес представляет преломление и концептуализация социальных и культурных знаний в их тесной взаимосвязи с индивидуальным опытом человека. Речь о подобных особенностях индивидуально-авторской интерпретации пойдет ниже.

Прежде всего необходимо выявить языковые тенденции интерпретации концепта СОБЫТИЕ. Для этого был проведен концептуально-дефиниционный анализ лексемы *event (событие)* [15], в ходе которого были выделены следующие **концептуальные характеристики**: локализованность в пространстве (*take place*), наличие участников, наличие действия, временной интервал, единичное проявление процесса развертывания чего-либо, знаковость и ценность для участников события как социально (*public or social occasion, political, artistic, festive, networking, sporting events*), так и субъективно (*emotional, notorious events*), в связи с чем важным концептуальным фактором становится аксиологическая оценка, которая в большом количестве случаев является негативной (*cataclysmic event; It is boycotting the event*). Таким образом, именно концептуальные характеристики определили пропозициональную когнитивную схему функционирования события. Кроме того, данный анализ позволил выделить основные концептуально-тематические области активизации данного концепта: *политика, общественные мероприятия, катастрофы и несчастные случаи, спорт, семья, государство, наука, путешествие, развлечения и праздники, жизнь человека, человек*.

Рассмотрим языковую интерпретацию концепта событие на примере поэтического текста «Ocean Drive» by D. Dumont:

We're riding down the boulevard
 We're riding through the dark night, night
 With half the tank and empty heart
 Pretending we're in love, but it's never enough, nah
 As the sirens fill the lonely air
 Oh, how did we get here now now now babe
 We see a storm is closing in

Pretending we ain't scared
 Don't say a word while we dance with the devil
 You brought a fire to a world so cold
 We're out of time on the highway to never
 Hold on (hold on), hold on (hold on)
 We're running all the red lights down
 No way that we can stop, nah nah
 A quarter tank and almost gone
 Pretending we're in love, but it's never enough, nah
 I wish we could take it back in time
 Before we crossed the line, now now now, babe
 We see a storm is closing in
 I reach out for your hand [12].

В данном поэтическом дискурсе пересекаются два тематических концепта модусного концепта ВРЕМЯ/TIME: ЖИЗНЬ/LIFE и СОБЫТИЕ/EVENT; а также концепты ЛЮБОВЬ/LOVE и ОТНОШЕНИЯ/RELATIONSHIPS.

Событие расставания с девушкой, представленное в данном поэтическом тексте, реализуется с помощью когнитивного механизма *концептуальной интеграции* (см. подробнее: М. Turner, 2013; G. Fauconnier and M. Turner, 1996, 2002): происходит концептуальная интеграция концепта СОБЫТИЕ/EVENT и концепта ЛЮБОВЬ/LOVE, в результате чего возникает **новая концептуальная область** — расставание с девушкой, представляющая по своим концептуальным характеристикам совершенно новый домен, который не может считаться простой суммой двух указанных выше концептов. Данный концептуальный домен реализуется в формате скрипта для того, чтобы интерпретировать разрыв отношений (*новый опыт*) через уже *известное* — поездку на машине, событие рутинного характера с элементами пропозиции, где присутствуют:

водитель (каузатор, мужчина);

пассажиры (пациенты, девушка, с которой возможно скоро произойдет расставание);

действие (езда на машине, то есть каузация);

место действия (улица Ocean Drive, которая вынесена в название как локализатор события);

временные рамки (время поездки dark night, в котором можно выделить начало («With half the tank and empty heart») и конец («A quarter tank and almost gone») [12]);

отношения между участниками события (каузирующие (причинные) отношения) (недопонимание, страсть, ссоры и возможный разрыв: «We see a storm is closing in. Don't say a word while we dance with the devil. How did we get here now now now babe. Empty heart» [12]);

цели и задачи здесь представлены имплицитно, и находятся на уровне субъективной интерпретации воспринимающего данный текст;

эффект события: эстетическое и эмотивно-экспрессивное воздействие на читателя.

Таким образом, поэт интерпретирует свой индивидуальный опыт через когнитивную пропозициональную схему, с помощью которой любой носитель языка может выстраивать и концептуализировать событие.

Пропозиция дает основание для выделения концептуальной метафоры LIFE IS A JOURNEY. В данном случае путешествие в *никогда* («We're out of time on the highway to never; never — at no time in the past or future; not ever» [12]) и, соответственно, в *никуда*, поскольку существует тесная корреляция между временем и пространством: происходит концептуальный перенос из сферы-источника интерпретации ВРЕМЯ-ПРОСТРАНСТВО/TIME-SPACE в сферу-мишень интерпретации ОТНОШЕНИЯ/RELATIONSHIPS на основании временной характеристики, свойственной как движению в пространстве, так и человеческим межличностным отношениям. Кроме того, в интерпретации временного смысла активизируется пространственно-двигательная КМ «движущееся ЭГО»: человек движется сквозь время и занимает по отношению к нему главенствующую позицию, где человек — это точка отсчета: у НАС заканчивается время, и МЫ движемся в никогда и никуда: «WE're out of time on the highway to never» [12].

Селекция реализуется с помощью следующих основных концептуально-тематических областей:

1. **Поездка** («We're riding down the boulevard; With half the tank, the sirens fill the lonely air, highway, We're running all the red lights down, No way that we can stop, A quarter tank, Before we crossed the line» [12]).

2. **Погода/природа** («the dark night, a storm is closing in, fire, world, cold» [12]).

3. **Чувства** («we're in love, we ain't scared, almost gone, empty heart» [12]).

Классификация: проявляется в возможности классифицирования сферы ЧУВСТВ/FEELINGS через сферы ПУТЕШЕСТВИЯ/JOURNEY и ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ/NATURAL PHENOMENA.

Оценка (или аксиологический модус интерпретации) представлен контекстуально-обусловленной интерпретацией (языковой ин-

терпретацией расставания в контексте поездки на машине) и эмотивно-экспрессивной интерпретацией (страх перед расставанием: *Pretending we ain't scared*; страсть и ссоры: *Don't say a word while we dance with the devil*; страсть: *You brought a fire to a world so cold*). При этом мы находим примеры как коллективной, так и субъективной оценки, которые выступают тем не менее в тесном единстве в ментальном когнитивном контексте:

- **коллективная аксиологическая интерпретация вербализуется следующим образом:** «*Don't say a word while we dance with the devil*» [12] (одно из значений лексемы *devil* — *fighting spirit; wildness, have a damaging or disruptive effect on* [15]).

С точки зрения коллективного стереотипа «дьявола» ссора сравнивается с танцем с дьяволом. Когнитивным механизмом выступает концептуальное сравнение, которое, как правило, основано на стереотипизированном знании, на постоянных характеристиках концептов, которые являются основой или модулем сравнения [10]. Концептуальное сравнение служит основой для формирования концептуальной метафоры ССОРА-ДЕЯНИЕ ДЬЯВОЛА / QUARREL, FIGHT IS THE DEVIL'S WORKS. Активируются следующие концептуально-тематические области: Человек + Отношения между людьми, Танец, Дьявол. Профилируется концептуальная характеристика *wildness, a damaging or disruptive effect*.

- **субъективная аксиологическая интерпретация:** «*You brought a fire to a world so cold*» [12] (*fire* — *a process in which substances combine chemically with oxygen from the air and typically give out bright light, heat, and smoke* [15]).

Субъективная интерпретация основывается на когнитивном механизме *инференции* (когнитивном механизме выводного фонового знания): *a world* в данном контексте — это его мир, мир мужчины: та среда, в которой он живет и с которой взаимодействует; и *концептуальной метафоры: a fire* — концептуальная характеристика *жар/heat* сферы-источника интерпретации ОГОНЬ/FIRE переносятся на сферу-мишень ЧУВСТВА/FEELINGS и в интерпретации автора становится страстью (*fire, heat = passion*). Концептуальная характеристика *свет/light (the natural agent that stimulates sight and makes things visible* [15]) в интерпретации автора переходит в сферу чувств и становится чувством просветления, радости, тепла (*fire/light = divine/joy/warmth*), которое ста-

новится еще более очевидным в концептуальной оппозиции *fire vs. cold*. Таким образом, активируются концептуально-тематические области Природные явления и Человек + Эмоции человека через профилирование концептуальных характеристик *heat* и *light* посредством концептуальной метафоры.

Помимо этого, оценивающая эмотивно-экспрессивная интерпретация на языковом уровне передается также с помощью вопросительного предложения *How did we get here?* — когнитивным механизмом выступает концептуальная метафора: сфера-источник интерпретации МЕСТО, ТОЧКА/PLACE, в которой оказались субъекты во время поездки, переносится на сферу-мишень интерпретации ОТНОШЕНИЯ/RELATIONSHIPS. Концептуальным основанием является профилирование чувства удивления, разочарования, потери ориентира в обеих ситуациях (поскольку не достигнута цель путешествия: поездка — конечный пункт; отношения — гармония); кроме того, поездка — это событие, и отношения между мужчиной и женщиной — тоже событие, но уже другого характера.

В предложении «*We see a storm is closing in*» [12] (*storm* — *violent disturbance of the atmosphere with strong winds and usually rain, thunder, lightning, or snow* [15]) микро-событие «гроза» в рамках макро-события данного контекста может интерпретироваться с двух точек зрения: как первичная непосредственная интерпретация природного явления; как вторичная интерпретация — концептуальная метафора СОБЫТИЕ-ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ / EVENT IS A NATURAL PHENOMENON (макрометафора ВРЕМЯ-ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ / TIME IS A NATURAL PHENOMENON). *We see* трансформируется в *We understand, storm* в *quarrel*. Сферы-источники интерпретации: СЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ/SENSE PERCEPTION (*vision*) и ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ/NATURAL PHENOMENON соответственно; сферы-мишени: МЕНТАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ/MENTAL PERCEPTION и ОТНОШЕНИЯ между людьми, ЛЮБОВЬ/RELATIONSHIPS, LOVE. Оценочная интерпретация предстоящей ссоры осуществляется на основе концептуальных характеристик: *violent disturbance, strong, controversy, a vehement outburst*, которые зачастую сопровождают оба события.

Интересны случаи активизации концептуально-тематических областей Машина/Топливо

и Человек / Части тела человека, которые проецируются на область Чувства: «*With half the tank and empty heart — A quarter tank and almost gone*» [12]. В данных примерах активизируется ряд взаимосвязанных когнитивных механизмов. Во-первых, концептуальная метафора *empty heart*: ЧЕЛОВЕК-ВМЕСТИЛИЩЕ. Сфера-источник интерпретации — ВМЕСТИЛИЩЕ/КОНТЕЙНЕР, сфера-цель — ЧЕЛОВЕК КАК ИСТОЧНИК/ВМЕСТИЛИЩЕ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ. Профилируется характеристика *отсутствия/недостатка*. В словосочетании *almost gone* задействован когнитивный механизм инференции, который активизирует выводное знание, общий фоновый контекст данного дискурса: *almost gone* может означать, что *мужчина почти ушел, либо женщина почти ушла, либо почти закончились все чувства и отношения между данными людьми*.

Также активизируется *концептуальное сравнение* количества бензина в топливном баке и чувств в человеке. Профилируется концептуальная характеристика количества. Концептуальное сравнение представлено имплицитно, без прямой номинации. Помимо этого, важное значение приобретает локализация данных словосочетаний в тексте: первое находится в начале и обозначает начало события (*onset*); второе — в конце и обозначает конец события (*offset*) [13]: профилируется характеристика количества и его изменение, градация в сторону уменьшения: уменьшается количество бензина (*half the tank / a quarter tank*) и уменьшается количество чувств (*empty heart / almost gone*), концептуальное основание — бензин нужен для работы и движения машины, чувства нужны, чтобы двигаться дальше по жизни с данным человеком; при этом если в пустом сердце сначала еще может быть чувство любви (хотя его мало *empty-hearted — lacking in feeling or sentiment*), то потом его уже почти нет. Таким образом, представлен эмотивно-аксиологический модус интерпретации.

Концептуальной характеристикой данного события в целом является чувство одиночества и грусти: «*As the sirens fill the lonely air*» (*lonely — sad because one has no friends or company; without companions; solitary*), которое реализуется с помощью концептуальных характеристик *sad, solitary*. Активизируется антропоморфная концептуальная метафора: сфера-источник — ЧЕЛОВЕК/HUMAN, сфера-мишень — ПРИРОДА, ВОЗДУХ/NATURE, AIR. Реализуется опосредованная передача одиночества и грусти человека через окру-

жающую его действительность. Далее: *the sirens fill* — использование концептуальной метонимии, при которой в концептуальной области Техника/Машина, которая может издавать звук, *выводится* из фокуса внимания (*дефокусируется*) сама машина, а *фигурой* становится звук, издаваемый машиной. При этом и сирена (громкий звук), и сама машина не могут ничего наполнять (*fill — [with object] cause (a space or container) to become full or almost full: «I filled up the bottle with water»* [15]): на уровне взаимодействия интерпретации и инференции высвечивается концептуальная характеристика того, что только человек обладает возможностью наполнить какой-либо контейнер чем-либо; в связи с чем активизируется антропоморфная метафора: ЗВУК-ЧЕЛОВЕК/SOUND-HUMAN; сферой-источником, как и в предыдущем примере, выступает ЧЕЛОВЕК/HUMAN; сферой-мишенью является ЗВУК, ТЕХНИКА, издающая звук / SOUND, MACHINE, making sounds. При этом в рамках концептуального контекста события расставания с девушкой профилируется еще одна концептуальная характеристика **концептуально-тематической области** Техника, а именно качество и количество издаваемого звука: *громкий звук (siren — a device that makes a loud prolonged signal or warning sound* [15]); данная характеристика переносится на концептуально-тематическую область Человек/Мужчина/Женщина, в результате чего происходит формирование нового концептуального содержания посредством концептуальной метафоры: женщина и, возможно, мужчина (поскольку звуков сирен много: *sirens*) способны издавать громкий звук. В когнитивном контексте данного события этими громкими звуками могут быть крик или повышенный тон во время ссоры. При одновременной активизации концептуальной характеристики «предупреждающий сигнал» (*warning sound*) образуется новое концептуальное содержание — предупреждения об опасности: если вовремя не остановиться, то все эти ссоры (громкие звуки) приведут к концу пути, к концу события, к концу отношений. Таким образом, в данном микроконтексте активизируется целая сеть метафтонимических когнитивных механизмов с привлечением инференции и дефокусирования; представлен эмотивно-аксиологический модус интерпретации.

В предложении «*We're running all the red lights down*» [12] представлен рационально-аксиологический модус интерпретации: нарушение правил

(нельзя ездить на красный цвет светофора) — нарушение правил во взаимоотношениях (*we do, what we shouldn't do = we do what we are not supposed to do*).

Таким образом, концепт СОБЫТИЕ в поэтическом дискурсе получает многофокусную модусную языковую интерпретацию: с одной стороны, он может быть интерпретирован как скрипт или сценарий, где *событие = время = путешествие = путешествие в никогда и никуда*. При этом возможно выделить ряд составляющих, которые реализуют данный скрипт на языковом уровне. Когнитивными механизмами формирования данных временных смыслов являются пространственно-двигательные КМ. С другой стороны, выделяются три фокуса интерпретации: селективный, классифицирующий и оценочный.

Когнитивными механизмами формирования данных смыслов являются: дефокусирование, инференция, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, метафтонимия и в целом концептуальная деривация.

При этом наблюдаются значительные различия в том, какие концептуально-тематические области оказываются задействованными при языковой интерпретации в рамках словарных статей и при реализации события в конкретном контексте.

Концептуально-тематические области языковой интерпретации концепта СОБЫТИЕ

Концептуально-тематические области, выделенные при концептуально-дефиниционном анализе	Концептуально-тематические области, задействованные в контексте представленного дискурса
Политика; общественные мероприятия; катастрофы и несчастные случаи; спорт; семья; государство; наука; путешествие; развлечения и праздники; <i>жизнь человека; человек</i>	<i>Человек; жизнь человека; чувства, испытываемые человеком; путешествие/поездка; танец; техника/звуки, издаваемые техникой; природные явления: огонь, воздух; религия: дьявол</i>

Как видно из представленной таблицы, центральной тематической областью выступает человек и его жизнь. А далее человек как биосоциокультурный организм интерпретирует действительность и окружающую его среду, с которой он постоянно взаимодействует, опираясь на социальный, культурный и субъективный опыт. В данном дискурсе подобная интерпретация высвечивает те концептуально-тематические области (*танец, техника, природные явления и др.*), которые не были выявлены при анализе словарной дефиниции лексемы *event*.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал / Н. Н. Болдырев, Л. А. Панасенко // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2013. — № 2. — С. 5–12.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. — Тамбов, 2014. — 236 с.
3. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2015. — № 1. — С. 5–12.
4. Болдырев, Н. Н. Языковая интерпретация и структура сознания / Н. Н. Болдырев // *Когнитив. исследование яз.* — 2016. — Вып. XXVII — С. 25–35.
5. Бронникова, О. В. Способы концептуализации времени в английском языке / О. В. Бронникова // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VIII Междунар. науч. конф., Челябинск, 20–22 апреля 2016 г. / отв. ред. Л. А. Нефёдова*. — Челябинск, 2016. — Т. 2. — С. 15–19.
6. Заботкина, В. И. Антропоцентризм в репрезентации событий: ментальные модели и дискурс / В. И. Заботкина // *Когнитив. исслед. яз.* — 2016. — Вып. XXVII. — С. 45–50.
7. Кошелев, А. Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов / А. Д. Кошелев. — М., 2015. — 280 с.
8. Кравченко, А. В. Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте / А. В. Кравченко // *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / под ред. А. А. Кибрика, А. Д. Кошелева, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазуровой, О. В. Фёдоровой*. — М., 2015. — С. 574–594.
9. Леонтьева, К. И. Антропоцентрические координаты феномена перевода: субъектный принцип, интерпретация и «живое» знание / К. И. Леонтьева // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2016. — № 4 (49). — С. 41–50.

10. Маховикова, Д. В. Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Маховикова. — Тамбов, 2012. — 180 с.
11. Резникова, С. С. Концепт «событие» и способы его вербальной репрезентации в СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Резникова. — СПб., 2006. — 24 с.
12. Dumont, D. Ocean Drive / D. Dumont. — URL: <http://www.azlyrics.com/lyrics/dukedumont/oceandrive.html>.
13. Evans, V. The structure of time: Language, meaning and temporal cognition / V. Evans. — Amsterdam; Philadelphia, 2004. — 286 p.
14. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things / G. Lakoff. — The University of Chicago Press, 1990. — 631 p.
15. Oxford Dictionary Online. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
16. Schank, R. C. Scripts, plans, goals and understanding : an inquiry into human knowledge structures / R. C. Schank, R. P. Abelson. — Hillsdale, 1977. — 248 p.
17. Sinha, Ch. Living in the Model. The Cognitive Ecology of Time. A Comparative Study / Ch. Sinha // Proceedings of the 12th International Conference on Model-Based Reasoning. Studies in Applied Philosophy, Epistemology, and Ethics, Springer / ed. L. Magnani. — Berlin; Heidelberg, 2011. — URL: http://projekt.ht.lu.se/fileadmin/user_upload/project/ccs/MBR012SinhaPreprint.pdf.
18. Zlatev, J. The Semiotic Hierarchy: Life, consciousness, signs and language / J. Zlatev // Cognitive Semiotics. — 2009. — № 4. — P. 169–200.

Сведения об авторе

Бронникова Ольга Васильевна — аспирант кафедры английского языка Института филологии и журналистики, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. olgacc@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 11–19.*

THE CONCEPT *EVENT* IN THE ENGLISH LANGUAGE AND WAYS OF ITS CONSTRUAL

O. V. Bronnikova

Tyumen State University, Tyumen, Russia. olgacc@rambler.ru

In this paper, we focus on the language construal of the concept *EVENT* and its conceptualization in the poetic discourse. With the help of the cognitive-discourse analysis, the concept *EVENT* may be scrutinized via a cognitive model-scheme, which is a script, i. e. a cognitive propositional model that structures human everyday experience. One of cognitive mechanisms to provide functioning of a script is a motion-spatial cognitive model (KM). The other aspect of scrutinizing the event is through the Construal Theory developed by N. N. Boldirev (2013, 2015, 2016) and the Theory of the Semiotic Hierarchy by J. Zlatev (2009). According to J. Zlatev meanings are results of the construal performed by a human who is a biosociocultural organism that constantly interacts with the environment. The Construal Theory deals with the language construal that falls into three types: selection, classification and assessment. Construal is based on a number of cognitive mechanisms as conceptual metaphor, metonymy, defocusing, inference, etc. and in general on the conceptual derivation. We scrutinize a poetic text in accordance with the given above statements.

Keywords: *the concept event, construal, biosociocultural organism, poetic discourse, cognitive mechanisms of event formation.*

References

1. Boldyrev N.N., Panasenko L.A. Kognitivnaja osnova leksicheskikh kategorij i ih interpretirujushhij potencial [Cognitive basis of lexical categories and their construal potential]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2013, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.).

2. Boldyrev N.N. *Kognitivnaja semantika. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku : kurs lekcij* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics. Lectures]. Tambov, 2014. 236 p. (In Russ.).
3. Boldyrev N.N. Antropocentricheskaja sushhnost' jazyka v ego funkciyah, edinicah i kategorijah [Anthropocentric essence of the language in its functions, units and categories]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.).
4. Boldyrev N.N. Jazykovaja interpretacija i struktura soznaniya [Language construal and the conscience structure]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive studies of language], 2016, iss. XXVII, pp. 25–35. (In Russ.).
5. Bronnikova O.V. Sposoby konceptualizacii vremeni v anglijskom jazyke [Means of time conceptualization in the English language]. Nefedova L.A. (ed.). *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticeskom i kul'turologicheskom aspektah. T. 2* [Word, utterance, text: materials of the VIII international scientific conference. Vol. 2]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 15–19. (In Russ.).
6. Zobotkina V.I. Antropocentrizm v reprezentacii sobytij: mental'nye modeli i diskurs [Anthropocentrism in event representation: mental discourse models]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive studies of language], 2016, vol. XXVII, pp. 45–50. (In Russ.).
7. Koshelev A.D. *Kognitivnyj analiz obshhechelovecheskih konceptov* [Cognitive analysis of human concepts]. Moscow, 2015. 280 p. (In Russ.).
8. Kravchenko A.V. Grammatika v kognitivno-semioticheskom aspekte [Grammar in cognitive-semiotic aspect]. Kibrik A.A., Koshelev A.D., Kravchenko A.V., Mazurova Ju.V., Fjodorova O.V. (eds.). *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [Language and thought in modern cognitive linguistics]. Moscow, 2015. Pp. 574–594. (In Russ.).
9. Leont'eva K.I. Antropocentricheskie koordinaty fenomena perevoda: subjektnyj princip i interpretacija i «zhivoe» znanie [Anthropocentric coordinates of translation: subjective approach and construal and “living” knowledge]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2016, no. 4 (49), pp. 41–50. (In Russ.).
10. Mahovikova D.V. *Leksicheskie sredstva konceptualizacii vremeni v sovremennom anglijskom jazyke* [Lexical means of time conceptualization in modern English]. Tambov, 2012. 180 p. (In Russ.).
11. Reznikova S.S. *Koncept «sobytie» i sposoby ego verbal'noj reprezentacii v SMI* [The concept of event and means of its verbal representation]. St. Petersburg, 2006. 24 p. (In Russ.).
12. Dumont D. *Ocean Drive*. Available at: <http://www.azlyrics.com/lyrics/dukedumont/oceandrive.html>.
13. Evans V. *The structure of time: Language, Meaning and Temporal Cognition*. Amsterdam; Philadelphia, 2004. 286 p.
14. Lakof G. *Women, Fire, and Dangerous Things*. The University of Chicago Press, 1990. 631 p.
15. *Oxford Dictionary Online*. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com>.
16. Schank R.C., Abelson R.P. *Scripts, Plans, Goals and Understanding: an Inquiry into Human Knowledge Structures*. Hillsdale, 1977, 248 p.
17. Sinha Ch. Living in the Model. The Cognitive Ecology of Time. A Comparative Study. Magnani L. (ed.). *Proceedings of the 12th International Conference on Model-Based Reasoning. Studies in Applied Philosophy, Epistemology, and Ethics*, Springer. Berlin; Heidelberg, 2011. Available at: http://projekt.ht.lu.se/fileadmin/user_upload/project/ccs/MBR012SinhaPreprint.pdf.
18. Zlatev J. The Semiotic Hierarchy: Life, Consciousness, Signs and Language. *Cognitive Semiotics*, 2009, no. 4, pp. 169–200.

УДК 81'374
ББК 382.3

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Г. Будыкина

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена проблеме англоязычных заимствований в терминологии российского образования, которая в последнее десятилетие активно развивается и пополняется в связи с подписанием Россией Болонской декларации в 2003 г. В статье приводятся примеры прямых заимствований в терминологии российского образования, а также примеры словообразовательных, семантических и фразеологических калек, призванных заполнить лакуны в номинации новых явлений и предметов и совершенствовать имеющуюся систему обозначений.

Ключевые слова: *заимствования, англоязычные заимствования, терминология российского образования, словарь терминов высшего образования, неологизмы.*

Лингвистическая трактовка термина «заимствование» до сих пор остается неоднозначной. В Российском гуманитарном энциклопедическом словаре дается следующее определение данному термину, в основе которого лежит дефиниция, предложенная Л. П. Крысиным: «Заимствование — процесс переноса элемента одного языка в другой язык (или одной формы какого-нибудь языка в другую его форму); элемент, перенесенный из одного языка в другой язык (или из одной формы языка в другую его форму)» [4. С. 7].

Э. Хауген описывает три основных типа заимствований: заимствованные слова, кальки и семантические заимствования. Согласно его мнению, о заимствованном слове (или собственно заимствовании) обычно говорят в тех случаях, когда из иностранного языка заимствуется как значение, так и звуковая оболочка слова. При калькировании переносится общее строение сложного или производного слова вместе с его значением, но на место всех иностранных морфем подставляются морфемы родного языка. Э. Хауген выделяет также гибридные заимствования, образованные частично из родного, частично из иностранного материала. Семантическое заимствование заключается в том, что слово приобретает новое значение благодаря семантическому и фонетическому сходству с каким-либо словом иностранного языка [5].

С. В. Гринев классифицирует заимствования на основании следующих признаков: 1. Время заимствования. 2. Язык-источник заимствования. 3. Сфера употребления заимствованных

слов. 4. Характер заимствованного материала: 1) прямое, или материальное, заимствование, то есть заимствование из чужого языка как материальной (звуковой или графической) стороны знака, так и его значения; 2) калькирование, представленное тремя разновидностями: а) словообразовательное калькирование, имитирующее чужую словообразовательную модель при наполнении ее своим морфемным материалом; б) смысловое или семантическое калькирование, при котором у слов национального языка под влиянием чужого появляются новые значения; в) фразеологическое калькирование — по существу, это перевод иноязычного выражения своими словами; 3) смешанное заимствование, при котором одна часть лексемы заимствуется, а вторая переводится или уже имеется в языке [3].

С целью проведения анализа англоязычных заимствований в терминологии российского образования рассмотрим состав терминологии заявленной сферы. Внутри нее можно выделить естественные исторически сложившиеся базовые термины; термины, перенесенные из других сфер деятельности; интернациональную терминологию; номенклатурные единицы для обозначения единичных объектов или явлений; заимствования из других языков; неологизмы, созданные для заполнения лакун в языке перевода по различным словообразовательным моделям, присущим языку перевода, и некоторые другие. Приведем примеры, иллюстрирующие направления формирования современного терминологического аппарата в этой сфере.

К исторически сложившимся базовым понятиям системы образования можно отнести такие лексические единицы, как *университет, студент, декан, заведующий кафедрой, отчислить, зачислить, слушатель*. Многие образовательные термины были заимствованы из других отраслей знаний. Например, наименование *модуль* (совокупность учебных дисциплин образовательной программы, объединенных периодом их изучения, которая имеет определенную логическую завершенность по отношению к установленным целям и результатам воспитания и обучения) было заимствовано из архитектуры; *мобильность* (перемещение кого-либо, имеющего отношение к образованию, на определенный срок в другое образовательное учреждение для обучения, преподавания или проведения научных исследований) пришло из военного языка и так далее.

К интернациональной терминологии, входящей в состав терминологии высшего образования, относятся такие единицы, как *стандартизация, гармонизация, глобализация, нострификация* и так далее.

К номенклатурным единицам, служащим названиями единичных объектов или явлений, относятся такие лексические единицы, как *Болонская декларация, Пражское коммюнике, проект «Тюнинг»* и так далее.

Объектом данного исследования являются заимствованные термины, которые были отображены из словника, разработанного автором словаря терминов высшего образования [1]. Прежде всего, стоит отметить, что среди заимствованных из других языков можно выделить слова греческого (*кафедра, библиотека, гармонизация*) и латинского происхождения (*студент, декан, кредит, энциклопедия*). Однако большую часть заимствованной терминологии представляют англицизмы, например: *приложение к диплому* (Diploma supplement), *академическая мобильность* (academic mobility), *тьютор* (tutor), *менеджер* (manager) (в отношении руководителя университета или его структурного подразделения), *транспарентность* (transparency) и так далее. Эти заимствования во многом объясняются доминированием английского языка как общепризнанного языка международного общения. В настоящее время английский язык служит вспомогательным языком и при передаче научной информации.

Взяв за основу классификацию С. В. Гринева, приведенную выше, мы проанализировали англо-

язычные заимствования в терминологии российского образования на предмет определения характера заимствованных терминов.

В результате нами выявлены следующие случаи прямого (материального) заимствования слов в сфере образования и смежных областей знаний: *бихевиоризм* (behaviorism), *бенчмаркинг* (benchmarking), *бюллетень* (bulletin), *кампус* (campus), *кандидат* (candidate), *коучинг* (coaching), *кластер* (cluster), *колледж* (college), *кредит* (credit), *дидактика* (didactics), *эндаумент* (endowment), *диплом* (diploma), *фидбэк* (feedback), *франчайзинг* (franchising), *фандрайзинг* (fundraising), *абсентеизм* (absenteeism), *адъюнкт-профессор* (adjunct professor), *о-нэр* (au-pair), *аудит* (audit), *аудитор* (auditor), *аксиома* (axiom), *тест* (test), *курс* (course), *семинар* (seminar), *портал* (portal), *субсидия* (subsidy), *экзамен* (examine), *портфолио* (portfolio), *метод* (method), *мониторинг* (monitoring), *модуль* (module), *ноу-хау* (know-how), *гlossарий* (glossary), *грант* (grant), *сандвич-курс* (sandwich course) и так далее.

Примерами словообразовательных, семантических и фразеологических калек, а также смешанных заимствований являются следующие одно- и многокомпонентные термины: *смешанное обучение* (blended learning), *мозговой шторм* (brain storming), *кейс-обучение* (case-study), *компенсаторное обучение* (compensatory learning), *дедуктивный подход* (deductive approach), *дистанционное обучение* (distance learning), *адаптивное обучение* (adaptive teaching), *летняя школа* (summer school), *открытый университет* (open university), *исходящая мобильность* (outbound mobility), *входящая мобильность* (inbound mobility), *активный словарный запас* (active vocabulary) и так далее.

Итак, анализ англоязычных заимствований в терминологии российского образования показал, что большинство англицизмов заимствованы в связи с необходимостью номинации новых явлений и предметов (*бакалавр, модуль, кредит*), что типично для лексического заимствования в целом [2], а также в связи с потребностью совершенствования имеющейся системы обозначений (*фандрайзинг, франчайзинг*). Среди проанализированных заимствований обнаружены все разновидности, отмеченные С. В. Гриневым: 1) прямое, или материальное заимствование; 2) калькирование: а) словообразовательное калькирование; б) смысловое, или семантическое; в) фразеологическое калькирование.

В заключение отметим, что в некоторых случаях в терминологии русского образования параллельно используются заимствованные термины и термины исконного происхождения, например: *кредит* (credit) и *зачетная единица*.

В этом случае мы рекомендуем для сохранения чистоты русского языка использовать своеязычные наименования, несмотря на то, что, например, неологизм *кредит* отвечает потребностям в экономии речевых усилий.

Список литературы

1. Будыкина, В. Г. Англо-русский словарь терминов высшего образования (на примере высшего образования в США) / В. Г. Будыкина. — М., 2017. — 392 с.
2. Голованова, Е. И. Когнитивные аспекты лексического заимствования / Е. И. Голованова // Изв. Смолен. гос. ун-та. — 2013. — № 1 (21). — С. 79–88.
3. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М., 2008. — 304 с.
4. Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. — М., 2002. — Т. 2. — 720 с.
5. Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. — М., 1972. — Вып. VI. — URL: <http://www.classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/32.htm>.

Сведения об авторе

Будыкина Вера Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. vbudykina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 9 (405). Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 20–22.

ANGLICISMS IN THE RUSSIAN EDUCATION TERMINOLOGY

V. G. Budykina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. vbudykina@gmail.com

The paper describes the use of anglicisms in terminology of Russian education which has been experiencing the period of its active development and enhancement after Russia joined the Bologna process in 2003. The examples of borrowings from the English language into the terminology of Russian education such as direct borrowings, loan translations, semantic loan translation and phraseological calques are presented in the paper. Their roles in filling lacunas in new objects and phenomena nomination are analyzed.

Keywords: *borrowings, anglicisms, terminology of Russian education, English-Russian dictionary of education.*

References

1. Budykina V.G. *Anglo-russkiy slovar' terminov vysshego obrazovaniya (Na primere vysshego obrazovaniya v SShA)* [English-Russian Glossary of Higher Education (On the example of Higher Education in the United States)]. Moscow, 2017. 392 p. (In Russ.).
2. Golovanova E.I. Kognitivnye aspekty leksicheskogo zaimstvovaniya [Cognitive aspects of lexical borrowing]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Smolensk State University], 2013, no. 1 (21), pp. 79–88. (In Russ.).
3. Grinev S.V. *Vvedeniye v terminovedeniye* [Introduction into Terminology Studies]. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.).
4. *Rossiyskiy gumanitarniy enciclopedicheskiy slovar' : v 3 t. T. 2* [Russian Humanitarian Dictionary in 3 vol. Vol. 2]. Moscow, 2002. 720 p. (In Russ.).
5. Haugen E. Process zaimstvovaniya [Process of borrowing]. *Novoe v lingvistike. Vyp. VI* [New in Linguistics. Iss. VI]. Moscow, 1972. Available at: <http://www.classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/32.htm>.

УДК 81.112
ББК 81.411.2

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ: НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКИХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ НАЧАЛА XIX ВЕКА

(Часть 1. Общие вопросы. Лексические параметры)

К. Р. Ваганова

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Исследуются текстовые категории в документах региональных памятников деловой письменности начала XIX в. Акцент делается на анализе репрезентации категории «связность» в тюменских следственных делах, рассматриваются способы вербализации лексических параметров. Делаются выводы о продуктивности явлений синонимизации.

Ключевые слова: *региональная деловая письменность, следственные дела, розыск, функциональная стилистика, текстовые категории, связность.*

Региональная деловая письменность начала XIX в. репрезентирует значительный материал для исследования системы русского литературного языка в рассматриваемый исторический период. До сих пор остаются нерешенными многие вопросы относительно становления и функционирования нормы делового языка в рамках тех или иных жанров, вербализации типичных моделей для разных подстилей официально-делового стиля. Как результат — необходимость расширения письменных источников, созданных не только в центральных, но и в региональных канцеляриях. Последнее позволяет сделать выводы о взаимосвязанности разнолокализованных памятников деловой письменности начала XIX в. и о сформированности общего текстового пространства с позиции одной стилистической парадигмы.

Настоящее исследование выполнено в рамках исторической функциональной стилистики текста, диахронической жанрологии и лингвистического целого. Такой комплексный подход к анализу тюменских следственных дел начала XIX в., во-первых, позволяет нам репрезентировать особенности стиля данных письменных источников, определить дифференциальные признаки региональных бумаг, во-вторых, сравнить с параметрами текстов, которые были созданы в центральных канцеляриях. Наиболее ценным в этом случае оказывается возможность сопоставительного исследования шаблонов деловых текстов в рассматриваемый исторический период.

Сформулируем методику настоящего анализа как систему диахронных принципов с возможно-

стью репрезентации «типовых разновидностей русского литературного языка в соответствии с типовыми разновидностями экстралингвистических факторов в их комплексе» [9. С. 5]. Особенно значимым нам кажется следующее замечание автора: «Для функционально-стилевого подхода характерно абстрагирование от текста как отдельного структурно-содержательного единства, как речевого произведения. Группа или все множество существующих однотипных текстов условно принимается за один текст» [9. С. 5].

Рассмотрение тюменских следственных дел начала XIX в. возможно в контексте функционирования типового варианта документа, в котором будут репрезентированы дифференциальные признаки жанра и стиля. Это объясняется следующим: тексты деловой письменности изначально составлялись в соответствии с существовавшим в тот или иной исторический период шаблоном. При этом мы, безусловно, осознаем наличие категории «автора» и как следствие — экспликацию некоторых новаций со стороны писца. Но уточним, что в данной статье мы имплицируем такие языковые варианты из контекста анализа тюменских следственных дел начала XIX в. за исключением тех моментов, когда они играют роль связующего признака в тексте.

Заметим, что текстовые категории чаще всего трактуются учеными не просто как признак, который присущ тому или иному письменному источнику, а как существенный, дифференциально значимый для экспликации жанрово-стилистического ресурса параметр. На этапе первичного системно-структурного анализа тюменских

следственных дел начала XIX в. перед нами стоит важная исследовательская задача — определить круг фундаментальных категорий текста как лингвистического объекта, свойственных данной группе памятников деловой письменности.

Обратимся к существующим теоретическим исследованиям в современной лингвистике. Н. В. Глухих подчеркивает, что категории *цельности* и *связности* обеспечивают «структурно-семантическое и стилистическое единство **коммуникативной цели** данного текста, **логической последовательности** его блоков, соответствующего **набора** текстообразующих **языковых единиц** [6]. Иными словами, важными оказываются такие текстовые параметры, при которых соблюдается единство функциональной направленности того или иного письменного источника, сохраняется репрезентация горизонтально-вертикальной проекции смыслов, а также членение деловых бумаг на определенные функционально-стилистические блоки.

Как отмечает в одной из своих статей М. Н. Гордеева, «сущность категории *связности* более четко выявляется на фоне категории *целостности*» [7. С. 128]. Категория *связности* играет решающую роль в формировании целостности того или иного текста: многими учеными (Б. М. Лейкиной, Ю. А. Сорокиным, А. А. Леонтьевым и др.) признается взаимосвязанность и взаимообусловленность этих параметров, целостность получает материализацию в связности, а связность есть одно из оснований целостности: «Целостность — это некоторая характеристика результата восприятия связанного текста, а сама связь — это **средство**, позволяющее получить данную характеристику» [36. С. 223].

Обобщим данные терминологические определения: рассматриваемое нами понятие *связность* относится к числу лингвистических категорий, что эксплицирует соответствующие формы ее репрезентации в том или ином тексте. Последнее зависит от общей функциональной семантики письменных источников. Смежное со *связностью* понятие *целостности* является скорее содержательной категорией. И в этом случае напрямую присутствует обусловленность «с законами восприятия текста и стремлением реципиента к объединению всех текстовых частей. Категорию связности можно назвать **языковой базой**, на которой основывается категория целостности» [7. С. 128].

Мы вслед за А. В. Бондарко и Т. В. Матвеевой придерживаемся той точки зрения, что о суще-

ствовании линейных текстовых категорий следует говорить только в случае репрезентации принципов последовательности языковых единиц и при наличии единой функционально-семантической предназначенности [9]. Автор поясняет, что каждая из последующих единиц такой цепи имеет непосредственную семантическую связь с предыдущей/предыдущими единицей/-ами [9]. Также существует значительная связь с полевыми категориями (например, тематической определенностью, локальностью, акцентностью) в контексте параметров «общее — частное». Так, тематическое поле текста включает в себя текстообразующую стержневую категорию линейного типа — тематическую цепочку — и дополнительную категорию линейного типа — тематическую перспекцию/ретроспекцию [9].

В своих работах В. А. Лукин предлагает выделять следующие типы текстовой категории *связности*:

1. Связность на уровне одноплановых единиц и форм знаков (повтор зрительно воспринимаемых образов: линий, точек и др.). Этот тип связности позволяет распознать в последовательности этих единиц текст.

2. Связность знаковых элементов текста, которую исследователь называет значимым «в гораздо большей степени для понимания смысла текста и его последующей интерпретации» [8. С. 22]. В нем участвуют элементы текста, которые получатель расценивает как знаки.

3. Лексическая связность:

– на уровне индексальных знаков, которые указывают на референт, не характеризуя его (местоимения, частицы, наречия и др.);

– на уровне условных знаков (слова, буквы, цифры, слоги, грамматические формы слов, части слов);

– на уровне имен собственных, которые к концу текста приобретают коннотации и могут концентрировать в себе содержание значительной части текста (подтемы, идеи).

4. Семантико-синтаксическая связность (явления *пресуппозиции*). В содержательном отношении это часть высказывания, характеризующаяся очевидностью и истинностью импликации, эллиipsis и актуальное членение предложения, подразумевающее выделение в тексте темы и ремы, построение тематических прогрессий.

5. Грамматическая связность (повтор тех или иных грамматических форм). Особенно ярко она проявляется в художественном тексте, ког-

да грамматический повтор является значимым для семантической структуры текста.

В своем диссертационном исследовании Т. В. Милевская предлагает выделять только два уровня экспликации категории *связность*. Ученый говорит о существовании **микрополя лексической когезии** и **микрополя когезии грамматической** и объясняет репрезентацию таких типов связности различием в способности языковых средств выполнять связующую функцию [10; 11]. Иными словами, выбор форм этой текстовой категории зависит от определенного перечня задач, выполняемых при создании текста.

Справедливым нам кажется утверждение Н. С. Валгиной относительно особенностей репрезентации текстовой категории *связность*. Автор пишет: «Глобальная связность (а она приводит к содержательной целостности текста) проявляется через **ключевые слова**, тематически и концептуально объединяющие текст и его фрагменты» [1. С. 49]. Иными словами, важным оказывается именно лексический уровень экспликации категорий, что объясняется общими законами порождения текстов региональных деловых бумаг в начале XIX в.

Мы вслед за Н. В. Глухих обратимся к классификации средств внутритекстовой связи, определяя их функциональную ориентированность следующим образом:

- 1) зависят от предмета речи, содержания переписки и обеспечивают его понимание;
- 2) поддерживают постоянное внимание адресата или привлекают его внимание;
- 3) служат логическому повествованию и употребляются не только для адресата, но и для самого адресанта, чтобы не потерять нить изложения;
- 4) вербализуют грамматическое единство средств выражения подобных мыслей [5].

Далее рассмотрим более подробно каждую из представленных групп средств внутритекстовой связи на материале тюменских следственных дел начала XIX в. Поясним, что при цитировании фрагментов архивных текстов мы используем следующее шрифтовое выделение: «жирным» обозначаем лексему или словосочетание, о которых идет речь в данном случае. Сам пример в соответствии с правилами оформления материала исследования обозначаем курсивом.

Итак, к первым средствам внутритекстовой связи относятся:

1.1. Различные виды повторов ключевых лексем:

– полные: «*То **донести** мнѣ немедленно равно **донести** потому естли онѣ нигжѣ въ городѣ нѣпроживаетъ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 82];

– частичные с изменением части речной принадлежности слов: «*Полагая, что таковыя происходятъ отъ ссыльныхъ, въ Тобольскѣ во множествѣ находящихся, и отъ прочихъ низшихъ классовъ людей, Я **полагаю** на себя долгѣ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 120. Л. 26]; «*К сему **рапорту** всего квартальные Степана Нагибина Дмитрея Самышникова и Степана Маркиева. Руку приложилъ квартальной Вадимъ Самышниковъ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 15];

– частичные с изменением падежной формы слова: «*Раздѣляя **всѣхъ** командируемыхъ для сего въ Управу козаковъ на четыре отряда, причислать къ онымъ по одному жандарму, а **всѣ** оныя поручать въ Управление одного*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 120. Л. 26].

Как было отмечено выше, повторы ключевых слов иллюстрируют явления глобальной связности, что также имеет место быть в текстах тюменских следственных дел начала XIX в. Поясним, что наличие данного типа когезии является необходимым элементом при создании деловых бумаг в региональных и столичных канцеляриях. Каждый раз составитель документов должен был соблюдать принципы стандартизации текстового пространства и диффузности представляемой информации в рамках одного следственного дела. Как следствие — частотность номинаций той или иной лексико-семантической группы.

1.2. Включение в текст наименований адресатов в начальном блоке повествования: «*Отдѣление предписываетъ вамъ **Г. Городничему***» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 120. Л. 48].

Первичная/повторная номинация получателя вписывалась обычно от руки, скорее всего, младшим сотрудником канцелярии, который мог не всегда хорошо справляться со своими обязанностями. Из-за увеличения делопроизводства в текстах деловых бумаг наблюдается некоторая вариативность: *Тюменскому Городничему, Тюменскому Господину Городничему, Тюменскому Г-ну Городничему*. Частотными являются трехчленные конструкции (*Тюменскому Господину Городничему, Тюменскому Г-ну Городничему*), нежели двучленные (*Тюменскому Городничему*). Такое этикетное обращение «*господин*» должно было носить обязательный характер репрезентации, но это не всегда

соблюдалось при оформлении деловых бумаг в начале XIX в.

Правила направления документов от одного лица к другому в этот исторический период подробным образом описаны в практическом руководстве к административному и уголовному делопроизводству Н. В. Варадинова: «Если перед адресатом ставится предлог “в”, например “В Правительствующий Сенат”, “В губернское правление” и т. д., это являлось характерным признаком документа, посредством которого сносятся учреждения равные между собой, а также низшие — с высшими. Указание адресата в Дательном падеже, например, “Губернскому правлению”, “Уездному суду”, “Господину Московскому гражданскому губернатору”, являлось отличительным» [2. С. 92]. Безусловно, настоящая стилистическая особенность составления документа может быть отнесена к деловым бумагам начала XIX в. Как верно подметила С. А. Глотова, «такая четкая привязка в указах формы адресования к иерархии управления косвенно подтверждает факт исторически сложившейся функциональной распорядительной нагрузки этого вида документа» [4. С. 183].

1.3. Включение в текст наименований адресатов в блоке основного содержания: «*Воисполнение, вашего высокоблагородия приказа данного намъ въ 31 день минушаго генваря*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 15]; «*Воисполнение даннаго мне отвашего высокоблагородия приказа*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 21]; «*иотправленія вамъ колодниковъ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 50. Л. 108].

Заметим, что стилистическая характеристика некоторых языковых единиц была связана с принятыми правилами речевого поведения в официальной сфере делового общения. Так, в блоках основного содержания (объяснения подчиненных, адресованные старшему по званию начальствующему лицу) реализуется вежливая форма почтительного обращения: *Ваше высокоблагородіе, Ваше благородіе, Ваше превосходительство*. Это указывает на должностную иерархию, знатность происхождения лица. Подобные номинации были свойственны деловому этикету того времени и соответственно включали титулование.

1.4. Наличие самоназвания делового документа непосредственно в тексте: «*Въ Тюменскую коменданскую канцелярію, в Тюменское воеводство канцелярии в сходстве присланной и зонной воевотской канцелярии, промеморія для препровожденія*» [ГАТО. Ф.И47. О. 1. Д. 463.

Л. 1]; «*подтверждается немѣдленно таковой доставить им предварительно донести о причинахъ, препятствующихъ на исполненіе онаго указа*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 120. Л. 47]; «*К сему рапорту всего кварталные Степана Нагибина Дмитрея Самышникова и Степана Маркиева*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 15].

Вспомним, что для первичного наименования собственно жанра следственных дел существовал следующий формат: составителями писался текст шрифтом более крупного размера в отличие от основного текста документа. Причем первая строка (УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА) также отличалась от второй части начального функционально-семантического блока (САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО). При вторичной номинации жанра не использовались особых шрифтовых выделений, потому что такой вид информации, с одной стороны, носил статус *данного*, а не *нового*. С другой стороны, повторяемость самоназвания, на наш взгляд, была предопределена не только законами организации регионального документооборота. Репрезентация глобальной связанности элементов текстового пространства наблюдается на протяжении всего письменного источника.

1.5. Синонимичные элементы в тексте: «*Послучаю оговора въ переводѣ Фальшивыхъ Ассигнацій которой примѣтами*» в блоке основного содержания и «*Губернское Правленіе ПРИКАЗАЛИ: Съ Выписаніемъ изъ сообщенія примѣтъ означеннаго Татарина Абраева*» в конечном блоке текста [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 99. Л. 3]; «*тобольскій приказъ общественнаго призрения требуетъ осыску отлучившегося*» в блоке основного содержания и «*Губернское правленіе ПРИКАЗАЛИ: о сыску Герасимова иовысылке*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 62. Л. 6] в конечном блоке.

Большинство текстов тюменских следственных дел начала XIX в. построены по принципу редупликации смыслов в двух частях текстового пространства: в блоке основного содержания и в предписывающей (императивной) фразе. Такая повторяемость информации говорит о наличии определенного формуляра, в рамках которого адресат должен был «получить» розыскное знание несколько раз в пределах одного документа. В этом случае и процессы запоминания осуществлялись быстрее, и соблюдался определенный вариант системности деловых бумаг.

Анализ формуляра тюменских следственных дел начала XIX в. является одним из не-

обходимых условий парадигматического изучения региональных документов как историко-лингвистических источников. На этом уровне следует говорить о репрезентации *фоновой* и *новой* для адресата информации. К первой относятся наименование организации, указание на должность, титулование, местонахождение и служебные отметки. *Новая* эксплицирует сведения о должности, о дате написания и получения документа, о регистрационном номере, о записи в журналы и в книги: в начальном блоке — записи о пункте получения, в конечном блоке — сведения из пункта отправления [6].

Таким образом, вне зависимости от функционально-стилистической и жанровой природы письменных источников на протяжении всего текста вариативным образом передается нужный (заранее известный адресанту и соответствующий функциональной направленности документа) объем информации. Поэтому, как справедливо отмечает Л. М. Яхиббаева, «целостность текста тесно связана с его информативностью. В процессе понимания совершается переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности. Этот переход является обязательным, а потому представляет собой одно из фундаментальных внутренних свойств текста, которое и называется его информативностью» [37. С. 211].

Проиллюстрируем вышесказанное, приведя в пример типичный для 20-х гг. XIX в. указ, оригинал которого хранится в Государственном архиве Тюменской области:

По: февраля 20 дня 1822 года

По Секрету

Указъ Его Императорскаго Величества | Самодержца Всероссійскаго, изъ Тобольскаго Губернскаго правленія Тюменскому | Г.Городничему сообщеніемъ бѣзъсарабское | областное правительство просить о | сыску выходца Василья Платонова | подозрѣваемого въ сочиненіи фальши-| выхъ Ассигнацій. Губернское правленіе | ПРИКАЗАЛИ: о сыску поименованнаго | выходца и объ отправки Его по наиденіи | въ бѣзсарабское областное правительство | предписалъ всемъ сей губерніи Городни-| чимъ и Земскимъ судамъ, стѣмъ, | чтобъ о последующемъ правленію ра-| портовать февраля 26 дня 1822 года.

Ассесор Синихинъ

<неразборчиво>

[ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 99. Л. 3].

Необходимость осуществления следственных действий относительно находящегося в розыске Василия Платонова, который подозревался в противозаконных деяниях (подделке государственных ассигнаций), репрезентируется в деловом документе дважды: «бѣзъсарабское | областное правительство просить о | сыску выходца Василья Платонова» и «Губернское правленіе | ПРИКАЗАЛИ: о сыску поименованнаго | выходца». Заметим, что общим каждый раз является соответствующее предписание относительно исполняемых далее действий (необходимо найти того или иного человека). Различие заключается в том, кто осуществляет данный вид деятельности: сначала — нижестоящее лицо, которое обращается в Губернское правление с «просьбой», затем — вышестоящее лицо, которое таким образом выносит «приговор».

1.6. Различные части речи для указания на предмет речи:

– личные местоимения: «Причисленные Тюменской Округе Тивдинской волости посельщикъ Наумъ Гровтѣшниковъ, просить **меня** одозволеніи ему [всту]пить въбракъ» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 65. Л. 25].

Употребление личных местоимений в роли частей речи, называющих предмет, о котором говорится в данный момент времени, на наш взгляд, находится на периферии всех языковых средств этой группы. Это обусловлено нечастотностью форм 1 лица в официальных бумагах распорядительного типа. Такие документы носили императивный характер передачи информации, что предполагало особый формуляр, в котором повествование шло с экспликацией предикатов в неопределенной форме (*приказали, отравили*).

– Указательные местоимения: «бежавшей из Баженовской волости колотникъ Тарасъ Федоровъ, но всыску **оного** здѣсь въгороде неоказалось» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 15]; «я рекомендую вашему высокоблагородію доставить **оныя** ко мнѣ» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 65. Л. 72]; «**сіе** правленіе приказили» [ГАТО. Ф. ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 58]; «овысылке въкрепость омскую салдатскаго сына Александръ Голенецкаго **симъ** Губернскому правленію донестъ» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 65. Л. 66].

На особую роль указательных местоимений в реализации текстовой категории связности указывает в своей докторской диссертации Т. В. Милевская: «Совмещающая функцию указания с функцией замещения антецедентных

референтных словоформ, дейктические местоимения играют важнейшую роль в **организации речевых единиц**, выступая как средства синтаксического дейксиса, оформляющие связь единиц текста» [11. С. 39]. Иными словами, необходимо говорить о смежности понятий в устной и письменной деловой коммуникации и помнить, что региональное следственное дело начала XIX в. представляет собой факт сжатия определенного коммуникативного акта между одним/несколькими адресантом/-ами и одним/несколькими адресатом/-ами.

– Субстантиваты: «*чтобы опоследующемъ донести*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 72. Л. 209]; «*предписываетъ осыску и поимкѣ находящегося въ бѣгахъ доминика бухльскаго и ко приведеніи послѣдующаго*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 72. Л. 286]; «*губернское правленіе ПРИКАЗАЛИ: осыску означеннаго шляхтича Буяльскаго*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 72. Л. 286].

В одной из своих работ Е. В. Генералова пишет, что в официально-деловом стиле XI–XVII вв. наблюдается появление особой группы субстантиватов — «**официально-деловые**» (например, *вышепомянутое*, *вышереченное*). Они образуются от прилагательных-композитивов, лексикализирующихся в форме среднего рода единственного числа. Автор в подтверждение высказанной идеи приводит следующие контексты: «*И о вышереченномъ млсти прошу* [И. Кольцов] *и стократно челомъ бью*» (ПНРЯ, с. 66, XVII в.); «*За симъ вѣчныхъ блгъ желател а любви твоєї всегда искателъ Фетка Мусинъ Пушкинъ прося о вышепомянутомъ* [выполнить работу и прислать узду] *млсти премного челомъ бьетъ*» (Грамотки, № 311, XVII — нач. XVIII в.)» [3. С. 136].

Следовательно, для данного подстиля в начале XIX в. оказалось характерно употребление особой группы лексем со строго определенным функциональным значением и типичной для этого языковой формой. Тюменские следственные дела начала XIX в. фиксируют примеры, в которых приведенные ранее субстантиваты (*вышепомянутое*, *вышереченное* — этот список может быть продолжен) употребляются еще в качестве атрибутивов: «*за карауломъ для сужденія за вышеописанной поступокъ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 49. Л. 295]. Такой иллюстративный материал позволяет нам сделать выводы о том, что в данный исторический период наблюдается некоторая полисемичность форм.

– Имя прилагательное: «*Въ общемъ присутствіи членами здешнаго магистрата*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 388. Д. 13]; «*здѣшній городничій представилъ мнѣ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 50. Д. 308]; «*въ здешней земской судѣ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 557. Д. 20].

Подобный тип связи, на наш взгляд, также называется частотным для текстов тюменских следственных дел начала XIX в. Выполняя атрибутивную роль, подобные лексемы эксплицируют и указательную функцию, поскольку они называют субъект/объект, о котором шла речь в данном предложении. Тем самым они акцентируют внимание «читателя» (адресата) на том, о чем говорилось ранее.

– Страдательное причастие прошедшего времени: «*донести честь имею что означеннаго Голенецкаго доставить въкрепость омскую*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 65. Л. 66]; «*означенныхъ въ указѣ бѣглыхъ*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 117. Д. 80б]; «*написанныхъ колодниковъ неоказалось*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 117. Д. 9]; «*согласно мненію помянутаго городничаго*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 50. Д. 309]; «*доставленнаго при отношеніи оной управы отъ 17 сего февраля съ № 437 арестанта Алексея Морозова*» [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 557. Д. 20].

Отметим, что некоторые номинации с обозначением предмета речи, о котором шла речь в том или ином следственном деле начала XIX в., характеризуются стилистикой разговорного стиля. Так, например, в «Указѣ его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго изъ Тобольскаго губернскаго Правленія Тюменскому Г-ну городничему» от 25 сентября 1804 г. [ГАТО. Ф.ИЗ. О. 1. Д. 50. Д. 302] находим употребление прилагательного *тамошній*. Из контекста «*что послеправкѣ тамошнемъ земскомъ судѣ*» ясно, что в данном случае лексикализуется значение 'этот'. Следовательно, можно говорить о соотносимости разговорного варианта *тамошній* и литературного (нейтрального) *этот*.

Подведя предварительные итоги, заметим, что процесс синонимизации, характерный для данного уровня репрезентации категории связности, занимает довольно важное место в структуре текста следственных дел Западной Сибири и Восточной Сибири. На этот факт, иллюстрирующий данное утверждение, обращают внимание многие исследователи деловой письменности XVIII в. Так, например, в статье Е. М. Шептухиной и И. С. Герасимовой приводится довольно инте-

ресный пример: «В рассматриваемых нами текстах слова *бѣглец* — ‘тот, кто совершил побег, убежал откуда-л.’ (СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 49), *колодникъ* — ‘арестант в колодках; вообще узник, арестант’ (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 176), *бѣглои* — ‘убежавший, находящийся в бегах’ (СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 51), *разбѣжавшии* (*розбѣжавшии*) человекъ являются контекстуальными синонимами: *означенной бѣглои из воцикъ масуринъ; бѣглець семень никиторовъ прозванием мякишевъ; оно-го колодника; разбѣжавших ряского уезду людги икрѣстьянь*. Последовательное использование этих лексем в войсковых грамотах о розыске беглых помогает организовать текстовое простран-

ство за счет ключевых слов. Повторяющийся компонент скрепляет предикативные части, подчеркивая семантическую цельность всей конструкции и текста» [выделено нами курсивом. — К. В.] [35. С. 48].

Таким образом, синтагматические отношения репрезентируются в текстах следственных дел Западной Сибири и Восточной Сибири на уровне употребления синонимических конструкций. Их частотность зависит от многих лингвистических факторов: важными оказываются жанрово-стилистические особенности документов, признаки региональной канцелярской традиции, а также соответствующие параметры стандартизации.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. — М., 2003. — 279 с.
2. Варадинов, Н. В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел с приложением к оным образцов и форм / Н. В. Варадинов. — СПб., 1857. — 393 с.
3. Генералова, Е. В. Лексико-семантические группы субстантивированных прилагательных в истории языка / Е. В. Генералова // Историческая лексикология и лексикография : межвуз. сб. — СПб., 2010. — Вып. 8. — С. 128–139.
4. Глотова, С. А. Возникновение и развитие распорядительной документации в России в XVI — начале XX вв. : дис. ... канд. истор. наук / С. А. Глотова. — М., 2011. — 320 с.
5. Глухих, Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII — начала XIX в. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Глухих. — Челябинск, 2008. — 48 с.
6. Глухих, Н. В. Информативность как типологический признак эпистолярного делового текста конца XVIII — начала XIX века / Н. В. Глухих // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2007. — Вып. 16. Филология. Искусствоведение. № 20. — С. 45–53.
7. Гордеева, М. Н. Особенности реализации категории связности в официально-деловом тексте / М. Н. Гордеева // Вестн. Кемер. гос. ун-та. — 2013. — № 4 (56), Т. 3. — С. 128–134.
8. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. — М., 1999. — 192 с.
9. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. — Свердловск, 1990. — 172 с.
10. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Милевская. — Ростов н/Д, 2003. — 43 с.
11. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Милевская. — Ростов н/Д., 2003. — 336 с.
12. Определѣніе о сыску дочѣри Авдотьи Евдокимовой от генваря 7 дня 1808 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 49. Л. 82.
13. Ответъ Г. Губернатору о доставленіи формулярныхъ списковъ Тюменской Штатной Городовой команды // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 65. Л. 72.
14. Ответъ Г. Губернатору от Генваря 9 дня 1812 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 65. Л. 25.

15. Ответъ Тюменскому г. Городничему по рапорту о сыску от 28 марта 1807 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 50. Л. 108.
16. Письмо в Тюменскую Полицейскую управу о кормовыхъ деньгахъ арестанта Алексея Морозова от 24 февраля 1837 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 557. Л. 20.
17. Письмо Тюменскому Господину Городничему о выдачѣ пересыльнымъ кормовыхъ денегъ от «28» Сентября 1804 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 50. Л. 308–309.
18. Письмо Тюменскому Г-ну Городничему из Тюменскаго уезднаго Суда 1812 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 388. Л. 13.
19. Предписаніе Г. Городничему относительно колодника Якова Корельскаго от Генваря 9-го дня 1828 года № 3 // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 120. Л. 48.
20. Промеморія Тюменской воеводской канцелярии препровождения в Тобольск полотниного и колоднищъ в Тюменской Гарнизонной команды Каптенодмуса от апреля 26 дня 1776 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.И47 «Тюменская воеводская канцелярия». О. 1. Д. 463. Л. 1.
21. Рапортъ о исполнении указа от 30-го минувшаго декабля за № 30944 // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 65. Л. 66.
22. Рапортъ о необнаружении вселенияхъ поучинению секретной публики означенныхъ приказе беглыхъ (июнь–август 1815 года) // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.И7 «Каменский частный комиссар». О. 1. Д. 117. Л. 8об.
23. Рапортъ о необнаружении вселенияхъ поучинению секретной публики означенныхъ приказе беглыхъ от Августа 24-го дня 1815 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.И7 «Каменский частный комиссар». О. 1. Д. 117. Л. 9.
24. Рапортъ прапорщика Федора Дворянскаго // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 49. Л. 21.
25. Списокъ с предписанія, даннаго Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Тобольской Общей Полицейской Управѣ от 6 сентября 1827-го года Н 3884 // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 120. Л. 26.
26. Требованіе Тюменскому Городничему о разъяснении причинъ отсутствія исполнительнаго рапорта о сыску крестьян помещицы Лымошиной Янины Эвлева и Федора Кирьянова от Генваря 16 числа 1828 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 120. Л. 47.
27. Указъ его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правленія Тюменскому Г-ну городничему от Сентября 25 дня 1804 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 50. Л. 302.
28. Указъ Его Императорскаго величества самодержца Всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго правленія от декабля 31 дня 1807 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 49. Л. 15.
29. Указъ Его Императорскаго величества самодержца Всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго правленія от марта 28 дня 1808 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 49. Л. 58.
30. Указъ Его Императорскаго величества самодержца Всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго правленія Тюменскому Городничему от Йюля 31 дня 1808 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 49. Л. 295.
31. Указъ его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правленія Тюменскому Господину Городничему о сыску богадельщика Ялуторовской округи Герасимова от Декабля «31» дня 1810 дня // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 62. Л. 6.
32. Указъ его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правленія о сыску и высылке бежавшаго их нижнетуринаго завода мелтдоваго мерболина бухрямова

от февраля 20 дня 1814 г. // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 72. Л. 209.

33. Указь его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правления Тюменскому Г-ну городничему осыску шляхтича Буяльскаго от Маия 15 дня 1814-го года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 72. Л. 286.

34. Указь его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правления о сыску выходца Василья Платонова от февраля 20 дня 1822 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 99. Л. 3.

35. Шептухина, Е. М. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных документах XVIII века / Е. М. Шептухина, И. С. Герасимова // Уч. зап. Казан. ун-та. Гуманитар. науки. — 2014. — Т. 156, кн. 5. — С. 41–51.

36. Шпар, Е. В. Основные проблемы исследования связности текста в отечественной лингвистике / Е. В. Шпар // Коммуникативно-функциональное описание языка : сб. науч. ст. — Уфа, 2003. — С. 211–218.

37. Яхиббаева, Л. М. Категории цельности / целостности и связности как основные признаки текста / Л. М. Яхиббаева // Лингвокультурология. — 2008. — № 2. — С. 209–214.

Сведения об авторе

Ваганова Ксения Ринатовна — кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русского языка и общего языкознания, Московский государственный областной университет. Москва, Россия. ksenia.vaganowa@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 23–34.*

THE MEANS OF REPRESENTATION CATEGORIES OF CONNECTIVITY: ON THE MATERIAL OF THE TYUMEN INVESTIGATION FILES IN THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY (Part 1. General questions. Lexical characteristics)

K. R. Vaganova

Moscow State Regional University, Moscow, Russia. ksenia.vaganowa@yandex.ru

The article is devoted to investigation of textual categories in the regional business texts dated by early 19th century. The emphasis is made upon the textual representation analysis of cohesion category in Tyumen investigation files; ways of verbalization of the lexical parameters are discussed. The present study is based on the historical functional stylistics of the text, the diachronic genres studies and linguistic source study. The integrated approach used in this paper to the analysis of the Tyumen investigations of the early nineteenth century allows to represent particular style of data written sources to identify differential features of regional papers, and then compare them with the characteristics of the texts that were created in the Central offices. The study draws conclusions about the productivity of phenomena synonym.

Keywords: *regional business texts, investigation cases, investigation, functional stylistics, textual categories, connectivity.*

References

1. Valgina N.S. *Teorija teksta* [The theory of the text]. Moscow, 2003. 279 p. (In Russ.).
2. Varadinov N.V. *Deloproizvodstvo ili teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugovolnomu kollegial'nomu i odnolichnomu pis'movodstvu, k sostavleniju vseh pravitel'stvennyh i chastnyh delovyh bumag i k vedeniju samih del s prilozheniem k onym obrazcov i form* [Office work or theoretical and

practical guide to civil and criminal collegial and individual paperwork, for drafting all government and private business papers and to the conduct of the works themselves with the addition of samples and forms]. St. Petersburg, 1857. 393 p. (In Russ.).

3. Generalova E.V. Leksiko-semanticheskie gruppy substantivirovannyh prilagatel'nyh v istorii jazyka [Lexico-semantic groups of substantivized adjectives in the language's history]. *Istoricheskaja leksikologija i leksikografija* [Historical lexicology and lexicography], 2010, vol. 8, pp. 128–139. (In Russ.).

4. Glotova S.A. *Vozniknovenie i razvitie rasporjaditel'noj dokumentacii v Rossii v XVI — nachale XX vv.* [The emergence and development of administrative documentation in Russia in the XVI — early XX centuries]. Moscow, 2011. 320 p. (In Russ.).

5. Gluhih N.V. *Delovoj jepistoljarnyj tekst konca XVIII — nachala XIX v. v aspekte russskoj istoricheskoi stilistiki (po skoropisnym arhivnym materialam Juzhnogo Urala)* [Business epistolary text of the late XVIII — early XIX century in the historical aspect of Russian stylistics (shorthand for archival materials of the southern Urals)]. Chelyabinsk, 2008. 48 p. (In Russ.).

6. Gluhih N.V. Informativnost' kak tipologicheskij priznak jepistoljarnogo delovogo teksta konca XVIII — nachala XIX veka [Informativity as a typological characteristic of the epistolary business texts of the late XVIII — early XIX century]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Cheljabinsk state University], 2007, iss. 16, vol. 20, pp. 45–53. (In Russ.).

7. Gordeeva M.N. Osobennosti realizacii kategorii svjaznosti v oficial'no-delovom tekste [Features of the implementation of the connectivity category in the official text]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Kemerovo state University], 2013, vol. 4 (56), book 3, pp. 128–134. (In Russ.).

8. Lukin V.A. *Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvisticheskoj teorii i jelementy analiza* [literary text: fundamentals of linguistic theory and analysis]. Moscow, 1999. 192 p. (In Russ.).

9. Matveeva T.V. *Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij: sinhronno-sopostavitel'nyj ocherk* [Functional styles in terms of text categories: synchronously-comparative essay]. Sverdlovsk, 1990. 172 p. (In Russ.).

10. Milevskaia T.V. *Svjaznost' kak kategorija diskursa i teksta (kognitivno-funkcional'nyj i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty)* [Connectivity as a category of discourse and text (a cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects)]. Rostov-on-Don, 2003. 43 p. (In Russ.).

11. Milevskaia T.V. *Svjaznost' kak kategorija diskursa i teksta (kognitivno-funkcional'nyj i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty)* [Connectivity as a category of discourse and text (a cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects)]. Rostov-on-Don, 2003. 336 p. (In Russ.).

12. Opređenje o sysku dochčeri Avdot'i Evdokimovoj ot genvarja 7 dnja 1808 goda [The determination of the inquest her daughter Avdotya Evdokimova from the date of 7 January 1808 year]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 49. Sh. 82. (In Russ.).

13. Otvet G. Gubernatoru o dostavlenii formuljarnyh spiskov Tjumenskoj Shtatnoj Gorodovoj komandy [The answer to Mr. Governor of habeas formulary lists Tyumen Established policeman Team]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 65. Sh. 72. (In Russ.).

14. Otvet G. Gubernatoru ot Genvarja 9 dnja 1812 goda [Answer Mr. Governor from January 9th, 1812]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 65. Sh. 25. (In Russ.).

15. Otvet Tjumenskomu g. Gorodnichemu poraportu o sysku ot 28 marta 1807 goda [Answer Tyumen lord mayor's report on the inquest from about March 28, 1807]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 50. Sh. 108. (In Russ.).

16. Pis'mo v Tjumenskuju Policejskuju upravu o kormovyh den'gah arestanta Alekseja Morozova ot 24 fevralja 1837 goda [Letter to the council of the Tyumen Police fodder money prisoner Alexei Morozov on February 24, 1837]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 557. Sh. 20. (In Russ.).

17. Pis'mo Tjumenskomu Gospodinu Gorodnichemu o vydachč peresyl'nym kormovyh deneg ot «28» Sentjabrja 1804 goda [Letter to the council of the Tyumen Police fodder money prisoner Alexei Morozov on February 24, 1837]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 50. Sh. 308–309. (In Russ.).

18. Pis'mo Tjumenskomu G-nu Gorodnichemu iz Tjumenskago uezdno Suda 1812 goda [Letter Tyumen Mr. the mayor of the district of the Tyumen Court 1812]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 388. Sh. 13. (In Russ.).

19. Predpisanie G.Gorodnichemu ot nositel'no kolodnika Jakova Korel'skago ot Genvarja 9-go dnja 1828 goda № 3 [Prescription with respect to convict the mayor Mr Jacob Korelskogo of January, on the 9th day in 1828 № 3]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 120. Sh. 48. (In Russ.).

20. Promemorija Tjumenskoj voevodskoj kanceljarii preprovozhdenija v Tobol'sk polotninigo i kolodnicъ v Tjumenskoj Garnizonnoj komandy Kaptenodmusa ot aprelja 26 dnja 1776 goda [Promemoriya Tyumen Provincial Office of transmittal polotninigo to Tobolsk in the Tyumen and convict Garrison command Kaptenodmusa days from April 26 1776]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I47. Dep. 1. File 463. Sh. 1. (In Russ.).

21. Raport o ispolnenii ukaza ot 30-go minuvshago dekabrja za № 30944 [The report on the implementation of the decree on the 30th of last December for the № 30944]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 65. Ll. 66. (In Russ.).

22. Raport o neobnaruzhenii vselenijah pouchineniju sekretnoj publiky oznachennyh prikaze beglyh (ijun'-avgust 1815 goda) [A report about the discovery of the universe pouchineniyu secret aforesaid public order runaway (June-August 1815)]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I7. Dep. 1. File 117. Sh. 80б. (In Russ.).

23. Raport o neobnaruzhenii vselenijah pouchineniju sekretnoj publiky oznachennyh prikaze beglyh ot Avgusta 24-go dnja 1815 goda [A report about the discovery of the universe pouchineniyu secret aforesaid public order runaway from August 24, 1815]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I7. Dep. 1. File 117. Sh. 9. (In Russ.).

24. Raport praporshhika Fedora Dvorjanskago [The report of Ensign Fyodor Nobility]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 49. Sh. 21. (In Russ.).

25. Spisok s predpisanija, dannogo Tobol'skim Grazhdanskim Gubernatorom Tobol'skoj Obshej Policejskoj Upravъ ot 6 sentjabrja 1827-go goda N 3884 [Spisok with the provisions of the Civil Governor of Tobolsk Tobolskim General Police Town Council of 6 September 1827 year N 3884]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 120. Sh. 26. (In Russ.).

26. Trebovanie Tjumenskomu Gorodnichemu o razjasnenii prichin otsutstvija ispolnitel'nago raporta o sysku krest'jan pomeshhicy Lymoshinoj Janiny Jevleva i Fedora Kir'janova ot Genvarja 16 chisla 1828 goda [Requirements Tyumen mayor's explanation of the reasons for the absence of the executive report of the inquest peasant landowner Lymoshinoy Ioannina Evleva and Fyodor Kiryanov on the 16th day of January, 1828]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 120. Sh. 47. (In Russ.).

27. Ukaz ego Imperatorskago velichestva samodержca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravelenija Tjumenskomu G-nu gorodnichemu ot Sentjabrja 25 dnja 1804 goda [Ukaz His Imperial Majesty of All-Russian autocrat Tobolsk Tyumen gubernskago Board Mr. the mayor from September 25, 1804]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 50. Sh. 302. (In Russ.).

28. Ukaz Ego Imperatorskago velichestva samodержca Vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago pravelenija ot dekabrja 31 dnja 1807 goda [Ukaz His Imperial Majesty of All-Russian autocrat of Tobolsk provincial government 31 days of December 1807]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 49. Sh. 15. (In Russ.).

29. Ukaz Ego Imperatorskago velichestva samodержca Vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago pravelenija ot marta 28 dnja 1808 goda [Decree of his Imperial Majesty of All-Russian autocrat of Tobolsk provincial government on March 28, 1808]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 49. Sh. 58. (In Russ.).

30. Ukaz Ego Imperatorskago velichestva samodержca Vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago pravelenija Tjumenskamu Gorodnichemu ot Jjulja 31 dnja 1808 goda [Decree of His Imperial Majesty of All-Russian autocrat of Tobolsk provincial government Tyumenskamu Governor on July 31, 1808]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 49. Ll. 295. (In Russ.).

31. Ukaz ego Imperatorskago velichestva samodержca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravelenija Tjumenskomu Gospodinu Gorodnichemu o sysku bogadel'shhika Jalutorovskoj okrugi Gerasimova ot Dekabrja «31» dnja 1810 dnja [Ukaz his Imperial Majesty of All-Russian autocrat Tobolsk Tyumen gubernskago

Mr Board the mayor of inquest bogadelschika Ialutorovsk neighborhood Gerasimov from December “31” the day of the day in 1810]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 62. Sh. 6. (In Russ.).

32. Ukaz ego Imperatorskago velichestva samoderzhca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravlenija osysku ivysylke bezhavshego ih nizhneturinskago zavoda meltdovago merbolina buhrjamova ot fevralja 20 dnja 1814 g. [Ukaz his Imperial Majesty of All-Russian autocrat Tobolsk gubernskago Board osysku expulsion and fleeing their nizhneturinskago plant meltdovago merbolina buhrjamova on 20 February 1814]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 72. Sh. 209. (In Russ.).

33. Ukaz ego Imperatorskago velichestva samoderzhca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravlenija Tjumenskomu G-nu gorodnichemu osysku shljahticha Bujal'skago ot Maija 15 dnja 1814-go goda [Decree of his Imperial Majesty of All-Russian autocrat Tobolsk Tyumen gubernskago Board Mr. the mayor of the inquest nobleman Buyalskago the day May 15, 1814, the year]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. File 72. Sh. 286. (In Russ.).

34. Ukaz ego Imperatorskago velichestva samoderzhca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravlenija o sysku vyhodca Vasil'ja Platonova ot fevralja 20 dnja 1822 goda [Ukaz his Imperial Majesty of All-Russian autocrat Tobolsk gubernskago Board's inquest native Vassily Platonov on February 20, 1822]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tyumen Region]. Fond I3. Dep. 1. Д. 99. Л. 3. (In Russ.).

35. Sheptuhina E.M., Gerasimova I.S. Jazykovye sredstva realizacii tekstovyh kategorij v regional'nyh dokumentah XVIII veka [Linguistic means of realization of text categories in the regional documents of the XVIII century]. *Uchjonye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanities], 2014, vol. 156, book 5, pp. 41–51. (In Russ.).

36. Shpar E.V. Osnovnye problemy issledovanija svjaznosti teksta v otechestvennoj lingvistike [Main problems of the study of cohesion of the text in Russian linguistics]. *Kommunikativno-funkcional'noe opisanie jazyka* [Communicative and functional language description]. Ufa, 2003. Pp. 211–218. (In Russ.).

37. Jahibbaeva L.M. Kategorii cel'nosti / celostnosti i svjaznosti kak osnovnye priznaki teksta [Category integrity / cohesion and connectivity as the main features of the text]. *Lingvokul'turologija* [Cultural linguistics], 2008, vol. 2, pp. 209–214. (In Russ.).

УДК 81'42
ББК 81.2-5

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К МИГРАНТАМ В РУССКОМ, АМЕРИКАНСКОМ И НЕМЕЦКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ*

В. В. Диденко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

** Исследование выполнено при поддержке гранта
«Wladimir-Admoni-Programm für Sprach- und Sprechwissenschaft,
gefördert vom DAAD aus Mitteln des Auswärtigen Amtes (AA)»*

В статье выявляются и анализируются дискурсивные стратегии русского, американского и немецкого миграционного медиадискурса. В качестве объекта используются корпуса медиатекстов из ведущих печатных СМИ. Путем анализа высказываний на тему толерантности по отношению к мигрантам определяются и сопоставляются основные дискурсивные стратегии трех национальных медиадискурсов.

Ключевые слова: *дискурс-анализ, дискурс, медиадискурс, толерантность, миграция.*

В последнее время проблема миграции и беженцев становится одной из самых актуальных тем как в российских, так и зарубежных СМИ. Такие тенденции понятны, если обратиться к данным статистики. По сообщениям Росстата (<http://www.gks.ru/>), в России с 2010 по 2015 г. количество мигрантов выросло почти втрое. В США доля миграционного населения с 1990 по 2013 г. увеличилась на 5,1 % — с 7,9 до 13 % (<https://www.dhs.gov/>). Наиболее резкие перемены характерны для Германии — здесь в 2014–2016 гг. наблюдается резкий скачок числа мигрантов (884 493 чел. в 2013 г., начиная с 2014 г. — более 1 млн ежегодно) [15]. Такое увеличение происходит за счет приема беженцев из стран Ближнего Востока (в 2016 г. 25,7 % мигрантов прибыло в Германию из Сирии) [15].

Почему на таком фоне на первый план выходит проблема (переосмысление) толерантности? Обратимся к одному из словарных определений лексемы «толерантность»: «<...> 3) Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению <...> [курсив наш. — В. Д.]» [1]. Если снова вернуться к статистическим данным, то окажется, что именно мигранты могут восприниматься как «чужие» (культурно и религиозно): в США — 22 млн чел. из стран Латинской Америки и 13 млн чел. из стран азиатского региона (<https://www.dhs.gov/>); в Германии — мигранты из Ближнего Востока, среди которых, согласно данным «Федеральной службы по ми-

грации и беженцам», 75,9 % мусульманского вероисповедания [15]. В этом смысле для России стоит привлечь статистику не только международной миграции (среди которой за последние годы лидирует Украина), но и внутренней — из одних регионов в другие. Жители российских республик, этнический состав которых в большинстве своем составляет нерусское население, могут представляться как «чужие» в других регионах, например, Республика Ингушетия: русские — 0,8 %, ингуши — 94,1 %; Чеченская республика: русские — 1,9 %, чеченцы — 95,3 % (<http://www.gks.ru/>).

В таком контексте во всех трех национальных медиадискурсах обнаруживаются попытки (пере)осмысления толерантности и рефлексии на ее тему, к примеру:

(1) «Но при чем здесь толерантность вообще? К чему она? И к кому толерантность?» (Вести недели, 27.03.2016).

Настоящее исследование как раз и ставит перед собой целью выяснить, какие дискурсивные стратегии вызывают или ограничивают появление в медиатекстах тех или иных высказываний по поводу толерантности к мигрантам, а также влияют на возникновение противоречивых высказываний.

Традиции дискурс-анализа, заложенные М. Фуко [6; 7; 8; 9], за последние 20 лет получили особенное развитие во французской лингвистике, а также в других социогуманитарных науках (социологии, политологии, культурологии).

В других странах, в том числе и России, дискурс, понимаемый в духе Фуко и его последователей, все еще недостаточно представлен в исследовательских разработках.

Первоначально сам Фуко использует понятие «дискурс», «discours» в смысле, отличном от общепринятого («discours» в переводе с французского — «речь», «выступление», «слова»). Фуко описывает дискурс, опираясь на термин «énonces» (фр.: «высказывания») и (дискурсивные) события. Он характеризует дискурс как обширную область, которая конструируется совокупностью всех высказываний (énonces) в рассеяние событий, каждое из которых соединяется благодаря проникновению в них данных высказываний [6; 7; 8]. «Дискурс» Фуко — это не совокупность текстов и не совокупность высказываний, а *отношения* и связи, которые возникают между высказываниями и событиями. «Высказывания» же не сводятся к языковым выражениям. Они представляют собой абстрактные величины, которые могут получать разные языковые воплощения и не обязательно связаны с определенной языковой формой. Находясь между языком и мышлением, дискурсы обладают собственными дискурсивными стратегиями и механизмами, например, механизмами присоединения высказываний, механизмами, побуждающими к производству дискурсивных событий [2; 3].

В работах Фуко неясным остается вопрос, каким образом в дискурсе может возникнуть то или иное высказывание/событие. Во многих исследованиях, выполненных в том числе последователями Фуко [2; 3; 4; 13; 14], описывается процесс как отдельное высказывание/событие, который благодаря своей повторяемости становится серией, или **дискурсивной стратегией**. Так, немецкий лингвист и философ Д. Буссе утверждает, что дискурсивные стратегии пронизывают все отдельные высказывания и тексты дискурса и определяются посредством частоты встречаемости дискурсивных единиц [3]. К ним принадлежат не только эксплицитные единицы, но и присоединяемые контексты, указания на соседние или противоположные смысловые области, скрытые предпосылки и так далее.

Вопрос о том, как может изначально возникнуть то или иное высказывание/событие, остается открытым. Некоторые исследователи, анализирующие работы Фуко, утверждают, что сам он склонялся к тому, что любое высказывание порождается самим дискурсом и не может при-

йти извне [14]. Такой тезис часто вызывает критику (напр., со стороны последователей марксистской или феминистской теории) [14]. В этом контексте интересно обратиться к идеям другого французского философа, представителя деконструктивизма Ж. Деррида. В своей статье «Typewriter Ribbon» он задает вопрос: «Как можно помыслить вместе событие (event) и механизм (machine)?» [5] Он утверждает, что событие может называться событием, только если оно невозможно (im-possible), если у него отсутствуют всякие предпосылки.

Таково первоначальное философское понимание дискурса. В лингвистике оно провоцирует появление отдельного направления — **дискурсивной семантики** [2; 3; 4; 13]. Она не является чем-то отличным от семантики слова, текста или предложения, а скорее основывается на их методологии, расширяя и дополняя ее. Одной из основных целей дискурсивной семантики выступает определение дискурсивных стратегий изучаемого дискурса. Это осуществляется с помощью количественного анализа повторяющихся высказываний, относящихся к определенному референтному объекту. Причем «высказывания» понимаются исключительно в духе Фуко — имеющие не только эксплицитные, но и имплицитные выражения. Для выявления последних используется анализ импликатур и пресуппозиций, понимание которых в рамках дискурсивной семантики обладает своей спецификой. Если П. Стросон определяет пресуппозиции следующим образом: «Предложение S имеет своей пресуппозицией предложение S' тогда и только тогда, когда истинность S' является условием истинности или ложности S» [перевод наш. — В. Д.] [12. С. 175], в контексте дискурсивной семантики следует уточнить, что понимается под отношениями истинности и ложности. Основываясь на положении У. Селларса [11], переформулируем определение П. Стросона следующим образом: «Предложение S имеет своей пресуппозицией предложение S' тогда и только тогда, когда адресант *верит* (или хочет убедить в этом адресата), что истинность S' является условием истинности или ложности S». Что касается импликатур, то они определяются Г. Грайсом [10] как один из типов выводимых следствий, так называемых инференций. Если рассматривать импликатуры с позиций дискурсивной семантики, то, как и в случае с пресуппозициями, следует добавить, что здесь им-

плицируются не сами высказывания, а вера в их истинность участников коммуникации. Основное отличие имплицатуры от пресуппозиции в том, что для корректного использования имплицатур предполагается вера в истинность обоих высказываний, а не только S', как в случае с пресуппозициями.

Так как при определении дискурсивных стратегий учитываются и анализируются самые частотные высказывания (серии), то о возникновении отдельных высказываний (событий) речь обычно не идет. Однако в анализе ниже заметно, как некоторые из таких единичных высказываний могут вступать в противоречие с той или иной дискурсивной стратегией. В этом случае мы предполагаем три варианта: 1) противоречие между высказыванием и стратегией чисто внешнее, оно снимается при глубинном анализе; 2) данное высказывание относится к другой дискурсивной стратегии; 3) оно возникает спонтанно (без предпосылок, как пишет Деррида).

В рамках дискурсивной семантики используется также и особое понимание дискурса — в более узком значении. Дискурсы характеризуются как виртуальные открытые корпуса тестов, принадлежность которых к одному дискурсу определяется содержательными и иными критериями [3]. В нашем случае такими критериями являются следующие:

- в текстах поднимается тема миграции и толерантности к мигрантам;
- они являются комментариями и репортажами (не интервью, письмами читателей или чем-то иным);
- они относятся к ограниченному временному промежутку (01.01.2016 — 15.11.2016);
- они выбраны из конкретных источников — русских, американских и немецких печатных СМИ.

Частый вопрос, который встает при таком понимании дискурса — насколько он репрезентативен для исследования. В рамках дискурсивной семантики он, без сомнения, репрезентативен, однако в отношении избранного содержательного аспекта. В этом и заключается его особенность: корпус и предмет исследования нераздельно связаны, корпус сам конструирует предмет и тем самым результаты исследования. Поэтому такой корпус и называется «открытым» [3; 4]. Задача дискурс-анализа — изучить семантические отношения и связи, которые выражаются не только языковыми единицами (лексемами), но и проходят сквозь такие единицы, находя свое отраже-

ние в пресуппозициях, имплицатурах, возможностях производства конкретных высказываний [3; 4]. Поэтому и утверждается, что дискурсивная семантика дополняет и расширяет предыдущие семантические исследования.

Что касается исследовательского корпуса данной работы, он состоит из следующих медиатекстов:

- 65 текстов из русских газет «Аргументы и факты» (АиФ), «Российская газета» (РГ) и «Московский комсомолец» (МК);
- 69 текстов из американских газет «The New York Times» (NYT) и «The Los Angeles Times» (LAT);
- 75 текстов из немецких газет «Die Tageszeitung» (taz) и «Die Süddeutsche Zeitung» (SZ).

Приведем характеристику политической направленности указанных СМИ, чтобы выяснить, насколько они репрезентативны:

АиФ: независимая;

МК: независимая, с либеральным уклоном;

РГ: официальный печатный орган Правительства Российской Федерации, консервативный политический уклон;

NYT: независимая, с либеральным уклоном;

LAT: независимая;

SZ: левоцентристская;

taz: с либеральным уклоном.

Что касается политического спектра, то в случае русского медиадискурса он представлен почти полностью. В данном случае отсутствуют газеты-приверженцы каких-либо радикальных политических направлений, например, крайне левые. В американском медиадискурсе не представлены газеты республиканского толка, а в немецком — консервативного. Для проверки выявленных дискурсивных стратегий мы проводим выборочный анализ, задействуя материал из источников, не представленных в исследовании. Такая проверка включает ограниченное количество статей — за 2–3 месяца 2016 г. Для выборочного анализа мы отобрали следующие газеты:

«Правда»: издается политической партией КПРФ (Коммунистическая партия Российской Федерации); коммунистическая направленность;

«The Arizona Republic» (AR): американская ежедневная газета, республиканской политической направленности;

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ): немецкая ежедневная газета, правоконсервативного толка.

Предметом дискурс-анализа выступают высказывания на тему толерантности по отношению к мигрантам. В настоящих теоретических

рамках высказывание, как упоминается выше, не обязательно должно содержать эксплицитные выражения «мигранты» и «толерантность», а также оно не всегда совпадает с границами отдельного предложения. Итого в основных корпусах мы отобрали следующее количество таких высказываний:

80 в русском корпусе;

73 в американском корпусе;

94 в немецком корпусе.

Дискурс-анализ включает следующие этапы:

1) разбивка высказываний на отдельные тематические группы; 2) анализ импликатур и пресуппозиций; 3) выявление дискурсивных стратегий путем количественного анализа повторяющихся смысловых элементов; 4) рассмотрение высказываний, противоречащих выявленным стратегиям; 5) сравнение результатов с выборочной проверкой. Рассмотрим эти этапы более подробно.

Большинство высказываний всех трех национальных корпусов можно отнести к одинаковым **тематическим группам**:

1) мотивы и предпосылки возникновения толерантности;

2) субъекты толерантности и их особенности;

3) объекты толерантности и их особенности;

4) ошибки при проявлении толерантности, их последствия и пути исправления.

Каждое из высказываний имеет как **имплицатуры**, так и **пресуппозиции**. Ниже приведем примеры некоторых из них.

(2) «*Сейчас на фоне национальных успехов мы стали больше уважать себя. А это способствует тому, что мы в большинстве своем стали спокойнее и лучше относиться к другим. <...> в Европе происходит обратный процесс. <...> европейская толерантность и рассуждения о мультикультурализме возможны, только когда в обществе есть ощущение гарантированной безопасности и благополучия*» (АиФ, 23.03.2016).

Одна из пресуппозиций примера (2) («в России сейчас наблюдаются национальные успехи») укладывается в дискурсивную стратегию русского медиадискурса «одна из предпосылок толерантности — стабильность и благополучие в обществе». Импликатура «в Европе нет ощущения безопасности и благополучия, значит и толерантность снижается» также относится к основным дискурсивным стратегиям, на этот раз — об ошибочности тактики «европейской толерантности».

(3) «*Doch jemanden <...> zur Toleranz zwingen zu wollen — das gehe nicht <...>. Und die Toleranz so*

weit zu treiben, dass man seinen eigenen Lebensstil ändere, das gehe gar nicht» (SZ, 10.03.2016) / *Но хотеть принудить <...> к толерантности — это никуда не годится <...>. И так далеко заходить с толерантностью, что от этого меняется собственный стиль жизни — это совсем никуда не годится.*

В примере (3) эксплицитно и имплицитно отслеживаются такие дискурсивные стратегии немецкого медиадискурса, как «толерантность не возникает через принуждение», «ошибочной тактикой является заходить с толерантностью слишком далеко».

В контексте анализа пресуппозиций интересно сопоставить некоторые высказывания русского и немецкого медиадискурса, относящиеся к тематической группе «объекты толерантности и их особенности», к примеру:

(4) «*Nein, nicht alle syrischen Flüchtlinge sind Terroristen oder sympathisieren mit dem IS*» (taz, 22.10.2016) / «*Нет, не все сирийские беженцы террористы или приверженцы ИГ*».

(5) «*Естественно, далеко не все беженцы являлись боевиками ИГ*» (АиФ, 27.01.2016)

Пресуппозиции обоих высказываний совпадают: «некоторые / многие беженцы являются террористами».

Особенностью американского медиадискурса выступает большое количество медиатекстов политической тематики. Это объясняется тем, что в момент их публикации как раз проходила президентская предвыборная кампания. Поэтому одна из основных стратегий американского медиадискурса состоит в указании на толерантность к мигрантам демократов и нетолерантность республиканцев (и их кандидата Д. Трампа). Одно из частных проявлений такой стратегии — сообщения о том, что Х. Клинтон (кандидат демократов) нередко использует толерантность как предвыборный инструмент. В корпусе можно обнаружить как эксплицитное (пример 6), так и имплицитное выражение данной стратегии:

(6) «*Trump could be more competitive with Latino voters if he softened his tone and clarified his immigration position <...> it would be more practical and also it is humane*» (LAT, 23.08.2016) / «*Трамп имел бы больший успех среди латиноамериканских избирателей, если бы он смягчил тон и прояснил свою позицию по отношению к иммиграции <...> это было бы практичнее, и, кроме того, это гуманно*».

В таблице обозначим основные **дискурсивные стратегии**, которые удалось выявить методом

количественного анализа сходных по содержанию высказываний — эксплицитных или имеющих одинаковые имплицатуры и пресуппозиции (в скобках дано количество высказываний):

Дискурсивные стратегии

Тематическая группа	Русский медиадискурс	Американский медиадискурс	Немецкий медиадискурс
1) Мотивы и предпосылки толерантности	1) Безопасность и стабильность (9); 2) государство власть (7)	1) Belief, moral commitments of people (5) / вера, моральные обязательства людей; 2) pluralism, diversity (3) / плюрализм, разнообразие	1) Information / Aufklärung (12) / информация, просвещение; 2) der persönliche Kontakt zwischen Einwanderern und Einheimischen (11) / личный контакт между мигрантами и местными жителями
2) Субъекты толерантности и их особенности	1) Русские (10); неприязнь, раздражение, недовольство (17); страхи (13); культурные различия (7); отсутствие неприязни (7)	1) Funds and volunteers (11) / фонды и волонтеры; 2) Mr. Obama / Obama Administration (8) / г-н Обама / администрация Обамы; 3) Americans (3) / американцы; fear immigrants (11) / боятся иммигрантов; see immigrants as positive (4) / относятся к иммигрантам положительно	1) DEUTSCHE / deutsche Gesellschaft (37) / немцы / немецкое общество 2) Ehrenamtliche (11) / служащие Angst, Sorgen haben (24) / проявляют страхи и озабоченность; haben wenig Information über Flüchtlinge / Ausländer (7) / имеют мало информации о беженцах / иностранцах
3) Объекты толерантности и их особенности	1) жители стран СНГ (71); 2) из стран Ближнего Востока (18); 3) мусульмане (16); 4) трудовые мигранты (10); совершение преступлений (36); проявление исламских обычаев (15); хитрость, коварство, наглость (13); бедность, проблемы на родине (12)	1) Latinos, Central Americans (48) / латиноамериканцы, жители Центральной Америки; 2) Muslims (13) / мусульмане; 3) refugees (11) / беженцы; 4) African-Americans (black) (8) / афроамериканцы; (frightened, desperate) people fleeing violence, hunger and poverty (37) / (испуганные, отчаявшиеся) люди, бегущие от жестокости, голода и бедности; mothers and children, families (24) / матери и дети, семьи; want to work / study (21) / хотят работать / учиться; feel like Americans / love America (19) / чувствуют себя американцами / любят Америку	1) Flüchtlinge (62) / беженцы; 2) (strenggläubige) Muslime (41) / (сильно верующие) мусульмане; 3) Syrier (23) / сирийцы; fremde Kultur und Religion haben (31) / имеют чужую культуру и религию; (versuchen) sich zu integrieren / anpassen (27) / (пытаются) интегрироваться / приспособиться; studieren / arbeiten (wollen) (21) / (хотят) учиться / работать; entwurzelte Menschen aus den Krisengebieten (20) / люди, вырванные из своих стран, где идет война; kriminell, aggressive (18) / криминальные, агрессивные
4) Ошибки при проявлении толерантности, их последствия и пути исправления	1) Отменить ограничительные меры, смягчить правила (8); 2) безработность, наивность, романтизм (7); 3) отказ от толерантности (6); последствия: преступления со стороны беженцев (9); катастрофа, хаос (9); исправление: жесткие меры, контроль (20); отказ от европейской тактики толерантности (3)	1) Outrage, restrictions (14) / возмущение, ограничения; 2) blaming Muslims (5) / обвинение мусульман; последствия: lack of (talented) immigrants (16) / отсутствие (талантливых) мигрантов; damage other countries, other people (9) / нанести вред другим странам, другим людям; исправление: building relationships with other countries and people (4) / строить отношения с другими странами и людьми; vote against Trump (3) / голосовать против Трампа	1) Fremdenangst und –feindschaft (18) / ксенофобия и ненависть к другим 2) Falschmeldungen über Migranten verbreiten (11) / распространять неверные сведения о мигрантах; последствия: Anstieg rechter Gewalt / Rassismus (11) / подъем праворадикальных движений / расизма; Scheitern der Integration (7) / неудача в интеграции; исправление: Klarheit bringen, auf Fakten setzen (12) / внести ясность, основываться на фактах; Migranten integrieren (9) / интегрировать мигрантов

Анализ любой из тематических групп дискурсивных стратегий может стать материалом для самостоятельного исследования. Ниже коснемся лишь некоторых наиболее примечательных тенденций.

1) **Мотивы и предпосылки возникновения толерантности.** В американском медиадискурсе основные дискурсивные стратегии относятся к области личного мотива появления толерантности, причем несколько раз фигурирует лексема «shame» / «стыд». Представляет интерес сравнение с единичным русским выражением «чувство стыда» и немецким «ein (menschliches) Bedürfnis» / «(человеческая) потребность». Причислить такое высказывание к какой-либо дискурсивной стратегии русского дискурса оказывается сложным — оно встречается в мнении отдельного человека (интернет-пользователя) и, более того, в самом контексте подчеркивается его отличие от других высказываний:

(7) *«Отметим, впрочем, что далеко не пользователи поддержали националистическую риторiku. Так, руководитель портала “Такие дела” <...> написал, что “люди, которые возмущаются тем, что дети мигрантов учатся в школе, — звери и настоящий позор для нашей страны и нашего общества”»* (МК, 01.09.2016).

С другой стороны, возможно, именно данный контекст представляет собой одну из потенциальных возможностей противоречий основной дискурсивной стратегии, которая заключается во внешних предпосылках возникновения толерантности. Примечательно, что вышесказанное подходит и для немецкого медиадискурса: высказывание «ein (menschliches) Bedürfnis» / «(человеческая) потребность» актуализируется в мнении отдельного человека — помощника беженцам:

(8) *«Er organisierte Fahrräder, den Internetzugang. <...>. Er sagt: “Es ist mir ein großes menschliches Bedürfnis zu helfen”»* (taz, 16.07.2016) / *«Он нашел им велосипеды, провел интернет. <...> Он говорит: “Это большая человеческая потребность — помочь”»*.

Однако в немецком дискурсе выход на первый план личного, персонального мотива возникновения и проявления толерантности не противоречит (в отличие от русского дискурса) основным дискурсивным стратегиям (напр., «der persönliche Kontakt zwischen Einwanderern und Einheimischen / das Kennenlernen» / «личный контакт между мигрантами и местными жителями / знакомство»).

Что касается выборочной проверки, то в газете «Правда» прослеживаются такие же дискурсивные стратегии, что и в основном русском медиадискурсе — роль власти и политики при возникновении толерантности. Единственное отличие — сама власть эксплицируется как «(коммунистическая) партия», «советское правительство» и так далее. В американской газете «AR» стратегия также совпадает — она выражается в высказывании о «personal feelings» / «личных чувствах». Интерес представляет правоконсервативная немецкая газета «FAZ», высказывание о появлении толерантности в которой («Staat und Polizei» / «государство и полиция») сопоставимо с русской дискурсивной стратегией.

2) **Субъекты толерантности и их особенности.** Во всех трех национальных медиадискурсах прослеживается стратегия вынесения на первый план наполнителей с негативной коннотацией и приведения положительных примеров как образцов для подражания. В американском дискурсе заметно влияние темы политики и президентских выборов — в нем субъекты с негативными характеристиками (отсутствием толерантности) обозначаются большей частью как «gerpublicans» / «республиканцы», «Trump’s people» / «люди Трампа».

Интересно отметить, что в некоторых русских контекстах субъектами с негативными характеристиками выступает Европа и жители Европы, а в немецких и американских — жители России или российские иммигранты. В данном случае в русском дискурсе негативной характеристикой выступает не отсутствие толерантности, а неправильные тактики, связанные с ней (в случае «европейской толерантности»), например:

(9) *«Если Европа не прекратит делать вид, что ничего не происходит, она вскоре утонет в крови»* (АиФ, 20.07.2016).

В американском и немецком медиадискурсе, напротив, на первый план выходит отсутствие толерантности у русских:

(10) *«Sie [die russische Migrantin — В. Д.] teilt niemals mit Fremden und weist auch mich an, es nicht zu tun. Humanismus und selbstlose Nächstenliebe sind ihr fremd, weil sie diese Dinge in Russland nie erlebt hat»* (SZ, 30.06.2016) / *«Она [российская эмигрантка. — В. Д.] никогда не делится с чужими и говорит, чтобы я тоже так не делала. Гуманизм и самозабвенная любовь к ближнему чужды для нее, так как она никогда не пережила этого в России»*.

3) Объекты толерантности и их особенности.

Что касается особенностей объекта, то и в русском, и в немецком медиадискурсе на первый план выходят также негативные высказывания. Несмотря на их тематические сходства, в немецком и русском дискурсах данные высказывания реализуются в различных стратегиях. В русском медиадискурсе высказывания, принадлежащие к стратегии «совершают преступления», зависят от двух факторов: 1) других характеристик объекта («нелегальные мигранты» или «мигранты в Европе»); 2) высказываний тематической группы «ошибки при совершении действия». В немецком медиадискурсе действует иная стратегия — указать на ошибки в собственной действующей тактике проявления толерантности и разработать новую. В американском медиадискурсе высказывания тематической группы «criminal aliens / rapists» / «криминальные чужаки / насильники» обозначают уже другую стратегию — они в очередной раз связаны с мнением конкретного политического субъекта — Д. Трампа и его сторонников.

В то же время во всех трех дискурсах присутствуют менее частотные высказывания с противоположным значением — «законопослушность». В русском и немецком медиадискурсе они в большинстве своем укладываются в основную дискурсивную стратегию, так как реализуются по схеме, указанной в примерах (5) и (6).

В каждом из трех дискурсов присутствует своя стратегия, выносящая на передний план те особенности объекта, которые служат или могут послужить основанием для проявления к ним толерантности (иногда несмотря на наличие негативных характеристик).

В русском медиадискурсе на первый план выносятся такие особенности: «бедность, проблемы на родине», «культурная близость», «слабость, страх», «законопослушность».

В немецком: «(versuchen) sich zu integrieren / anpassen» / «(попытка) интегрироваться / приспособиться», «studieren / arbeiten (wollen)» / «(желание) учиться / работать», «entwurzelte Menschen aus den Krisengebieten» / «лишенные своей земли люди из военных регионов», «sind Menschen wie wir» / «такие же люди, как и мы», «sind nicht so strenggläubig (über Muslime)» / «не слишком религиозные (о мусульманах)», «Familien, Frauen und Kinder» / «имеют семью и детей».

В американском: «(frightened, desperate) people fleeing violence, hunger and poverty» / «(испуган-

ные, отчаявшиеся) люди, бегущие от жестокости, голода и бедности», «mothers and children, families» / «имеют семью и детей», «want to work / study» / «хотят работать / учиться», «victims asking US for help» / «жертвы, просящие США о помощи», «feel like Americans / love America» / «чувствуют себя американцами / любят Америку».

4) **Ошибки при проявлении толерантности, их последствия и пути исправления.** Примечательно, что самые частотные русские высказывания тематической группы «ошибки при совершении действия» находятся в прямом противоречии с самыми частотными американскими высказываниями. Однако некоторые (также довольно частотные) высказывания сходны во всех трех медиадискурсах — они принадлежат к тематической группе «отказ от толерантности».

Мы полагаем, что к основной стратегии во всех трех дискурсах принадлежит как раз отказ от толерантности в качестве ошибки. Однако некоторые высказывания других тематических групп, то есть действия иных стратегий, могут привести к отклонениям от нее. В преобладающем числе русских контекстов, где реализуются высказывания тематической группы «отменить ограничительные меры, смягчить правила» (как ошибки), присутствуют высказывания «кризис беженцев в Европе» и «беженцы» (если речь идет о «европейской толерантности») или «нелегальные мигранты» (в случае с «русской толерантностью»). В немецком дискурсе отклонения от основной стратегии появляются, если в действие вступает другая стратегия — осмысления собственной старой схемы толерантности и возможностей ее изменения. Подобные отклонения от основной стратегии в американском дискурсе проследить не удалось, так как их примеров не встретилось в текстах, вошедших в исследовательский корпус.

При этом последствия ошибок, выходящие на передний план в американском дискурсе, также проявляют другую природу, нежели последствия в русском и немецком дискурсах. В двух последних большинство из них принадлежат тематическим группам «катастрофа», «хаос», «насилие» с той разницей, что в русском дискурсе данные высказывания относятся к объектам (мигрантам), а в немецком к субъектам (местным жителям). В американском дискурсе наиболее частотные высказывания иные — «lack of (talented) immigrants» / «недостаток (талантливых) иммигрантов».

Тематическая группа «исправление ошибок», естественно, зависит от предыдущих. Отсюда — те же самые различия между тремя дискурсами. Так, высказывания «отменить ограничительные меры, смягчить правила» провоцируют появление высказываний «жесткие меры, контроль»; «restrictions for migrants» / «ограничения для мигрантов»; «building relationships with other countries and people» / «строить отношения с другими странами и людьми» и так далее. Этим же объясняется и появление высказываний тематической группы «starker Staat und Polizei» / «сильное государство и полиция» в немецком дискурсе — многие из них вызваны указанным выше переосмыслением стратегии толерантности, например, в таком контексте:

(11) *Kreuzberg war mal ein Synonym für Multikulti, Gelassenheit und Toleranz. Vorbei. Die Kriminalität eskaliert, und die Menschen haben Angst. <...> zu einem Satz, den man von linken Grüneher selten hört: “Die Situation ist dramatisch, das kann nur die Polizei lösen”* (SZ, 6.04.2016) / «Кройцберг был когда-то синонимом мультикультурализма, дозволенности и толерантности. Всё в прошлом. Преступность процветает, и люди боятся. <...> она произносит предложение, которое редко услышишь от сторонника левых и зеленых: “Ситуация дошла до предела, может помочь только полиция”».

Еще одна тенденция, касающаяся тематической группы «ошибки при совершении действия» и «исправление ошибок» — одинаковые наиболее частотные высказывания в немецкой правоконсервативной газете «FAZ» (источник выборочного анализа) и в основном русском материале: например, «жесткие меры, контроль» и «mehr Kontrollen, mehr Polizei» / «больше контроля, больше полиции». В американском корпусе подобных высказываний не выявлено.

Результаты проведенного исследования позволяют ответить на один из главных вопросов дискурс-анализа в духе М. Фуко: что ограничивает появление в дискурсе тех или иных элементов в данное время в данном месте?

В нашем контексте: 1) Почему в русском медиадискурсе возможность исправления неверной тактики европейской толерантности состоит только в отказе от нее?; 2) Почему в американском медиадискурсе вообще не поднимается проблема верной / ошибочной тактики толерантности?; 3) Почему в немецком медиадискурсе отказ от толерантности не рассматривается как исправление ошибок?

1) Стратегия об ошибочности тактики проявления толерантности реализуется в большинстве случаев, когда речь идет о «европейской толерантности». Такая стратегия всегда связана с высказываниями о беженцах и совершениях ими преступлений. В данном контексте толерантность понимается как «(излишняя) терпимость» и «снисходительность», но никогда как «сочувствие» или «уважение». С последними двумя значениями толерантность к мигрантам тематизируется в контекстах о «русской толерантности» с высказываниями иных тематических групп — что она возникает благодаря усилиям власти и политики, проявляется (чаще всего) по отношению к внутренним мигрантам и переселенцам из стран СНГ. Иными словами, «русская толерантность» реализуется с другими значениями и в рамках других дискурсивных стратегий. Она не может быть осмыслена как замена «европейской толерантности», поэтому единственным исправлением ошибок будет отказ от последней.

2) В основном американском медиадискурсе такая проблема действительно не поднимается. Однако она возникает при цитировании Д. Трампа, что уже делает возможным ее появление и в других частях дискурса. Если не рассматривать такие цитаты Трампа, то в преобладающих остальных случаях фрейм «толерантность» реализуется со значениями «открытость», «сочувствие», «гуманность», так как относится к объектам с такими характеристиками, как «(frightened, desperate) people fleeing violence, hunger and poverty» / «(испуганные, отчаявшиеся) люди, бегущие от жестокости, голода и бедности», «victims asking US for help» / «жертвы, просящие США о помощи» и так далее. Кроме того, толерантность часто возникает в высказываниях об американских ценностях, что исключает дискурсивную стратегию о ее ошибочности.

3) В немецком медиадискурсе толерантность потенциально может реализовываться со всеми значениями, указанными для русского и американского дискурса. Поэтому отказ от толерантности означает по сути «отказ от снисходительности, принятия, сочувствия, открытости, уважения». Мы предполагаем (и некоторые наполнители выборочной проверки это подтверждают), что такой отказ будет принадлежать дискурсивным стратегиям медиадискурса иной политической направленности — (крайне) правой.

Мы предполагаем, что большинство высказываний о толерантности к мигрантам при всей их

противоречивости реализуются в рамках той или иной дискурсивной стратегии. В проанализированной части дискурса обнаружены лишь единичные случаи «спонтанных» высказываний,

которые не укладываются в какую-либо дискурсивную стратегию, что, возможно, объясняется тем, что такая стратегия присутствует, но не была выявлена в ходе анализа.

Список литературы

1. Современный толковый словарь. — М., 1998. — 1686 с.
2. Busse, D. Historische Diskurssemantik / D. Busse // Linguistische Diskursgeschichte. Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht 31. — 2000. — Heft 86. — S. 39–53.
3. Busse, D. Linguistische Diskurssemantik: Rückschau und Erläuterungen nach 30 Jahren / D. Busse, W. Teubert // Linguistische Diskursanalyse: Neue Perspektiven. — Wiesbaden, 2013. — S. 31–53.
4. Busse, D. Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert. — Opladen, 1994. — 298 s.
5. Derrida, J. Typewriter Ribbon: Limited Ink (2) / J. Derrida, P. Kamuf // Without Alibi. — Stanford, 2002. — P. 71–160.
6. Foucault, M. Le mot et les choses / M. Foucault. — Paris, 1966. — 400 p.
7. Foucault, M. L'archéologie du savoir / M. Foucault. — Paris, 1969. — 294 p.
8. Foucault, M. L'ordre du discours : Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970 / M. Foucault. — Paris, 1971. — 81 p.
9. Foucault, M. Histoire de la sexualité / M. Foucault. — Paris, 1976. — 248 p.
10. Grice, H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Cole, P. Syntax and Semantics / P. Cole, J. L. Morgan. — New York; San Francisco; London, 1975. — Vol. 3. — P. 41–58.
11. Sellars, W. Presupposing / W. Sellars // The Philosophical Review. — 1954. — № 63. — Pp. 197–215.
12. Strawson, P. Introduction to logical theory / P. Strawson. — London, 1952. — 268 p.
13. Teubert, W. Die Wirklichkeit des Diskurses / W. Teubert, D. Busse, // Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven. — Wiesbaden, 2013. — S. 55–146.
14. Vighli, F. Žižek. Beyond Foucault / F. Vighli, H. Feldner. — New York, 2007. — 252 p.
15. Wanderungsmonitoring: Erwerbsmigration nach Deutschland. — Nürnberg, 2016. — 36 s.

Сведения об авторе

Диденко Вероника Викторовна — ассистент кафедры романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, Россия. verdi.fefu@gmail.com

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 35–44.*

TOLERANCE TOWARDS MIGRANTS IN RUSSIAN, AMERICAN AND GERMAN MEDIA DISCOURSES: THE MAIN DISCOURSE STRATEGIES

V. V. Didenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. verdi.fefu@gmail.com

This research is based on the methodological and theoretical tenets of discourse semantics. The aim is to reveal and to analyze the discourse strategies in Russian, American and German migration media discourse. The material used in the research consists of so called “virtual open text corpora”. It includes 65 articles from the Russian, 69 articles from the American, and 75 articles from the German newspapers. Through the quantitative analyses of the explicit and the implicit utterances (Foucault’s *énonces*) the main discourse strategies are revealed. It has come out that they are different in the media discourses under study. Analyzing the research results we claim that in most cases the utterances appear within the framework of a particular discourse strategy, whereas the last can belong either to both the media discourse and some overlying discourse or only to the specific part of the discourse that has been under our study.

Keywords: *discourse analysis, discourse, media discourse, tolerance, migration.*

References

1. *Sovremennyj tolkovyj slovar'* [Contemporary explanatory dictionary]. Moscow, 1998. 1686 p. (In Russ.).
2. Busse D., Teubert W. Historische Diskurssemantik. *Linguistische Diskursgeschichte. Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht* 31, 2000, Heft 86, pp. 39–53. (In German).
3. Busse D. Linguistische Diskurssemantik: Rückschau und Erläuterungen nach 30 Jahren. *Linguistische Diskursanalyse: Neue Perspektiven*. Wiesbaden, 2013. Pp. 31–53. (In German).
4. Busse D., Hermanns F., Teubert W. *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik*. Opladen, 1994. (In German).
5. Derrida J. Typewriter Ribbon: Limited Ink (2). *Without Alibi*. Stanford, 2002. Pp. 71–160.
6. Foucault M. *Le mot et les choses*. Paris, 1966. (In French).
7. Foucault M. *L'archéologie du savoir*. Paris, 1969. (In French).
8. Foucault M. *L'ordre du discours : Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970*. Paris, 1971. (In French).
9. Foucault M. *Histoire de la sexualité*. Paris, 1976. (In French).
10. Grice H.P. Logic and Conversation. Cole P., Morgan J.L. *Syntax and Semantics*, vol. 3. New York; San Francisco; London, 1975. Pp. 41–58.
11. Sellars W. Presupposing. *The Philosophical Review*, 1954, no. 63, pp. 197–215.
12. Strawson P. *Introduction to logical theory*. London, 1952.
13. Teubert W., Busse D. Die Wirklichkeit des Diskurses. *Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven*. Wiesbaden, 2013. Pp. 55–146. (In German).
14. Vighli F., Feldner H. *Žižek. Beyond Foucault*. New York, 2007.
15. *Wanderungsmonitoring: Erwerbsmigration nach Deutschland*. Nürnberg, 2016. (In German).

УДК 81'73.237
ББК 81

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА И ПРОЦЕССА ИНТЕРИОРИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

А. Ю. Епимахова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Настоящая статья посвящена выявлению взаимосвязи интерпретирующей функции языка и процесса интериоризации концептуальных структур, другими словами, концептуальному выравниванию, которое происходит в результате сближения концептуальных пространств двух контактирующих культур. В процессе интерпретации выделенные релевантные признаки объекта или явления ложатся в основу концептуальной системы принимающего языка.

Ключевые слова: коммуникативная функция, когнитивная функция, ориентирующая функция, интерпретирующая функция, концептуальное выравнивание, интериоризация.

Обозначенная тема имеет отношение к области когнитивной лингвистики и объясняет процесс формирования внутренних структур человеческого сознания посредством усвоения внешней социальной деятельности и присвоения опыта в результате сближения концептуальных пространств двух контактирующих культур. Перенос внешних действий в умственный, внутренний план выражения происходит осознанно при участии интерпретационной функции языка, представляющей знание, вытекающее из опыта взаимодействия с окружающей средой.

Накопленный опыт и знания, содержащиеся в языковых единицах, переходят от одной контактирующей культуры к другой. Во внутренних структурах человеческого сознания формируются целые цепочки (схемы) спланированных и отработанных действий.

Актуальность представленной темы обусловлена той значимой ролью, которую играют профессиональные ценности и стереотипы в сплочении и упрочнении социальных групп и целых классов внутри общества, в обеспечении конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынке и, как результат, в их перспективности. Поэтому детальное изучение единиц профессиональной коммуникации, являющихся объектом анализа, позволит выявить систему базовых концептов, сложившуюся в различных социально-профессиональных группах в рамках национальных культур.

В ходе анализа предполагается использование различных методов исследования: посредством описательного метода, метода словарных дефи-

ний, компонентного и концептуального анализа будет выявлена лингвокогнитивная специфика заимствованных терминов, путем контекстуального и социолингвистического анализа будут установлены их функциональные характеристики в языке. Пойдет речь о ряде важных и значимых функций языка, посредством которых происходит обмен информацией, обогащение языка, его усложнение, ориентация в пространстве культурных ценностей и интерпретация результатов познавательной деятельности.

К основным функциям языка относятся коммуникативная, познавательная (когнитивная), номинативная, аккумулятивная. Остановимся более подробно на первых двух. Коммуникативная функция языка связана прежде всего с тем, что язык является средством передачи информации. Он позволяет одному индивиду (говорящему) выражать свои мысли, а другому (воспринимающему) понимать и воспринимать их, то есть реагировать и проявлять какое-либо отношение и поведение относительно услышанного. Осуществление коммуникативной функции происходит благодаря тому, что язык является системой знаков, которые в свою очередь предназначены для передачи информации от человека к человеку.

Коммуникативная функция языка тесно связана с познавательной (когнитивной) функцией, так как информация и опыт, которые закреплены за каждым языковым знаком, являются отражением сознания индивида, результатом мыслительной операции. Язык и мышление неразрывно связаны друг с другом. Любые образы нашего сознания осознаются нами и окружающими в виде

закрепленных в языке знаков. Далее в процессе осмысления результатов познания накопленный опыт и информация закрепляются в сознании в виде единиц знания, иными словами, в виде концептов.

Н. Н. Болдырев отмечает три главных аспекта языка: репрезентативный, который связан с языковыми формами представления знаний в процессах концептуализации и категоризации мира; семиотический аспект, который в свою очередь раскрывает специфику семиозиса (означивания языковых единиц), то есть когнитивных и языковых механизмов формирования языковых значений и смыслов на системном и функциональном уровнях; и интерпретационный аспект, который раскрывает различные способы и механизмы интерпретации мира и вторичной интерпретации знаний о мире с помощью языка [1].

Репрезентативный и семиотический аспекты языка соотносятся с коммуникативной и когнитивной функциями (соответственно).

На современном этапе развития языкознания ученые обращают внимание на способность языка выполнять ориентирующую функцию (Е. С. Кубрякова), функцию ориентации для любого языка, «миросозидающую» функцию [4].

Ориентирующая функция является постоянным фактором лингвокреативного процесса, то есть выступает неким стимулом, мотивацией для создания новых единиц. Другими словами, номинативная функция, отвечающая за словопроизводство, за «называние» предметов и явлений носит ориентирующий характер, который в свою очередь является очень сложным и многоступенчатым механизмом. Процесс «называния» предметов и явлений или, другими словами, процесс номинации осуществляется благодаря когнитивному и коммуникативному взаимодействию.

Это сложный и многоступенчатый процесс. Термины, с одной стороны, должны быть компактны, а с другой — содержать в себе достаточный объем накопленного опыта, чтобы быть максимально информативными.

Ориентирующую функцию и ряд других дополнительных функций языка Н. Н. Болдырев относит к языковой интерпретации и реинтерпретации мира и знаний о мире, выделяя при этом важнейшую функцию языка (наряду с когнитивной и коммуникативной) — интерпретирующую [1]. Именно эта функция раскрывает специфику выделенного также Н. Н. Болдыревым интерпретационного аспекта языка.

Интерпретирующая функция языка помогает интерпретировать мир, глубже раскрывать сущность объектов и явлений, добавляя субъективное понимание объекту интерпретации. Интерпретация — это всегда субъективное выражение действительности, когда индивид, учитывая свой жизненный опыт, опираясь на существующие коллективные знания, воспринимает окружающую среду, дает оценку ей и трактует ее, используя свои толкования.

Представляя собой опытное знание, приобретенное в результате взаимодействия с окружающей средой, интерпретация основана на **выборе признака, выступающего в качестве интерпретирующего знания**. Выбор признака определяется его онтологией или форматом, который характеризуется антропоцентрической релевантностью [2], например, формат функции (утилитарное и прагматическое назначение природных объектов: природные вещества и материалы, объекты растительного мира; функции частей (органов) тела человека и животных; функции артефактов), формат перцепции (форма, размер, цвет, консистенция, пространственная ориентация, формат экспериенциальных эффектов, основанный на знании человека о внешнем воздействии на него окружающей среды) [2]. Социальный признак является также важным в интерпретации наименований лиц по профессии.

На примере термина *рецепционерист* (Middle English *receptio*; from Anglo-French or Latin *reception*; от лат. *receptio* — принятие, прием) можно проследить закономерность выделения релевантного признака в процессе интерпретации. Онтологически происходит метафорический перенос значения перцептивных функций организма — восприятие и преобразование (трансформация) энергии различных раздражителей — на значение и содержание понятия, вербализованного данной языковой единицей. Совокупность таких признаков, как РЕАКЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, СОЗЕРЦАНИЕ, УЯСНЕНИЕ, ВОСПРИНЯТИЕ, ОТВЕТ, ВОЗДЕЙСТВИЕ, ОТЗЫВ, РЕФЛЕКС, а отсюда РЕЦЕПЦИЯ, ПЕРЦЕПЦИЯ (что является близкородственными терминами), относится к важным составляющим данного понятия.

В результате сближения двух контактирующих культур, а именно культур, представленных носителями русского и английского языков, происходит выравнивание концептуального пространства принимающего языка. Поэтому

при использовании данного термина в русском языке находящиеся в основе релевантные признаки, согласно которым происходит интерпретация данного понятия, переходят в основу концептуальной системы русского языка. Благодаря интерпретационной функции языка, при которой глубже раскрывается сущность объектов и явлений, происходит осознанный перенос внешних действий во внутренний план, формируется внутренняя структура в сознании носителей русского языка. Согласно этому переносятся и копируются поведенческие механизмы, участвующие в профессиональной деятельности.

Для терминов, которые мы относим к терминологическому полю профессиональной деятельности, а именно к наименованию лиц по профессии, интерпретирующая функция, включающая в себя оценку, отрицание, приближение к ориентиру, экспрессивность, эвиденциальность, тональность и т. п., является особенно важной. Важным является и то, как оценивают индивида и какими формами представления знания о нем репрезентируют информацию в процессе концептуализации.

Связь интерпретации с репрезентацией и коммуникацией обеспечивается тем, что языковая интерпретация может проявляться в трех основных типах, которые реализуют соответственно три ее главных целевых функции: селекции, классификации и оценки [1].

Селективная функция способствует концептуализации окружающего мира и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов. Этот тип языковой интерпретации, по мнению Н. Н. Болдырева, представляет собой часть физического познания мира, которое приводит к образованию индивидуальных концептуальных систем [1].

Концептуальная система отдельного человека (как совокупность всех знаний о мире) отличается по содержанию от концептуальной системы другого человека. Структура и содержание способов репрезентации мира отличаются в зависимости от концептуальной системы отдельного человека, его среды и времени обитания, его окружения, уровня жизни, статуса в обществе.

На смену прежде актуальным терминам (наименованиям лиц по профессии) приходят более подходящие и соответствующие современным тенденциям понятия в сфере профессиональной коммуникации: *дежурный, вахтер, портье, швейцар, консьерж, приемщица* и т. п. — **ресепшионист**; *уборщица, домработница* — **специа-**

лист по клинингу, клинер, клиненгер, менеджер по клинингу, мастер чистоты, хаус-кипер; мас-совик затейник — **аниматор, event-менеджер; учитель, педагог** — **тьютор, коуч, фасилитатор; парфюмер** — **флейворист; специалист отдела кадров** — **хедхантер, фандрайзер**; и т. п. Далеко не все наименования лиц по профессии (из приведенных выше) зафиксированы в нормативно-официальных документах, но достаточно широко используются в устном профессиональном общении. Можно привести ряд примеров по различным областям профессиональной деятельности. Практически все сферы деятельности дополнены новейшими наименованиями, которые в своей форме содержат информацию о специфике и направленности той или иной профессии. Сфера медицины — *геронтопсихолог, трансплантолог, наномедик, биоэтик, арттерапевт*; сфера образования — *бейн-тренер, веб-психолог, интернет-коуч, коуч, коучер*; сфера торговли — *байер, шопер, мерчендайзер, вэн-селлер*; сфера рекламы — *медиа-байер, промоутер, бренд-менеджер, амбассадор, медиа-планер, блоггер, SEO-оптимизатор, веб-дизайнер, контент-менеджер, вебмастер, криэйтор, тренд-вотчер, баннер-мейкер, сендвич-мен, агент влияния (постер), комьюнити-менеджер, стратегический планер* и др.

Концептуальная система, вербализованная термином *ресепшионист*, отличается по объему и содержанию информации от концептуальной системы *вахтера, дежурного* и включает в себя такие ключевые понятия, как ПРИЕМ, ВСТРЕЧА, ПОЛУЧЕНИЕ, РЕГИСТРАЦИЯ. Каждое из ключевых понятий содержит в себе цепочку мероприятий и ряд обязанностей.

Ресепшионист в соответствии с определенными оценочными шкалами относится к более квалифицированному специалисту в области информационного обеспечения, так как в отличие от других специалистов, относящихся к категории технических исполнителей (*вахтер, швейцар, портье, консьерж, дежурный, приемщик* и т. п.), *ресепшионист* должен быть знаком с современными средствами передачи и хранения информации, знать структуру управления учреждения, основы делового этикета и протокола, стандарты делопроизводства, иностранные языки и так далее.

Подобная «интеллектуализация» наименований лиц по профессии возводит его в ранг социально-значимых, востребованных профессий, тем самым повышает статус и оценку специалиста.

Наименования лиц по профессии с положительной оценкой могут повлиять на самопрезентацию индивида в условиях современного общества. Интеллектуализация затронула все без исключения сферы профессиональной деятельности, начиная со сферы обслуживания и заканчивая самыми технологичными профессиями. Несмотря на то, что на смену человеку приходят сверхточные и технологичные машины, постоянно возрастают требования к человеку, который их обслуживает.

Накопленный опыт или присвоение опыта в результате концептуального выравнивания/интериоризации [3] является основанием для использования термина, репрезентирующего данный опыт, и включения его в концептуальную картину мира, в основе которой лежит система знаний о мире, фиксирующая в сознании человека его познавательную деятельность.

Концептуальное выравнивание национальных языковых систем в пределах профессиональной сферы деятельности или, другими словами, процесс интериоризации взаимосвязан с интерпретирующей функцией языка. В процессе интер-

претации выделенные релевантные признаки объекта или явления ложатся в основу концептуальной системы контактирующего языка и культуры. Интенсификация языковых контактов, продиктованная современными условиями развития общества, приводит к концептуальному выравниванию системы ценностей на ментальном уровне. Заимствование в русский язык наименования лица по профессии означает заимствование целого комплекса соответствующих концептов и концептуальных структур, когнитивных схем и цепочек. Сложный характер формальной структуры значительного числа заимствований в русский язык наименований лиц по профессии отвечает современным тенденциям усложнения мира и его познания. Заимствованные наименования лица по профессии в свернутом виде содержат значимую информацию о соответствующей сфере профессиональной деятельности и, будучи когнитивно-коммуникативной единицей знаковой природы, задают программу деятельности и поведения участникам профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н. Н. Болдырев // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2013. — № 1 (034). — С. 5–11.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал / Н. Н. Болдырев, Л. А. Панасенко // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2013. — № 2 (035). — С. 6–7.
3. Епимахова, А. Ю. Феномен концептуального выравнивания / А. Ю. Епимахова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2011. — № 11 (226). *Филология. Искусствоведение*. Вып. 53. — С. 42–46.
4. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения / Е. С. Кубрякова // *Когнитивные исследования языка*. — М.; Тамбов, 2009. — Вып. IV. — С. 11–24.

Сведения об авторе

Епимахова Алина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. aline_@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 45—49.*

CORRELATION OF INTERPRETATIVE FUNCTION AND INTERIORIZATION OF CONCEPTUAL FIELDS

A. Y. Epimakhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. aline_@mail.ru

The article reveals correlation of interpretative function and interiorization of conceptual fields, that is to say conceptual smoothing which occurs as a result of rapprochement of two contacting cultures' conceptual fields. In the process of interpretation emphasized relevant features of an object or phenomenon form the basis of accepting language's conceptual system.

Keywords: *communicative function, cognitive function, orienting function, interpretative function, conceptual smoothing, interiorization.*

References

1. Boldyrev N.N. Aktual'nye zadachi kognitivnoj lingvistiki na sovremennom jetape [On the integrative theory of linguistic representation of knowledge]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2013, no. 1 (034), pp. 5–11. (In Russ.).
2. Boldyrev N.N., Panasenko L.A. Kognitivnaja osnova leksicheskikh kategorij i ih interpretirujushhij potencial [Cognitive grounds of lexical categories and their interpretative potential]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2013, no. 2 (035), pp. 6–7. (In Russ.).
3. Epimakhova A.Ju. Fenomen konceptual'nogo vyravnivaniya [The phenomenon of conceptual smoothing]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, iss. 53, no. 11 (226), pp. 42–46. (In Russ.).
4. Kubrjakova E.S. V poiskah sushhnosti jazyka: vmesto vvedeniya [Introduction: searching for the language essence]. *Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. IV* [Cognitive Studies of Language. Iss. IV]. Moscow; Tambov, 2009. Pp. 11–24. (In Russ.).

УДК 81'33(574)
ББК 81.2 рус

ЭЛЕМЕНТЫ КОСМОГОНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ «СЕМЬЯ» У КАЗАХОВ

Н. В. Монгилева

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

Лингвоментальное пространство «семья» в казахской культуре сложилось на основе космогонической картины мира, для которой характерно представление о целостности, слитности мира, человека и среды его обитания. Родство по браку рассматривается как исполнение закона мироустройства, божественный акт. Архетипические представления о высшей божественной силе запечатлены во внутренней форме ключевых лексем лингвоментального пространства «семья». Элементами космогонической картины мира являются также метафора огня в обозначении семьи, а также формирование представлений о родовой группе как источнике жизненной энергии.

Ключевые слова: казахская лингвокультура, космогоническая картина мира, лингвоментальное пространство «семья».

Вопросы культурно-цивилизационной идентичности казахов — крайне востребованная тема философских, культурологических и исторических исследований. Признание ценности истории кочевых народов, их духовной культуры и особенностей менталитета отражено в трудах Д. К. Кшибекова, А. Кодар, А. Н. Нысанбаева, Г. Есим и многих других. Ученые стремятся выработать терминологический и категориальный аппарат из собственно казахских понятий во избежание стандартов марксистской методологии и европоцентризма. В множестве дискуссионных работ об особенностях мировосприятия казахов эти исследования кажутся наиболее объективными, их доказательной базой выступает языковой материал, так как язык формируется вместе с этносом, и языковой знак фиксирует результат мирозерцания и процесса познания.

Исследователи мировоззрения казахов отмечают его связь с древними верованиями, сложившимися задолго до появления и принятия кочевниками ислама [11]. Этот комплекс верований опирался на представления о взаимосвязи земного бытия со вселенскими, космическими сферами и о причастности каждого человека к космосу, природе, другим людям. В сознании кочевника было понимание того, что в явлениях природы присутствует вечная и неизъяснимая сила, действующая на человека и оказывающая положительное или отрицательное влияние на его судьбу [11]. Мифология тюркских народов как одна из форм богатой мировоззренческой культуры является составляющей тенгрианства

и отражает специфику мироотношения тюрков [4].

Основной и ключевой категорией понятийно-категориальной системы тенгрианства является *Тенгри*. Е. В. Федорова отмечает, что Тэнри (Тэнра, Тэнер, Тэңери, Тэңірі) в гуннском и древнетюркском тан означает *зарю, восход*, когда «свет озаряет все», «все просыпается и начинает жить». «Тэнг» — равный (тюрк.); якутское слово танг или тангар *собирает, моделирует, конструирует*. В созвучии со словом «айыы» — творение, творить, творец, Айыы Тангара означает Конструктор, Зодчий, Архитектор мироздания — природы, неба, космоса [15]. Дух Тенгри воплощается во всем, что составляет мир, тенгри казахов — то, что материалистический монизм называет материей, обобщенный именем сущего, а идеалистический — идеей [2].

Сакральный характер тенгрианской культуры запечатлелся в ключевых константах, мифологических образах-составляющих Тенгри, Көк, Жол, Жер-Су, Үмай, Құт и многих других, получивших многозначный смысл в казахской культурной истории [10]. Например, данное понятие востребовано и в современном казахском языке в выражениях *тэңірі ісі судьба, рок тэңірі жазса если удастся; если повезет, тэңірі жарылқап мене повезло*.

Казахское лингвоментальное пространство «семья» также является частью космогонической картины мира, для которой характерно представление о целостности, слитности мира, человека и среды его обитания. Древние верования тен-

гринианства отражены не только в семейных обрядах (рождении, инициации, женитьбе, смерти и так далее), что не случайно, так как принятие ислама привело к упразднению прежних обычаев, «обряды и культы традиционной духовности были сосредоточены преимущественно в сфере быта, вокруг семейных торжеств и мероприятий, приуроченных к основным вехам человеческой жизни [2]. Архетипические представления о высшей божественной силе запечатлены во внутренней форме ключевых лексем лингвоментального пространства семья и его структуре.

Вслед за А. А. Ворожбитовой и О. Ю. Берсеновой терминологическое сочетание «лингвоментальное пространство» используется для обозначения общей духовно-мотивационной настроенности коллективной языковой личности этносоциума, относительно целостной совокупности образов, идей, верований, «навыков духа», которая имеет регулярное вербальное выражение в дискурсивной универсуме, и в которой находят репрезентацию представления о личности, необходимой данному обществу, представления о ходе истории, идеалах, категориях добра и зла, понятиях должного, справедливого, равенства и так далее [6].

Сразу необходимо отметить, что структура казахской родственности давно и достаточно широко представлена в научной литературе [3; 5; 12]. Опустив детальное описание казахской системы родства, отметим лишь, что казахская терминосистема является классификационного типа, и термины родства включают до шести значений: пол, характер (линия) родства (кровное родство или свойство), линия родства векторная (прямое/боковое родство; восходящее/нисходящее), степень родства (первое поколение, второе и так далее), родовая соотносительность (по мужскому полу / по женскому полу), возраст по отношению к говорящему лицу (старше/младше).

Даже столь поверхностное описание терминосистемы родственности демонстрирует многочисленность казахской семейной группы, ее детальную структурированность и количество функций каждого члена группы по отношению к остальным родственникам. Поэтому русской лексеме *семья* в казахской лингвокультуре больше соответствует туыстар *родственники*, *родственность*.

Гипотезой данной статьи является утверждение о том, что лингвоментальное пространство «семья» в казахском коммуникативном сознании имеет черты космогонической картины мира, ко-

торая обуславливает представления о браке как о законе мироустройства, действию по восстановлению целостности личности.

Архетипический образ высшего божества имеет прямое отражение в лексике, связанной с рождением человека. Глагол туу *рождаться* (туыстар) объединяет и мир природы, и мир человека. Так, идея рождения человека передается в словах туыстар *родственники*, туған жұрт *родня по отцу*, но эта же лексема используется для обозначения восхода луны, солнца и так далее: аспанда ай туды *на небе вошла луна*, құйрықты жұлдыз туды *появилась комета*, туған ай *молодой месяц на небе*.

Көк (в современном казахском означает небо и голубой цвет) является частью полного имени божества Көк Мәңгі Тәңірі. Идея божества в слове көк подтверждается существованием мифологем Көк турк (небесные турки, Сыны Неба), Көк бөрі (небесный волк, Уран, символ силы и справедливости природы) [4], Көк бұқа (бык, вол, который по легенде держит на рогах землю) [9]. Образ Тенгри (в его выражении Көк) запечатлен во внутренней форме лексемы, функционирующей как обращение к отцу и старшим родственникам көке (букв. *возношу до небес*). Это обращение используют, когда хотят выразить и любовь, и почтение, и уважение, возвысить человека в своих глазах и глазах других.

В современном дискурсе о семье очень часто присутствуют отсылки к божественному, особенно если речь идет о родителях. Менің де ата-анам бар, Құдайға шүкір. *Есть родители, слава Богу / Алла жазса, келесі жылы жастарды бөлек шығармақшымыз Если будет предначертано Аллахом, в следующем году молодые будут отдельно жить / Ал мен ата енеммен бірге турып жаксы келін болғым келеді болашақта кудай каласа. Но, а я, даст Бог, хочу жить вместе с родителями мужа и стать хорошей невесткой / Барлық адам әртүрлі болғанымен, Жаратушымыздың алдында бірдейміз. Все люди разные, но перед всевышним мы одинаковы.* Функционирование нескольких единиц в значении высшей силы (Құдай, Алла, Жаратушы) демонстрирует сакральный характер семейных ценностей в коммуникативном сознании казахов.

Одна из основных лексем лингвоментального пространства «семья» — Ата (дед). Б. Д. Кокумбаева называет ее смысложизненной константой, приводя в доказательство словообразовательный ряд ата — ата — атабек *воспитатель*; аталы

имеющий славных предков; атаки выдающийся; атамекен священная земля предков, Атанасия бес-смертие [10]. В «Древнетюркском словаре» у слова ата, кроме значения отец, есть формы ат имя [7], ата давать имя, а также ата дар [7]. То есть во внутренней форме термин родства ата содержит идею начала жизни, ата — тот, кто дарит жизнь. Но в современном казахском для обозначения отца используется эке или көке, а ата, сохраняясь в составной форме ата-ана родители, смещается на более дальнее от говорящего поколение ата дедушка, перенося идею начала жизни за границы типового определения нуклеарной семьи (сравн., в русской картине мира отец содержит идею первоначала).

Обязательной частью семейного лингвоментального пространства являются аруактар предки рода, которые обитают в аруактар дүниесі мир духов, влиянию которых казахи приписывают свои удачи и неудачи (аруак конған адам везучий, удачливый человек). Аруахов призывают, желая удачи (аруак саған жар болсын пусть поддержат тебя духи предков!), аруахов призывают, чтобы произнести проклятие (аруағынан садаға кет — глаза бы мои тебя не видели!). Если собиралась многоплеменная орда, ее общим боевым кличем был возглас «Аруах!» [8]. Вертикальная связь поколений актуализируется и в свадебном ритуале: на современной казахской свадьбе стелется ковер для аруахов, чтобы духи благословили брак.

Но наиболее яркий пример единства представлений о семье и древних представлений о мире — это обозначение сватов: құда сват, құдағи сватья, от құт богатство, достояние, изобилие. Құт одна из основных констант казахской культуры и тюркского мира вообще. Құт существует как самостоятельное обозначение высшего блага. В древнетюркском словаре описание значение Qut занимает две страницы: а) душа, жизненная сила, дух; б) счастье, благо, благодать, благополучие, удача, успех; в) достоинство, величие [7]. Концептуально «құт» означает жизненную силу, имеющую и природное, и духовное (божественное) начало. Также құт вошло в Құдай (синоним слова Бог, например, құдай бұйырса — бог даст, құдай біледі — бог знает). По мнению исследователя тюркских языков Н. А. Баскакова, это слово могло быть заимствовано предками алтайцев, казахов, хакасов, татар, ногайцев и другими тюркскими народами из таджикского или персидского языков в среднетюркскую эпоху (X–XV вв.) [12].

Формирование обозначений сватов от құт құда сват, құдағи сватья свидетельствует об особом статусе того, кто приезжает за невестой — они рассматриваются как исполнители высшей задачи, посланники высшей силы. Брачный союз становится не социальной формой, контактом двух родов, а божественным действием продолжения жизни, нового уровня жизненной силы от слияния двух родов. Аксиологическая ценность брака в казахском коммуникативном сознании смещается с молодых (тех, кто вступает в брак) на их старшее поколение, на отношения двух более больших групп. Күйеу — жүз жылдық, құда — мың жылдық зять — на сто лет, а сват — на тысячу лет / Досты періште қосады, құданы құдай қосады Друзей ангелы соединяют, сватов бог посылает. Лексемы сватовства используются также в поговорке о способе решения конфликта: құда да тыныш, құдағи да разы тихо-мирно, без препирательств (букв. и сват спокоен, и сваха довольна).

Если в русской языковой картине мира идея рождения находится в границах лексемы семья (от семья), то в казахском языке лексемы этого значения являются или составными формами, с легко считываемым метафорическим образом (жанұя новое гнездо, отбасы глава огня), или составными (үй-іші семейство, букв. внутри дома, үй-күй семья, семейный быт), или результатом метонимического переноса (үй дом). И этих форм не так много, по сравнению с обозначениями рода, племени, поколения, прадедов (рулық қатыс, тайпа, жуз, шежіре, аталар (деды), баба, тектін, төркін, тұқиян), лексемы которых образованы от корней, имеющихся в древнетюркском словаре [7] и в этимологическом словаре тюркских языков Севортяна [13]. Важное наблюдение: являясь производными, в современном казахском языке лексемы в значении «семья» не переносятся на другие значения (семья языков тілдер тобы), а идея рождения содержится в других именовании.

В этимологическом словаре тюркских языков, где указывается значение основ на гласные и их развитие в современных тюркских языках с учетом законов чередования и аффиксальных изменений, к основам со значением родства, рождения относится ук/uk- (үк) [13]. В современном казахском эта основа входит в ұқым-тұқым потомки, ұғым понятие, суть, сущность. В анализе другой основы ұру:f\ uru:γ (1. род; 2. семья; 3. поколение [13]) автор словаря подчеркивает, что эти значения объединены одной семантической связью

и являются древнейшими по отношению к другим значениям этой формы, получивших семантическое развитие в тюркских языках. В словаре приводится вошедший в тюркские языки целый ряд производных аффиксальных форм с основой ур/иг в значении названия субъекта, объекта и результата действия глагола “зачать”, “оплодотворять” и так далее. Примерами этих форм из фонда казахского языка будут слова ұрпақ *поколение, потомство* (жас ұрпақ *юное поколение*), ұрық *семья, зародыш, в перен. потомство, дитя*.

Далее в древнетюркском словаре мы находим две формы, передающие значение родственности **ul** и **urī**. Ul — основа, фундамент [7], которая осталась в современном казахском в формах ұл *сын, ұлт нация, народ, ұлы великий*. **Urī** — сын, **uruŷ** — семья, **uruŷ özlug** — родственники и свойственники [7], примеры на эту основу приведены выше: ұрпақ, ұрық.

О. Сулейменов, основываясь на законе перестройки слога и законе чередования, считает, что формы ur/ur, or, ar [14] — ul — ru — [14] — это вариации проявления одной праформы. Идея родовой группы выражается в словах ру *казахский род*, ру шежіресі *родословная, жұрт род*, рулық *родовой*. Как видно из примеров, эти формы не стали частью лексем-обозначений *семья*, хотя языковая фитоморфная метафора имеется в составе лингвоментального пространства «семья»: тұқым *семья; потомство, поколение; ұрық семья, зародыш, потомство*. Также поколение представлено метафорами түлек *птенец; молодое поколение; смена; молодежь*, үрім-бұтақ *молодые побеги деревьев, поколение*. То, что продолжение рода ассоциируется в менталитете казахов с расширением, вечным движением, продолжением жизни вообще, доказывает существование дериватов ұл *сын, ұласу продолжаться, ұлан-байтақ безграничный простор, ұлғайту увеличить, расширить, ұлан-асыр с изобилием, ұлы великий, ұлыс народ, население*.

Приведенные выше примеры показывают, что основы со значением родства сохраняются в лексемах, обозначающих либо группу, более большую по отношению к нуклеарной семье, либо обозначающих последующее поколение по отношению к субъекту речи, а семья — это лишь часть родовой группы. Все обозначения *семья* производные, а значит являются вторичными формами. Кроме вышеуказанных жанұя, отбасы, үй-іші, в словарях в значении *семья* можно найти үй-күй *семья, очаг, ошақ қасы возле очага, ошақ*

бұты *основание очага, отау выделившаяся молодая семья, юрта молодых*. Например, в составе выражений *семья, где нет согласия* берекесі жоқ үй *букв. дом без согласия*. В образовании производных форм, связанных семантически с семьей, используется в основном үй *дом — үйлі семейный, үйлену основать семью, жениться, шаңырақ центральная часть юрты, купол юрты, шаңырақ көтеру создание новой семьи* (букв. поднятие купола при установке юрты), шаңырағы ортасына түсті *потеря опоры семьи* (букв. шаңырақ пошатнулся), шаңырағың биік болсын *пусть будет крепка семья* (букв. пусть будет высоким шаңырақ).

Обозначения семейной группы — это метонимический перенос лексемы с семьей места жительства жұрт *место стоянки, отбасы глава очага, отағасы глава семьи*, букв. старший брат огня, жылы орынын суыту *уходить от мужа или бросать детей*, букв. дать остыть теплому месту. Даже при метафорическом обозначении ұя *гнездо, семья*, перенос происходит по семе «место обитания».

Следствием того, что в обозначении семья основной семьей является место проживания, а сема «продолжение рода» выступает основной в других лексемах, пространственная метафора близкие/дальние родственники имеет в казахском дискурсе следующую специфику. Сочетание жақын туыстар *близкие родственники* возможно, но критерием близости будет не нуклеарная семья, а еще и родственность по матери (например, дети сестры могут быть названы жақын) или частота общения. В обращении к аудитории жақындар *близкие* говорящий будет иметь ввиду всех присутствующих. В устном дискурсе жақын, скорее всего, заменится на туған *по рождению*, и то такое разделение близких родичей на неблизких будет воспринято негативно как личное предпочтение одних родственников другим. Во время празднеств в обращении к родственникам будут использованы примерно следующие обобщения, которые нейтральны большой степенью охвата родственности Ағайын-жұрт *жекжат родственники, Ағайын, құда-жекжаттар, іні-бауырлар, қарындастар родственники, сваты, братишки и сестренки*.

В отношении дальнего родства лексема алыс *дальний* вообще неприемлема, для обозначения таких связей существует ряд определений аталас *через дедов, ағайын старшие родственники, тумалас одного рода, жекжат, жекжат-жұрағат —*

совокупность дальних родственников, сүйек шатыс родственные связи. При этом употребление таких единиц будет означать: «Не могу сказать точно, но родственники по линии...».

Древние верования тюрков и особенности быта кочевников, когда люди то обособлены в условиях зимней пастбы (аул кстау), то общаются с большой группой сородичей летом во время джайлау, определили формирование архетипического представления о роде как источнике жизни, божественной энергии, дающей жизненные силы, что также является отличительными чертами космогонизма.

Следствием архетипического представления о родственности как устройстве мира стало формирование ряда этнокультурной метафоры СЕМЬЯ — ОГОНЬ / ОГОНЬ ОЧАГА. Перенос названия места (домашний очаг), вокруг которого собирается семья, на всех членов группы, является традиционным для многих культур. Но в казахской культуре огонь рассматривается как живительная энергия и составная часть всей божественной энергии, культ огня имеет весьма древние корни и уходит к культу богини Умай (одно из воплощений Тенгри) — хранительницы домашнего огня. Огонь считался частичкой солнца в каждой юрте. Люди воспринимали огонь как покровителя рода, поэтому его нельзя было смешивать с огнем чужой семьи. Огонь также считался очищающей силой [1]. От *огонь* включен в состав лексем отбасы *семья*, а также выступает в значении *семья* в составе устойчивых выражений оты өшті *его семья распалась* (букв. его огонь потух), отын жағу *создать семью*, оты басқаның мұңы басқа *в каждой семье свои проблемы* (букв. очаги разные и печаль разная). Культ огня присутствует и в казахском свадебном ритуале: отқа май құю *лить масла в огонь* — символизирует жертвоприношение огню при вхождении молодой жены в дом.

Архетипический образ огня как покровителя семьи отразился в лексике, связанной с природной энергией (огонь, солнце, луна) в составе многих выражений, обозначающих родственные отношения между людьми. Это различные формы обращения к детям, к младшим, к любимым: шырағым *лучик мой* (от шырақ *лампа, факел*), күнім *солнце мое*, жарығым *светик мой*, айналайын *қарағым светик* (букв. свет глаз моих), көзімнің нұры *свет очей моих*.

Взаимоотношения людей метафоризируются как обмен энергией огня через лексику в зна-

чении причины, следствия действий с огнем, объекта и результата действия с огнем. Многие лексемы семантической сферы «быть привлекательным для других, нравиться другим» содержат во внутренней форме семы «излучать свет, огонь, тепло». Жағу *зажигать огонь*, қылығымен жұртқа жағу *нравиться людям своим поведением*, сөзі көңіліме жағып қалды *его слова стали мне нравиться*, көңіліме жағу *прийтись по душе*. В следующем примере все положительные качества человека характеризуются через семантику «излучение энергии»: Абай бойынша, жақсы кісіде үш қасиет: *ыстық қайрат, нұрлы ақыл және жылы жүрек болу керек делінеді* (Согласно Абаю, у хорошего человека три качества: горячая мощь, блестящий (букв. лучистый) ум и отзывчивое (букв. теплое) сердце). Жалын *пламя* (в переносном значении зазорный, кипучий), жалын атау *быть энергичным, полным сил*. Жарқын *сверкающий*, жаны жарқын адам *жизнерадостный человек* (с сияющей душой), ақ жарқын *приветливый* (сверкающий белым). Қадамыңа нұр жаусын *пусть сопутствует тебе удача* (букв. пусть твои шаги ласкает солнце).

Следующей интерпретацией архетипических представлений о родственности как источнике божественной энергии являются представления о родственниках как источнике жизненной силы и, следовательно, представление о необходимости иметь много родственников. В казахском коммуникативном сознании множественность воспринимается как благо, как достоинство человека, как мощная поддержка. В дискурсе о семье и родственных связях часто можно встретить выражение сұрай-сұрай қарын бөле шығады: *начнешь расспрашивать, так обязательно окажется каким-то родственником* (хотя бы по линии матери).

Основное содержание пословиц и высказываний о родственности и родственниках посвящены именно тому, какую помощь получит субъект, какую поддержку сможет обеспечить субъекту те или иные отношения родственности. Самые популярные среди таких высказываний: ағайын тату болса — ат көп, абысын тату болса — ас көп (*если дружны братья — много лошадей, если дружны жены братьев — много еды*); Ағасы бардың — жағасы бар, інісі бардың — тынысы бар (*У кого есть старший брат — тот обеспечен, у кого есть младший брат — тот спокоен*). По традициям казахов старший обязан материально помогать младшему брату, а тот, в свою

очередь, обычно освобождает его от мелких дел и забот. Такая система отношений не прекращалась и после женитьбы братьев и обретения ими своих семей. Экенің жақындығы жездедей, жезденің жақындығы әкедей (*Отец так же близок, как муж сестры, но муж сестры ближе, чем отец*: традиционно муж берет на себя обязанность и покровительства, защиты, помощи по отношению ко всем сестрам жены). Соответственно одинокий человек расценивается как слабый, несчастный жалғыз *один, одинокий, жалғау продолжат что-то оборванное, остановленное, жарым жан несчастная душа (букв. душа без своей половины), жалғыздың үні шықпас, жаяудың шаңы шықпас: голоса одного человека не слышно, он как слабая пыль от ног пешего.*

Большинство всегда оценивается как положительное. Көп қайда болса, құдай сонда (*Бог там, где большинство*). Қанша көп білсең де, көптен артық білмейсің (*Как бы много ты не знал, ты не знаешь больше чем большинство*).

Несмотря на многочисленные обязанности по отношению к родственникам, традиционное гостеприимство, традиционное одаривание, порой тягостное и в финансовом выражении, навязчивое, родственность действительно подтверждается поступками и помощью. Ағайынның азары болса да, безері болмас (*обиды меж родственниками бывают, но они друг друга не покидают*). В случае непредвиденных событий, многочисленные родственники оказывают материальную поддержку, обычно кто-нибудь из старших связывается с семьями взрослых детей и озвучивает в каких пределах необходимо помочь. Слова при этом примерно следующие: Бас аман болсын бірдене қылармыз енді (*Главное, чтобы было здоровье, теперь мы должны сделать что-нибудь*

друг для друга). Апаларың мен ағаларың бірдене қып көмектесер (*Сестры и братья должны друг другу сразу помогать*). Бір біріне қамқор болындар (*Мы должны быть друг другу покровителями*). Ертең не боларын бір құдай біледі (*Что будет завтра — знает один бог*).

Соответственно, понятие множества является константой казахской культуры и критерием оценивания: много детей — хорошо, мало — плохо, много гостей — хорошо, мало — неуважаемые люди. Увеличение количества родственников воспринимается как выгода. Отбасы болудың тағы бір үлкен пайдасы бар — отбасы шекарасының екі есе үлкеюі. Бастапқыда өз отбасы тек менен, анамнан және сіңілімнен құралса, қазір 2 анам, әкем, балам, сіңілілерім, аталарым, әжелерім бар. *Имя семью, получаешь очень большую пользу. Сначала моя семья состояла только из меня, мамы и младшей сестры, а сейчас у меня две мамы, отец, ребенок, младшие сестры, дедушки, бабушки есть.*

Лингвоментальное пространство «семья» в казахской культуре сложилось на основе космогонической картины мира, для которой характерно представление о целостности, слитности мира, человека и среды его обитания. Родство по браку не рассматривается как социальное действие, а как исполнение закона мироустройства, божественный акт. Нуклеарная семья является составной частью родовой группы. Космогоническая картина мира обусловила метафорическое обозначение семьи через семантику огня, формирование представлений о родовой группе как источнике жизненной энергии, что повлекло аксиологическую ценность множественности, количественную оценку родственности.

Список литературы

1. Абуов, А. П. Религии в Казахстане : монография / А. П. Абуов, Е. М. Смагулов. — Костанай, 2011. — 255 с.
2. Акатай, С.-К. Н. Мироззренческий синкретизм казахов : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С.-К. Н. Акатай. — Алма-Ата, 1995. — 38 с.
3. Аргынбаев, Х. А. Брак и семья у казахов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Х. А. Аргынбаев. — Алма-Ата, 1975. — 130 с.
4. Аюпов, Н. Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение : монография / Н. Г. Аюпов. — Алма-Ата, 2012. — 256 с.
5. Байганина, Н. М. Термины родства в картине мира носителей современного казахского языка / Н. М. Байганина // Человек и Вселенная. — 2001. — № 5. — С. 88–93.
6. Берсенева, О. Ю. Лингвориторическая организация психолого-прагматического дискурса (на материале популярных книжных серий о достижении успеха) : монография / О. Ю. Берсенева, А. А. Ворожбитова. — М., 2014. — 197 с.

7. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Ленинград, 1969. — 677 с.
8. Мадигожин, Д. Т. Логика Небесного Закона. Көк Төре / Д. Т. Мадигожин, С. С. Аязбаев. — Алма-Ата, 2012. — 168 с.
9. Каскабасов, С. А. Колыбель искусства / С. А. Каскабасов. — Алма-Ата, 1992. — 368 с.
10. Кокумбаева, Б. Д. Культурология тенгрианского искусства / Б. Д. Кокумбаева. — Павлодар, 2012. — 156 с.
11. Кшибеков, Д. К. Ментальная природа казаха / Д. К. Кшибеков. — Алма-Ата, 2005. — 72 с.
12. Сарыбаева, М. Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ш. Сарыбаева. — Алма-Ата, 1991. — 33 с.
13. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян. — М., 1974. — 767 с.
14. Сулейменов, О. О. Тюрки в доистории / О. О. Сулейменов. — Алма-Ата, 2002. — 320 с.
15. Федорова, Л. В. К вопросу идентичности концептов «язычества» славян, тенгриинства тюрков и монголов / Л. В. Федорова // *Concorde*. — 2016. — № 1. — С. 72–88.

Сведения об авторе

Монгилева Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранной филологии, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова. Костанай, Республика Казахстан. natmong@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 50–57.*

ELEMENTS OF COSMOGONIC VIEW OF THE WORLD IN LINGUISTIC MENTAL SPACE «FAMILY» OF THE KAZAKHS

N. V. Mongilyova

Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan. natmong@rambler.ru

Linguistic mental space «family» in Kazakh culture has developed on the basis of the cosmogonic view of the world, which is characterized by an idea of the integrity of the fusion of the world, of man and his environment. Kinship by marriage is not regarded as social action; it's regarded as the fulfillment of the law of the world order, a divine act.

Archetypal notions of supreme divine power embodied in the form of an internal key token of linguistic mental space of family. The idea of birth and continuation of life lies in the tokens, indicating the previous and the next generation, while the tokens in the value of the family are the building forms and accentuate the place of residence.

The nuclear family in the Kazakh communicative consciousness is understood as a part of the tribal groups. The elements of cosmogonic view of the world are also a metaphor of fire in the family designation, and the formation of ideas about the ancestral group as a source of vital energy, which led to the axiological assessment of multiplicity as solid foundation.

Keywords: *Kazakh lingvokulturah cosmological picture of the world, the linguomental space of the family.*

References

1. Abuov A.P., Smagulov E.M. *Religii v Kazahstane* [Religions in Kazakhstan]. Kostanay, 2011. 255 p. (In Russ.).
2. Akataj S.-K.N. *Mirovozzrencheskij sinkretizm kazahov* [Deological syncretism Kazakh]. Alma-Ata, 1995. (In Russ.).
3. Argyntbaev X.A. *Brak i sem'ja u kazahov* [Marriage and the family of the Kazakhs]. Alma-Ata, 1975. (In Russ.).

4. Ajupov N.G. *Tengrianstvo kak otkrytoe mirovozzrenie* [Tengrianism as an open world]. Alma-Ata, 2012. 256 p. (In Russ.).
5. Bajganina N.M. Terminy rodstva v kartine mira nositelej sovremennogo kazahskogo jazyka [Kinship terms in the picture of the world media of modern Kazakh language]. *Chelovek i Vselennaja* [Man and the Universe], 2001, no. 5, pp. 88–93. (In Russ.).
6. Berseneva O.Ju., Vorozhbitova A.A. *Lingvoritoricheskaja organizacija psihologo-pragmaticheskogo diskursa (na materiale populjarnyh knizhnyh serij o dostizhenii uspeha)* [Lingvoritoricheskaja organization of psychological and pragmatic discourse (based on the popular book series about achieving success)]. Moscow, 2014. 197 p. (In Russ.).
7. Nadeljaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev Je.R., Shherbak A.M. *Drevnetjurkskij slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, 1969. 677 p. (In Russ.).
8. Madigozhin D.T., Ajazbaev S.S. *Logika Nebesnogo Zakona. Kək Təre* [Heavenly laws of logic. Kok Tere]. Alma-Ata, 2012. 168 p. (In Russ.).
9. Kaskabasov S.A. *Kolybel' iskusstva* [Cradle art]. Alma-Ata, 1992. 368 p. (In Russ.).
10. Kokumbaeva B.D. *Kul'turologija tengrianskogo iskusstva* [Cultural Tengirchilik art]. Pavlodar, 2012. 156 p. (In Russ.).
11. Kshibekov D.K. *Mental'naja priroda kazaha* [Mental nature of Kazakh]. Alma-Ata, 2005. 72 p. (In Russ.).
12. Sarybaeva M.Sh. *Sistema oboznachenij rodstva v anglijskom, russkom i kazahskom jazykah* [Relationship Notation in English, Russian and Kazakh languages]. Alma-Ata, 1991. 33 p. (In Russ.).
13. Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov (obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of Turkic Languages (common Turkic and mezhtyurkskie bases on vowels)]. Moscow, 1974. 767 p. (In Russ.).
14. Sulejmenov O.O. *Tjurki v doistorii* [Turks in prehistory]. Alma-Ata, 2002. 320 p. (In Russ.).
15. Fedorova L.V. K voprosu identichnosti konceptov «jazychestva» slavjan, tengrinianstva tjurkov i mongolov [On the issue of identity concepts of “pagan” Slavs, Turks and Mongols tengrinianstva]. *Concorde*, 2016, no. 1, pp. 72–88. (In Russ.).

УДК 070
ББК 76.01

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ИСТОРИЯ И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ

С. И. Симакова, С. А. Панюкова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Мультимедийные истории стали объектом научного интереса сравнительно недавно. Определив в качестве цели статьи конкретизацию понятия «мультимедийная история», изучение особенностей этого медиафеномена, авторы акцентируют внимание на том, что в науке о журналистике целостное представление об изучаемом явлении еще не сформировалось и единый подход к его анализу не выработан. По мнению авторов статьи, явления мультимедийных историй, лонгридов и сноуфоллов целесообразно рассматривать в едином понятийном поле с точки зрения процессов конвергенции и синтеза вербального и визуального компонентов. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что «мультимедийная история» представляет собой качественно новый продукт журналистского творчества, в котором средством наррации становится мультимедийный контент. В этом формате создаются материалы, посвященные событиям, имеющим значительную временную протяженность развертывания, внушительный масштаб или значение, а также множество деталей, которые проще показать, чем описывать вербально.

Ключевые слова: *мультимедийная история, мультимедийный лонгрид, сноуфолл, мультимедийный контент, мультимедийность, визуализация контента.*

Принципы конвергенции и мультимедийности на практике реализуют так называемые конвергентные или мультимедийные редакции. Синонимичность этих понятий вызывает споры, однако в контексте нашей работы рассмотрение данных терминов в качестве тождественных оправдано тем, что, с одной стороны, мультимедиа без концепции конвергенции несостоятельны, с другой, мультимедийность без претворения в жизнь идей конвергенции не может быть реализована в полной мере.

Мы не будем останавливаться на механизмах функционирования конвергентной редакции, поскольку эта тема требует отдельного серьезного исследования, лишь отметим, что образцовым продуктом деятельности такой редакции является мультимедийный текст, который чаще называют мультимедийной историей. Конкретизация понятия «мультимедийная история», изучение особенностей этого медиафеномена, принципов работы в данном формате, способов взаимодействия мультимедийных и текстовых компонентов внутри журналистских материалов такого плана и является целью данной статьи.

При подготовке статьи нам показались полезными материалы таких исследователей, как Е. В. Выровцева [2], А. А. Галустян [3], А. А. Градюшко [4], А. А. Золотухин [6], М. М. Лукина [7], И. А. Полуэхтова [8].

Как следует из приведенного обзора литературы, тема мультимедийной журналистики разрабатывается сегодня в отечественной науке достаточно интенсивно. Тем не менее мультимедийные истории, лонгриды и сноуфоллы в частности стали объектами научного интереса сравнительно недавно, как следствие, в посвященных им работах еще не сформировалось целостное представление об изучаемом явлении и не выработан единый подход к его анализу. Мы предлагаем рассматривать явления мультимедийных историй, лонгридов и сноуфоллов в едином понятийном поле с точки зрения процессов конвергенции и синтеза вербального и визуального компонентов.

Е. В. Выровцева отмечает: «Мультимедийную историю как новый вид текста можно назвать ответом на вызовы XXI века, который не уничтожил традиционные функции журналистики, а лишь трансформировал их» [2. С. 52]. Объясняя суть такого рода технологически сложных материалов, объединяющих разнородные медийные компоненты (вербальные и аудиовизуальные), белорусский медиаисследователь А. А. Градюшко отмечает, что это «уже не просто текст или аудиовизуальный продукт, но их слияние, включающее в себя интерактивное видео, флеш-игры, слайдшоу, таймлайн, тест, инфографику» [4. С. 87]. Это объясняется тем, что аудитория становится мультизадачной, журналисты вынуждены ис-

катель наиболее эффективные форматы для распространения информации. И эти форматы основаны в первую очередь на визуализации контента: «Визуализация информации является закономерным явлением истории развития коммуникации. Она достаточно разнообразна в своих проявлениях и кардинально влияет на средства массовой информации и коммуникации, приводя их к радикальной трансформации, как на уровне формы, так и содержания» [10. С. 167].

Другой не менее важной особенностью для медиааудитории является тот факт, что сегодня аудитории предоставлен выбор — как, где, когда получить тот или иной контент, как много времени потратить на его восприятие. Данный принцип современного медиапотребления отражен в концепции трех «А»: Anything, Anywhere, Anytime — «любой контент в любом месте и в любое время» [8. С. 83]. Мультимедийная история строится с учетом именно этой концепции.

Наиболее удачное определение такого рода журналистскому медиатексту дает М. М. Лукина, которая пишет: «Мультимедийная статья — это история, рассказанная с помощью нескольких мультимедийных средств, она собрана таким образом, что, с одной стороны, каждая мультимедийная составляющая дополняет и развивает общий рассказ, с другой — недоступность или невозможность воспроизведения одного из элементов не искажает общий смысл сюжета» [7. С. 269–270]. Здесь же исследователь отмечает, что в рамках мультимедийной истории важно гармонично сочетать элементы, искусственно не раздувать линейку элементов, не перегружать медиапотребителя лишней информацией [7]. Точное и емкое определение М. М. Лукиной используется как базовое во множестве научных исследований самых разных авторов, однако автор называет мультимедийную историю статьей, что рождает массу вопросов у медиатеоретиков, так как если в обывательском представлении статьей может быть назван любой журналистский материал, то в профессиональном дискурсе статья рассматривается в качестве аналитического жанра журналистики со сложившимися характеристиками [6]. Во избежание терминологической путаницы мы считаем предпочтительным использование термина «мультимедийная история» как более широкого и более нейтрального.

Формат мультимедийной истории — это новый этап в развитии качественной журналистики, шаг к виртуальной реальности, к по-настоящему

объемной и многомерной картине события. По словам бывшего редактора спецпроектов ИД «Коммерсантъ», создателя проекта «Земля отчуждения» А. Галустьяна, «все уже умеют делать новостную журналистику — это теперь как базовые коммунальные услуги. А мультимедийные истории — это «евроремонт» в журналистике. И они позволяют делать много качественного и по-настоящему профессионального контента на разных площадках» [1]. Формат мультимедийной истории востребован в активно развивающейся дата-журналистике, под которой понимают «формат грамотного анализа данных, еще один способ критического исследования мира и, по сути, инструмент, помогающий получить и представить общественности важные сведения, которые могли остаться незамеченными в огромных массивах информации о современной реальности» [11. С. 484]. Огромное количество цифровой информации может превратиться в интересную историю. С учетом творческого потенциала и предпочтений журналиста-автора материала это может быть журналистское расследование, памфлет-разоблачение, очерк или аналитическая статья.

Важнейшую роль в мультимедийной истории играют элементы мультимедиа: фотографии, слайд-шоу, карикатуры, инфографика, аудио- и видеосюжеты, мультипликационные ролики, потоковое видео, интерактивные формы (голосования, тесты, игры) и проч. Текст имеет равные права с мультимедийными элементами, нельзя сказать, что он выполняет доминирующую функцию. Он может быть структурным центром мультимедийной истории (далеко не всегда), однако это такой же элемент, как фотография, видеосюжет или любой другой фрагмент медиапроизведения. К слову, организующим звеном мультимедийной истории может оказаться не только текст, но и любой другой мультимедиаэлемент (например, фотография или галерея видеосюжетов). Причем, как уже было отмечено, «выпадение» элементов мультимедийной истории (например, в случае, если они адекватно не отображаются) не должно помешать воспринять общий смысл журналистского медиатекста.

Структура мультимедийной истории, включающей в себя набор взаимосвязанных разнородных компонентов, кардинальным образом изменяет модели потребления аудитории СМИ. Отныне медиапотребитель сам определяет последовательность и скорость освоения компонентов

мультимедиапроизведения, решает, какой из фрагментов важнее/интереснее и, таким образом, сам режиссирует свою навигацию по материалу. В этом смысле мультимедийной истории имманентна интерактивность. Впрочем, как правило, мультимедиаистории содержат и другие включения, обеспечивающие интерактивное взаимодействие (формы обратной связи, ссылки на социальные сети и проч.). Особое значение в данном контексте приобретает и гипертекстовость как возможность нелинейного объединения элементов в разветвленную структуру (ссылки на бэкграунд, справочную информацию, отсылки к близким по смыслу материалам и проч.).

Управление мультимедийной историей — целое искусство. И владеть им обязан современный журналист (или продюсер), который «должен выступать в роли дирижера большого мультимедийного оркестра и в определенный момент времени воздействовать на то или иное чувство человека для достижения необходимого эффекта и эмоций. “Мы начинаем с легкой приятной глазу видео-заставки, затем вступает текст, а вот тут мы отвлечем (и развлечем) пользователя инфографикой”, — примерно так строится логика построения современного мультимедийного сюжета» [9. С. 83]. В число задач журналиста (который зачастую совмещает функции продюсера и выпускающего редактора), помимо написания итогового текста, как правило, входит создание концепции материала, общее и поэтапное планирование работы, прогнозирование полученных результатов, организаторская деятельность внутри коллектива, занимающегося подготовкой медиатекста, координация работы с источниками информации (в том числе с людьми), раскрутка истории, взаимодействие с медиапотребителями в комментариях и т. п. Именно журналист решает, стоит ли запускать проект и нужно ли подавать его в виде мультимедийной истории. Признаков того, что стоит, по мнению исследователей, несколько:

- «событие (сюжет) развивается во времени (например, на город обрушилась стихия и ясно, что последствия будут устраняться долго);
- событие (сюжет) включает наглядные эпизоды, которые можно описать эпитетом «самый» (самый большой пожар, открытие самого красивого фонтана, выставка автомобилей будущего, рождение необычного животного);
- в сюжете есть детали, которые проще изобразить графически, чем описывать словами

внешний вид и цвет (новый вид ромашки с кубическими формами лепестков, сложная схема физической реакции, позволяющей телепортировать объекты);

- много фактуры для видео;
- много бэкграундовой и справочной информации;
- потенциально сюжет может развиваться с помощью пользовательского контента» [7. С. 270–271].

Принимая во внимание множественность издержек, с которыми связано создание мультимедийной истории (это и финансовые затраты, и пресловутые «человекочасы»), решение о запуске такого рода проектов принимается, если хотя бы два из представленных пунктов характеризуют будущий журналистский материал.

По мнению Е. В. Выровцевой, «принципы создания текста в мультимедийной среде основаны на неразрывном сочетании творческих установок автора и цифровых технологий, причем новые жанровые форматы требуют, чтобы технологии освоили не только те, кто создает медиаконтент, но и те, кто его потребляет» [2. С. 55]. Чтобы мультимедийная история состоялась, необходима команда высококвалифицированных специалистов, среди которых журналисты, редакторы, фотографы, создатели графики и инфографики и др., которые не просто умеют мыслить категориями мультимедийной редакции, но и готовы к сплоченной работе. В данном случае у мультимедийной истории есть все шансы стать настоящим произведением искусства. При этом важно отметить, что «совершенствование мультимедийных информационных продуктов связано не только с техникой, но и с продумыванием новых творческих возможностей, возникающих во взаимодействии как людей с разной профессиональной подготовкой, так и разнородных информационных сред. В рамках такого взаимодействия идет активный поиск и развитие новых форм и методов информационной деятельности» [5. С. 17].

Сегодня медиапространство находится в состоянии перманентных изменений, в конвейерном режиме рождающих новые формы организации и представления контента. Мультимедийные истории, адаптируясь к медиапотребностям аудитории, «обрастают» новыми характеристиками и представляют новые разновидности. В частности, с возрождением интереса к длинным колонкам и объемным статьям, затрагивающим обще-

человеческие темы и представляющим их сквозь призму обращения к глубоко личным историям, связано появление в 2012 г. мультимедийного лонгрида, или сноуфолла.

Специфика сноуфолла как типа мультимедийной истории состоит в «двух моментах — линейности подачи материала и главенствующей роли текста» [3. С. 186]. При этом мультимедийный лонгрид включает все разнообразие компонентов мультимедиа и создает новые измерения визуальности, предлагая, например, параллакс-эффект. Парадоксально, но факт: интернет с его знаменитой триадой «мультимедийность — интерактивность — гипертекст», а также конвергентные технологии медиатеоретики еще вчера считали заклятым врагом текстового контента. Вне всякого сомнения, интернет-коммуникация расширяла и расширяет границы визуального, поэтому ее было принято рассматривать в качестве апологета экранной культуры и распространителя клипового мышления (что в данном контексте равно неразвитому сознанию), неспособного к освоению крупных текстовых форм. Однако именно интернет-среда позволила создать синтетичный медиапродукт, который, не противореча тенденциям визуализации современного мира и ориентируясь на синкретическое медиавосприятие, делает текст равноправным фрагментом журналистского продукта (как в мультимедийной истории) или даже его стержневым, важнейшим элементом (как в сноуфолле). В данном случае оказывается, что мультимедийные компоненты продвигают текст, делают его заметным, доступным, авторитетным и, конечно, вписывают его в современные медиапотребительские практики. Острота противопоставления «вербальное — невербальное» снижается, уступая место необходимости изучения креолизованных медиатекстов как перспективного формата развития современной журналистики.

В настоящее время мультимедийные лонгриды в своей практике используют не только крупные новостные редакции, но и узкопрофильные СМИ. В том числе и просветительские, работающие в сфере культуры и искусства.

Одно из главных отечественных культурных СМИ «Культура.РФ» (<https://www.culture.ru>), функционирующее под кураторством Министерства культуры Российской Федерации, в 2016 г. также обратилось к эффективному явлению новых медиа и представило на своем ресурсе первый мультимедийный лонгрид, приуроченный ко дню рождения Александра Сергеевича

Пушкина. Кстати, данный материал был размещен в рубрике «Спецпроекты» (<https://www.culture.ru/project>), в которой ранее публиковались лишь стандартные статьи с иллюстрациями, отличающиеся от остального контента портала большим объемом. В дальнейшем основная часть материалов в данной вкладке стала выходить именно в формате сноуфоллов — из 40 спецпроектов, опубликованных с июня 2016 по июль 2017 г., 29 обладают формальными и содержательными признаками мультимедийной истории.

Первый сноуфолл портала «Культура.РФ» под заголовком «Александр Сергеевич Пушкин. В день рождения» (<https://www.culture.ru/s/pushkin>) объемом в 12 экранов выглядит достаточно скромно. В материале отсутствуют элементы навигации: деление на главы и панель перехода по разделам. Также он не может похвастаться интересным дизайном, поскольку весь текст набран стандартным черным шрифтом Roboto и представлен на белом фоне, а единственный использованный метод выделения — двойная рамка без цветной подложки.

Текстовая составляющая представлена линейным описанием биографии и творчества поэта объемом в 8 769 знаков с пробелами. Среди использованных мультимедийных элементов оказались лишь одна заглавная иллюстрация и одиннадцать изображений, выступающих в качестве ссылок на сторонние материалы по данной теме. Нельзя не отметить разнообразия подобранных ресурсов: ведь помимо чтения дополнительной тематической «литературы» с других источников портала читателю предлагают совершить две виртуальные прогулки и пройти два развлекательных теста.

Несмотря на то, что большая часть материала выглядит как страница школьного учебника, дополненная гиперссылками, в целом он справляется со своей задачей: проект способен рассказать цельную историю, заинтересовать своим видом и удержать читателя за счет интерактивности и геймификации. Но, на наш взгляд, текст публикации можно было бы дополнить большим количеством мультимедийных вставок, особенно аудиальных и аудиовизуальных. Это помогло бы расширить повествование и передать всю прелесть творчества великого поэта, а также колорит эпохи, в которой он жил. Также можно было бы выйти за рамки биографии, подобрать интересные факты, редко упоминающиеся в других источниках, и представить их в виде инфографики.

Стоит обратиться и к другим мультимедийным историям, появившимся на ресурсе позднее, чтобы понять насколько эффективно данный формат используется в культурной журналистике, в частности, порталом «Культура.РФ».

Даже при беглом знакомстве со спецпроектами, опубликованными на сайте с января по июль 2017 г., можно заметить, что и в них сохранилась приверженность к стандартному минималистичному дизайну. Авторы публикаций не пытаются разнообразить ни цветовую палитру оформления, ни подборку шрифтов, ни способы выделения смысловых частей. При этом на основных страницах ресурса используется сочетание черного, белого, красного и серого цветов. Возможно, если бы члены редакции попытались разработать для своих сноуфоллов универсальный дизайн с названными фирменными цветами, это добавило бы их проектам оригинальности, привлекательности и самобытности.

В мультимедийном лонгриде «Лицом к будущему» (https://www.culture.ru/s/litsom_k_budushchemu) рассматриваются основные особенности развития европейского искусства в 1945–1968 гг. и подробно анализируются экспонаты одноименной выставки в ГМИИ имени А. С. Пушкина. Материал выглядит внушительно — на 31 экране авторы смогли представить краткий обзор 26 произведений искусства и описать эпоху создания этих работ (22 080 знаков с пробелами). Проект разделен на четыре главы и имеет удобный интерфейс навигации, чем не могут похвастаться остальные публикации на сайте.

Качественную арт-критику дополняют мультимедийные элементы, без которых в данном случае просто нельзя было бы обойтись: 33 иллюстрации и короткий рекламный проморолик выставки. Однако в публикации отсутствуют развлекательные элементы геймификации и интерактивности, инфографика, анимированные вставки и звуковое сопровождение. По этой причине текст выглядит тяжеловесным и отталкивающим: даже несмотря на удобную верстку в две колонки, вероятно, прочесть материал до конца сможет лишь узкая заинтересованная аудитория.

В последнем опубликованном на портале сноуфолле «Как снимается кино: фильм “Увидеть Сталина”» (https://www.culture.ru/s/uidet_stalina) объемом в 16 экранов, напротив, слишком мало информации. Материал о съемках масштабного историко-приключенческого фильма, расска-

зывающего о подвиге легендарного инженера Михаила Кошкина, создателя танка Т-34, состоит из комментариев съемочной группы и короткой исторической справки. Однако авторы проекта не смогли рассказать цельной истории ни о самом процессе съемок, ни об историческом событии. Текст (10 118 знаков с пробелами) структурирован нелинейно, информация в высказываниях интервьюируемых часто дублируется и лишена конкретики, а деление на главы и внутренняя навигация отсутствуют.

Не помогают выстроить грамотный материал и хорошо подобранные иллюстрации: 38 фотографий и 24 рисунка. Несмотря на качество, стилистическое единство и выдержанность в единой цветовой гамме, визуальные элементы в большинстве случаев даже не соотносятся с текстом. Аудиоэлементы, инфографика и интерактивные карты отсутствуют, хотя сама тема проекта им благоволит. Ведь шум движения танка, звуки со съемочной площадки, карта легендарного танкопробега, упрощенная схема Т-34 или графическое представление его основных преимуществ отлично дополнили бы материал.

Среди преимуществ данного мультимедийного лонгрида следует отметить его верстку: на этот раз при оформлении авторы использовали светло-голубой цвет помимо стандартных черного и белого, а также выделение цитат и некоторых смысловых элементов в тексте. Кроме того, в материале размещена ссылка на полуторачасовую трансляцию со съемочной площадки кинокартины.

В итоге заявленная идея проекта об описании процесса создания фильма и подготовке репортажа с места съемок не была реализована. Вместо этого получился обыкновенный опрос съемочной группы с красочными иллюстрациями.

Однако одним из самых неудачных сноуфоллов портала «Культура.РФ», на наш взгляд, можно назвать проект «Золотое кольцо России» (https://www.culture.ru/s/zolotoe_koltso), предлагающий читателям совершить «виртуальное путешествие по городам легендарного маршрута».

Материал объемом в 11 экранов включает в себя небольшой текст о каждом из восьми городов (4 010 знаков с пробелами) со ссылками на дополнительную литературу о местных достопримечательностях, 17 пейзажных фотографий и полуторачасовой документальный фильм.

При этом информация о каждом из городов выглядит слишком обобщенной и трафаретной.

Например, описание Суздаля представлено следующим образом: «<...> один из самых интересных сохранившихся древнерусских городов. Его называют “городом-музеем”, сюда ежегодно приезжают тысячи туристов. Суздаль славен старинной архитектурой: нарядными белокаменными храмами и памятниками деревянного зодчества. Здесь находится Суздальский кремль — крепость возвели еще в XI–XII веках для защиты города от врагов». Универсальные слова, которые можно отнести к любому другому городу, если заменить название по тексту. Посредственным здесь выглядит и оформление. Сказываются отсутствие рубрикации, интерактивности и разнообразия мультимедийных элементов, шаблонный черный шрифт, белый фон и много свободного пространства, из-за которого проект кажется незавершенным. Получается, что данный материал не способен заинтересовать аудиторию ни насыщенным оригинальным текстом, ни яркой визуальной составляющей. Странно, что авторы выпустили сноуфолл в таком «сыром» состоянии, ведь он не привязан к определенной дате и мог находиться в разработке более долгий период, необходимый для последовательной и более качественной проработки.

Но все же есть на портале и очень качественные мультимедийные лонгриды. По нашему мнению, одним из них можно считать «Российский гимн. Зеркала эпохи» (https://www.culture.ru/s/gimn_rossii) — проект, в котором рассказывается история одного из государственных символов нашей страны от «Марсельезы» и до «Гимна Российской Федерации» Сергея Михалкова.

Достаточно объемный материал (35 экранов, 17 360 знаков с пробелами), изобилующий гиперссылками, разделен на шесть глав, в каждой из которых присутствует текстовое описание эпохи, перечисление авторов данного гимна и краткая история его создания. Все это органично дополняют 21 историческая фотография, шесть иллюстрированных и шесть анимированных вставок с текстами гимнов, шесть аудиовставок и короткий фильм о создании гимна СССР.

Сверстан проект в обычном для сайта стиле, но с «отбивками» по главам и выделением цитат. Не хватает рубрикации и, возможно, развлекательных элементов для молодой аудитории. В целом сноуфолл выглядит качественно и проработанно: в нем представлена цельная история и освещены все ее аспекты, в том числе и за счет мультимедийных элементов.

Можно сделать вывод, что формат мультимедийного лонгрида на портале «Культура.РФ» используется не вполне эффективно. В среднем каждый проект включает в себя текст объемом около 12 000 знаков, несколько десятков статичных иллюстраций, ссылки на дополнительные публикации по теме и одну-две видеовставки.

Авторы мультимедийных историй, подбирая вполне подходящие темы для такого медиапродукта, чаще всего не занимаются подробной проработкой истории и поиском дополнительного эксклюзивного материала. Также совсем не используются многие дополнительные элементы, присущие сноуфоллам: инфографика, карты, подкасты, мини-игры, анимация, звуковые эффекты. Не экспериментируют создатели и с оформлением своих материалов: верстка и дизайн всегда стандартны и непримечательны, фирменный стиль издания в проектах не прослеживается.

Возможно, редакции не хватает времени и ресурсов для создания более качественных сноуфоллов. К сожалению, неизвестно, сколько человек работало над созданием каждого из проектов, ведь информация об авторах сноуфоллов на портале не представлена.

Однако даже на примере проанализированных мультимедийных историй мы можем заметить, что такой формат прекрасно подходит для материалов из сферы культурной журналистики. Однако подобные проекты нуждаются в тщательной проработке содержания и оформления.

В результате проведенного анализа мы отмечаем, что сноуфолл с такими присущими ему формальными признаками, как нарративное изложение, интерактивность, оригинальный дизайн с элементами анимации, наличие насыщенного аудиовизуального ряда и различных элементов геймификации, стал настоящей находкой для культурной журналистики. Ведь это направление всегда нуждалось в инструментах, которые позволили бы упростить восприятие объемных материалов на специфические темы и сделать их интересными и доступными даже для неподготовленной аудитории.

Обобщая наши рассуждения, представленные в данной статье, мы приходим к выводу о том, что одним из наиболее сложных и интересных продуктов мультимедийности является так называемая «мультимедийная история». Она представляет собой качественно новый продукт журналистского творчества, в котором средством наррации становится мультимедийный контент (иными

словами история рассказывается не только словами в формате печатного текста, но и с помощью фото, видеоматериалов, инфографики, звуковых сообщений и т. п., в результате достигается синергетический эффект, создающийся в результате взаимодействия всех этих компонентов в определенном соотношении). Неотъемлемым свойством мультимедийной истории является интерактивность, благодаря которой медиапотребитель сам совершает навигацию по медиаматериалу (зачастую в нелинейной последовательности), выбирая наиболее интересные для него сюжетные узлы и получая информацию в удобном скоростном режиме. Журналист в таком случае становится режиссером или «дирижером мультимедийного оркестра», умело использующим в нужный момент наиболее подходящие для каждого отдель-

ного случая средства выразительности и эмоционального воздействия, присущие тому или иному компоненту мультимедийного контента. Отсюда следует, что мультимедийные истории как правило создаются целым коллективом, куда входят представители различных творческих специальностей — фотографы, веб-дизайнеры, корреспонденты, звукорежиссеры и др. Столь сложный продукт требует значительных энергетических затрат, поэтому далеко не каждый инфоповод требует отклика в формате мультимедийной истории. Как нам удалось установить, в этом формате создаются материалы, посвященные событиям, имеющим значительную временную протяженность развертывания, внушительный масштаб или значение, а также множество деталей, которые проще показать, чем описывать вербально.

Список литературы

1. Афанасьева, К. Артем Галустян: «Мультимедийные истории — это евроремонт в журналистике» / К. Афанасьева // Светский. — 06.12.2016. — URL: <http://svetsky.ru/public/intervyu/2709-artem-galustyan-multimedijnye-istorii-eto-evroremont-v-zhurnalistike>. — Дата обращения: 04.07.2017.
2. Выровцева, Е. В. Мультимедийная история: технологии & творчество / Е. В. Выровцева // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2016. — № 5 (22). — С. 51–59.
3. Галустян, А. Мультимедийные лонгриды как новый формат онлайн-журналистики / А. Галустян, Д. Кульчицкая // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов и др. — Екатеринбург, 2016. — С. 179–205.
4. Градюшко, А. А. Мультимедийная история и сторителлинг в структуре современной веб-журналистики / А. А. Градюшко // Международная журналистика–2016: турбулентность межгосударственных отношений и медиа : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 февр. 2016 г. / сост. Б. Л. Залесский; под общ. ред. Т. Н. Дасаевой. — Минск, 2016. — С. 87–91.
5. Зиновьев, И. В. Журналистика в информационном обществе: технологические итоги и творческие перспективы / И. В. Зиновьев // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. I. Проблемы образования, науки и культуры. — 2012. — № 1 (98). — С. 14–21.
6. Золотухин, А. А. Лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история — как новые вершины журнализма? / А. А. Золотухин, Ю. Н. Мажарина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 93–96.
7. Интернет-СМИ: Теория и практика : учеб. пособие / под ред. М. М. Лукиной. — М., 2010. — 348 с.
8. Полуэхтова, И. А. Медиа среда и медиабизнес в цифровую эпоху / И. А. Полуэхтова // Теория и практика медиарекламных исследований. — М., 2011.
9. Пуля, В. Журналист-дирижер и пять уровней восприятия медиа / В. Пуля // Медиа конвергенция, которая изменила мир? / под ред. М. С. Корнева. — М., 2014. — С. 80–84.
10. Симакова, С. И. Влияние новых технологий на визуальный контент журналистских материалов / С. И. Симакова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. — С. 163–169.
11. Симакова, С. И. Дата-журналистика как медиатренд / С. И. Симакова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 481–485.

Сведения об авторах

Симакова Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. simakovi@mail.ru

Панюкова Светлана Александровна — магистрант кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. s.panukowa@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 58—66.*

MULTIMEDIA HISTORY AND ITS FEATURES

S. I. Simakova, S. A. Panyukova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Multimedia stories have become an object of scientific interest relatively recently. Having formulated the purpose of the article as a concretization of the notion of “multimedia history”, the study of the features of this media phenom, the authors emphasize that in the science of journalism a holistic view of the phenomenon being studied has not yet been formed and a unified approach to its analysis has not been worked out. In the opinion of the authors of the article, the phenomena of multimedia stories, longrids and snowfalls should be viewed in a single conceptual field from the point of view of the processes of convergence and the synthesis of verbal and visual components. As a result of the analysis, it is concluded that “multimedia history” is a qualitatively new product of journalistic creativity, in which multimedia content becomes a means of narration. In this format, materials are created about events that have a significant time of deployment, an impressive scale or value, as well as many details that are easier to show than describe verbally.

Keywords: *multimedia history, multimedia longrides, snowfalls, multimedia content, multimedia, visualization of content.*

References

1. Afanasyeva K. Artem Galustyan: «Mul'timedijnye istorii — eto evroremont v zhurnalistike» [Artem Galustyan: “Multimedia stories are a renovation in journalism”]. *Svetskij* [Secular]. Available at: <http://svetsky.ru/public/intervyu/2709-artem-galustyan-multimedijnye-istorii-eto-evroremont-v-zhurnalistike>, accessed 04.07.2017. (In Russ.).
2. Vyrovceva E.V. Mul'timedijnaya istoriya: tekhnologii & tvorchestvo [Multimedia History: Technology & Creativity]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: the problem field of media education], 2016, no. 5 (22), pp. 51–59. (In Russ.).
3. Galustyan A., Kulchitskaya D. Mul'timedijnye longridy kak novyj format onlajn-zhurnalistiki [Multimedia Longevids as a new format of online journalism]. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How new media have changed journalism. 2012–2016]. Ekaterinburg, 2016. Pp. 179–205. (In Russ.).
4. Gradyushko A.A. Mul'timedijnaya istoriya i storitelling v strukture sovremennoj veb-zhurnalistiki [Multimedia History and Storytelling in the Structure of Modern Web Journalism]. *Mezhdunarodnaya zhurnalistika–2016: turbulentnost' mezhgosudarstvennyh otnoshenij i media : materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 18 fevr. 2016 g.* [International Journalism-2016: Turbulence of Interstate Relations and Media : materials V Intern. scientific-practical. Minsk, 18 February 2016]. Minsk, 2016. Pp. 87–91. (In Russ.).
5. Zinoviev I.V. Zhurnalistika v informacionnom obshchestve: tekhnologicheskie itogi i tvorcheskie perspektivy [Journalism in the Information Society: Technological Results and Creative Perspectives]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 1. The problems of education, science and culture], 2012, no. 1 (98), pp. 14–21. (In Russ.).

6. Zolotukhin A.A., Mazharina Yu.N. Longrid, snoufoll, mul'timedijnaya istoriya — kak novye vershiny zhurnalizma? [Longirud, snowfoll, multimedia history — as new tops of journalism?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2015, no. 2, pp. 93–96. (In Russ.).
7. Lukina M.M. (ed.). *Internet-SMI: Teoriya i praktika* [Internet Media: Theory and Practice]. Moscow, 2010. 348 p. (In Russ.).
8. Poluekhtova I.A. Mediasreda i mediabiznes v cifrovuyu ehpoju [Mediasreda and media business in the digital age]. *Teoriya i praktika mediareklamnyh issledovanij* [Theory and practice of media advertising studies]. Moscow, 2011. (In Russ.).
9. Pulya V. Zhurnalist-dirizher i pyat' urovnej vospriyatiya media [Journalist-conductor and five levels of media perception]. *Mediakonvergenciya, kotoraya izmenila mir?* [Mediakonvergentsiya, which changed the world?]. Moscow, 2014. Pp. 80–84. (In Russ.).
10. Simakova S.I. Vliyaniye novykh tekhnologij na vizual'nyj kontent zhurnalisticheskikh materialov [Influence of New Technologies on Visual Content of Journalistic Materials]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history], 2015, no. 5 (360), iss. 94, pp. 163–169. (In Russ.).
11. Simakova S.I. Data-zhurnalistika kak mediatrend [Data-Journalism as a Meditationist]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky], 2014, no. 2 (2), pp. 481–485. (In Russ.).

УДК 811.512.157
ББК 81

ЭВФЕМИЗМЫ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. Скрябина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия*

На данный момент эвфемизмы в якутском языке продолжают оставаться недостаточно изученной темой. Данная статья посвящена рассмотрению узкой тематической группы — болезни и смерти в якутском языке. В статье выявляются языковые факты, традиционная культура, верования народа саха. На примере эвфемизмов раскрываются обычаи и традиции якутов, связанные с тяжелыми болезнями, с беременностью и родами женщины, со смертностью детей. Изучение эвфемии перспективно в плане раскрытия национального своеобразия языковой картины мира.

Ключевые слова: якутский язык, эвфемизмы, табу, болезнь, смерть, национальная картина мира.

Явление эвфемизации представляет особый интерес в силу того, что эвфемизмы отражают особенности национального менталитета, традиции, обычаи народа, позволяя выявить различия в системе табу, характерных для разных языковых культур. О. С. Ахманова дает следующую характеристику эвфемизма — это «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [3. С. 521]. По мнению Кацева, «эвфемизмы — это замененные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [6. С. 104]. По определению Л. П. Крысина, «эвфемизм — это замена любого недозволенного или нежелательного слова или выражения более корректным с целью избежать прямого наименования всего, что способно вызвать негативные чувства, как у говорящего, так и у собеседника, а также с целью маскировки определенных фактов действительности» [8. С. 81]. И. Н. Никитина полагает, что «эвфемистические замены продиктованы необходимостью смягчить и вуалировать сущность объектов, прямое наименование которых принято избегать по этическим, культурным, психологическим и каким-либо иным причинам» [11. С. 77].

В данной статье мы разделяем мнение И. П. Павловой, которая понимает термин «эвфемизм» в широком смысле, включая «не только эмоционально-нейтральные слова, употребляемые вместо грубых и неприличных, но и слова и выражения, возникшие в связи с религиозными запретами» [12. С. 8].

Эвфемистические выражения в якутском языке обусловлены главным образом менталитетом,

традициями, обычаями народа. В якутском языке эвфемизмы возникли вследствие табу, получившего широкое употребление в силу различных мифологических верований и суеверий. Якуты верили, что слово может быть «крылатым», «живым» и что «худые слова прилипчивы». И если проклятие не исполняется на самих проклятых, то доходит до их детей [14].

У якутов существовали табу, связанные с мифологическими представлениями, одухотворением окружающего мира, со страхом перед смертью, с верой в сверхъестественные существа и др. «В силу различных мифологических верований, суеверий и предрассудков в дореволюционной Якутии получило широкое употребление слов в прикрытом, смягчающем значении. Так, например, вместо эһэ «медведь» говорили тыатаабы (досл. лесной), вместо өллө «умер» — барда (досл. ушел), вместо уот «огонь» — кытарар (досл. краснеющий) [10]. Существует специальный термин «харыс тыл» для обозначения подставных имен. Лингвист А. С. Луковцев предложил специальный термин муннаран этии, что буквально означает «слово, приводящее к заблуждению» [9. С. 94]. Э. К. Пекарский в «Словаре якутского языка» отмечает табуированные слова словосочетанием «харыстаан этэр тыллар» (х.э.т), что буквально означает «слова, сказанные оберегаючи». (например, вместо суор («ворон») — аргыс) [13. Стб. 146].

Если в прошлом веке якуты прибегали к эвфемизмам, потому что боялись злых духов, сверхъестественных сил, то сегодня использование эвфемизмов обусловлено нормами здравого смысла в общении, то есть табу рассматриваются

как этические запреты, касающиеся грубого, непристойного поведения. Но следует отметить, что в современном якутском языке табуированию подвергаются названия тотемных животных, промысловых зверей, а также названия действий охотников.

Немалое количество эвфемизмов в якутском языке, встречающихся в различных сферах социально-обиходной жизни, относятся к темам болезни и смерти. Рассмотрим эвфемизмы, связанные с понятием «болезнь». Болезнь — одно из явлений человеческой жизни, которое человек, как правило, старается скрыть от посторонних людей, не озвучивать, желая не показывать свою слабость. О таких болезнях, как туберкулез, рак, не принято говорить вслух из-за страха перед смертью, о венерической болезни — из-за чувства стыда, о бесплодии — из-за такта, чтобы не задеть чувства женщины или мужчины. «Психологическая основа словесных запретов на названия болезней заключается в боязни “накликать”, призвать к себе злого духа» [11. С. 17]. Языковой анализ эвфемизмов показал, что данные эвфемизмы можно разделить на следующие тематические группы: 1) тема болезни, влекущая за собой смерть; 2) тяжелое состояние больного; 3) обозначение «стыдных» заболеваний; 4) беременность и роды.

К первой группе относятся тяжелые, неизлечимые болезни, такие как: *охсор ыарыы* (букв. болезнь, которая бьет), *салгын охсубут* (букв. воздух ударил) вместо insult, *маатыска* (О-Х, диал.), *симэх* (О-Х, Үө-Хал, диал.), *симэтии* (А-Хал, диал.) вместо куор (корь), *нуура* (Үө-Хал, диал.) вместо баралыыс (паралич), *улуу салгын* вместо улахан дьан, *сыстыганнаах ыарыы* (эпидемия), *ыраас* (букв. чистый) вместо түбүркулуос (туберкулез), *түһэттэрии* (Абый., Бүл., Горн. диал.) вместо харах ыарыыта (тяжелое заболевание глаз, кератит), *ытык өлүү* (букв. почтенная болезнь), *кутталлаах* (букв. пугающая) вместо золотуха, *мас дьана* вместо ис тиибэ (брюшной тиф). По якутским поверьям, когда людей охватывает паралич (*охсор ыарыы*), им кажется, что какой-то большой белый зверь садится верхом на них и наносит удары по всем суставам. Отсюда глагол *охсор* (бьет). Для обозначения тяжелых болезней, связанных с головой, якуты используют эвфемизм *төбөтө хамсаабыт* (букв. голова сдвинулась) вместо *иирбит* (сошел с ума). Раньше, когда якуты жили еще в балагане (юрта, построенная в виде усеченной пирамиды из тонких наклонно

поставленных бревен) дети очень часто болели корью, золотухой, ревматизмом. «Корь является для маленьких детей опасной болезнью. Весною появляется лихорадка (кумахы), которую, оберегаясь, называют “трясучкой”, этой болезни подвержены и дети, при этом бывают и смертные случаи». «Некоторые дети умирают от кашля. Летом у детей вспухают веки и глаза; эту болезнь считают заразной, называют “русской болезнью” (нуучча ыарыыта)» [2. С. 304].

Во второй группе представлены эвфемизмы, обозначающие тяжелое состояние больного: *оттон-мастан тардыһан сылдыар* (букв. ходит с помощью травы, деревьев) в значении еле ходит, еле держится на ногах, *кыабын ылларбыт* (букв. лишиться сил) в значении потерял способность сопротивляться болезни, обессилел из-за тяжелой болезни, *суорбан-тэллэх кийитэ буолбут* (букв. лежит в постели, на матрасе) в значении тяжело заболел, стал прикованным к постели, *сытан хаалбыт* (букв. стал лежачим) в значении тяжело заболел, слег, *көрүүгэ кийрбит* (букв. находится под наблюдением) в значении находится на руках у кого-либо, *куһэ өһүллүбүт* (букв. силы покинули) в значении иссякли все жизненные силы, энергия, *мудуугурбут* (букв. страдать) в значении мучается из-за болезни, *сухханнаабыт* (Үө.Хал., диал.) в значении заболел, *сурэ көппүт* (букв. вылетел дух) в значении у человека иссякли все жизненные силы, энергия из-за болезни. Опасаясь смерти детей, якуты прибегают к различным эвфемизмам. «Оберегая, не говорят, что дети умирают, а говорят, что “дети не держатся”» [2. С. 307]. А также к этой категории относится эвфемизм *сүрэбин баттаппыт* (букв. прихватило сердце), который означает, что человек заболел из-за долгого пьянства, страдает от сильного похмелья. К третьей группе относятся эвфемизмы *куһабан ыарыы* (букв. плохая болезнь) вместо сифилис, *сыстыганнаах ыарыылар* (букв. заразная болезнь) вместо венерические заболевания.

Тема беременности и родов в якутском языке вербализуется исключительно с помощью эвфемизмов. У якутов существовали обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка и сохранением его жизни. В этом выражалось стремление защитить мать и ребенка от возможного негативного влияния слова, которому часто приписывается магическое воздействие, а также от «злых» духов.

У народа саха выделяются обычаи, посвященные отношению к беременной женщине, зака-

пиванию плаценты, а также наблюдается культ богини Айыысыт. «Айыысыт — богиня, заботящаяся о размножении людей... Айыысыт является при родах и помогает благополучному разрешению от бремени. Она имеет власть дарить или не дарить ребенка» [7. С. 24]. Семья, имеющая много детей, считалась благополучной и счастливой, о чем свидетельствует пословица: «Оҕолоох ыалтан оннооҕор уот иччитэ үөрэр» (даже дух огня бывает рад, когда хозяева имеют детей). Беременную женщину старались оградить от злых духов: ей нельзя было ходить возле кладбищ, принимать участие в похоронных ритуалах. Также ей запрещалось перешагивать через веревку, стричь волосы, вязать, завязывать узелки, растить ногти, носить металлические украшения. Беременная женщина «остерегается говорить “забеременела”, а говорит “отяжелела”» [2. С. 288]. Беременную женщину якуты называли *мэһэйдээх* (букв. с обременением), *оһоҕостоох* (букв. с кишкой), *ыарахан* (тяжелая), *истээх* (букв. с животом), *харах көрдөрөн эрэр* (букв. начинает показывать на глаза) вместо *хат* («беременная»). Вместо *төрөөтө* (родила) якуты используют следующие эвфемизмы: *унуоҕа арабыста* (букв. отделилась кость), вместо *оҕолоноору сылдыар* (скоро родит) — *ыйыгар тиийдэ* (букв. дошла до месяца) в значении находится на последнем месяце беременности. У якутов существовало поверье, согласно которому «во время родов все замки надо держать открытыми, иначе роды будут трудные» [7. С. 67]. Если произошел выкидыш, якуты говорят *оҕо түспүт* (букв. ребенок выпал), *оҕо куоппун* (букв. ребенок убежал) вместо *оҕо өлбүт* (произошел выкидыш, ребенок умер в утробе). Среди рожениц наблюдалась высокая смертность, так как не было больниц, акушерок и хороших условий. Многие болезни лечивали ясновидцы, знахари, шаманы своими заклинаниями и обрядами, изгоняя вселившихся в женщину злых духов. «Женщины с тяжелыми родами более подвержены смерти при родах. Большинство женщин умирает после родов от кровотечения... Если кровотечение сильно, убивают теленка и поят его кровью» [2. С. 305]. Если женщина не вынашивает детей, не может родить, якуты используют эвфемизм *оҕо турбат* (букв. ребенок не встает) в значении дети не выживают, умирают.

Смерть как естественное и неизбежное явление в жизни человека представляет большой интерес для изучения. Несомненно, она находит

отражение в языке отдельного народа. Одними из наиболее важных причин появления в языке эвфемизмов, смягчающих выражение «смерть», являются чувства сожаления, сочувствия, такта. Традиционно у многих народов не принято говорить о смерти напрямую. Тема смерти практически всегда вербализуется с помощью эвфемизмов. Понятие смерти в якутском языке дается термином «өлүү» — букв. доля, участь. В якутском языковом сознании характерно восприятие смерти не как окончательного прекращения жизни, а как переход из «среднего» мира в «тот» мир. Согласно якутским поверьям, человек имеет три души (кут) — *ийэ кут* (букв. мать-душа), *буор-кут* (букв. земля-душа), *салгын-кут* (букв. воздух-душа). «Ийэ-кут по русски — мать душа или матерая душа. Это главная душа. При зачатии ребенка она внедряется божествами (через Айыыһыт или Ийэхсит) в женщину-мать» [7. С. 59]. «Ийэ-кут развивалась в материнском лоне, салгын-кут проникала в ребенка с первым его криком» [4. С. 13]. И после смерти человека эти души отсоединяются от человека. Ийэ-кут отправляется обратно к своему создателю — божеству Үрүн Аар Тойон, салгын-кут превращается в воздух, а буор-кут — в прах. «Словом, якутский культ не останавливается перед невозможностью отделения души от тела при жизни человека. По всему видно, что душа могла выходить из тела безнаказанно для благополучия последнего, и вселяться обратно» [7]. Кроме того, у якутов «есть поверье, что иной человек родится два или три раза. Будто бы некоторые дети, только что выучившись говорить, рассказывают, что прежде они были такими-то и такими-то людьми. Такой человек называется у якутов *киси юерэ*» [14. С. 191]. Таким образом, в сознании якутов понятие «смерть» является концом земной жизни и началом другой жизни в «том» свете. В якутском языке существует пословица «киһи үтүөтэ өллөбүнэ биллэр», что означает «достоинства человека познаются только после его смерти».

Якуты разделяли смерть на «хорошую» и «дурную». Хорошая смерть — это естественная смерть в преклонном возрасте, «дурная смерть» — преждевременная смерть. Якуты верили, что душа «хорошо» умершего человека инкорнизируется. Так, эвфемизмы, связанные со смертью, мы разделили на 2 группы: 1. «Естественная» смерть. В эту группу относятся эвфемизмы, обозначающие смерть как естественное состояние. Вместо слова *өлбүт* (умер) якуты используют заменные

слова. К самым часто употребляемым эвфемизмам относятся: *куаҕан буолбут* (букв. стал плохим), *суох буолбут* (букв. его больше не существует), *барбыт* (букв. ушел), *суорума суолламмыт* (букв. отстранился с дороги), *сырдык тыына быстыбыт* (букв. его светлая душа развязалась), *кун сириттэн туораата* (букв. ушел из этого мира). Данные эвфемизмы часто используются в местных СМИ и в разговорном языке якутов. Следующий эвфемизм *өөх буолбут* (букв. стал «фу») употребляется детьми или в разговоре с ними для того, чтобы не травмировать нежную психику ребенка. В якутском языке используются эвфемизмы, означающие уход из среднего мира, мира земного в мир иной, в «тот» мир, например, *анараа дойдуга барда* (букв. ушел в тот мир). Как было сказано выше, по представлениям якутов, у живого человека души (ийэ-кут, буор-кут, салгын-кут) «привязаны» к телу, после смерти освобождаются от него. В якутском языке понятие «смерть» закреплено в словосочетании: *дууһата тахсыбыт* (букв. его душа вышла). Конец жизни — высвобождение души от плоти. То есть уход души можно представить как «разделение» тела с душой или разрыв связи духа с телесной оболочкой.

Некоторые идиомы подчеркивают, что умерший, по сути, не умер, а ушел куда-то, близко: *сайылыгар тахсыбыт* (букв. он поехал в летнее жилище). Окончание жизни в якутской традиции сопрягается с понятием *почернеть*: *күнэ хараарбыт* (букв. его солнце затемнело), *күлүгэ хараарбыт* (букв. его тень почернела). Вера якутов в то, что душа человека отсоединяется и возвращается в «верхний мир» к своему создателю «Үрүн Аар Тойон» поспособствовало появлению идиомы *танара харайбыт* (букв. бог прибрал), *дууһатын танараҕа биэрдэ* (букв. отдал душу богу). Эвфемизм *айыы сириттэн арахсыбыт* (букв. удалиться с мира божьего) подчеркивает, что этот мир прекрасен. Смерть ассоциируется с гробом, отсюда эвфемизм *хоруоба хончойбут* (букв. торчит гроб). Не желая показывать свой страх перед неизвестностью, неизбежностью, сравнивая кончину с обыденным, повседневным событием, якуты прибегают к эвфемизму *атаҕын тэннэбит* (букв. ноги свои подравнял). Смерть довольно часто сравнивается со сном. В якутском языке используют эвфемизм *букатынны утуйда, уһун уутунан утуйбут, хараҕын сапта*, тождественные русскому «уснуть вечным сном». Провожая человека на тот свет, якуты говорят

сымнаҕастык утуй (букв. спи мягко). В якутском языке существует эвфемизм *аттаммыт*, который означает отправляться, пускаться в дорогу на коне. Вероятно, данный эвфемизм связан с тем, что якуты передвигались на лошадах, и когда человека настигает смерть, он на своем коне отправляется в мир иной.

Высокая смертность детей и тяжелые условия жизни в прошлом веке поспособствовали тому, что якуты называли детей не своим якутским именем, а подставными именами, чтобы злые духи не забирали души младенцев. По представлениям якутов, злой дух не тронет ребенка, если его назвать *Нуучча* (русский), *Нуучча уола* (сын русского), *Кытай* (китаец), *Чукчакаан* (чукча), *Кэриэй* (кореец), *Омук* (иноплеменной, чужой) [5].

2. «Дурная» смерть — преждевременная кончина, недобровольная смерть, самоубийство. «Самоубийство, убийство и смерть в результате несчастного случая якуты связывали с помутнением рассудка, которое, в свою очередь, вызывалось вмешательством злых духов Верхнего мира» [1. С. 112]. Вместо *бэйэтин өлөрүммүт* (закончил жизнь самоубийством) используют следующие эвфемизмы: *илиитэ уһаабыт* (букв. рука подлинула) вместо *бэйэтин өлөрбүт* (закончил жизнь самоубийством) — *илиитэ тийибит* (букв. дошла рука), *бэйэтигэр тийиммит* (букв. дошел до себя), *быаламмыт* (букв. использовал веревку). Во всех культурах самоубийство считается одним из величайших грехов. Что касается якутской традиции, самоубийц хоронили лицом вниз за пределами родового кладбища. Якуты о такой смерти говорили: *абааһы кыттыспыт*, то есть присоединился злой дух, у человека помутилось сознание, и смерть настигла его подобным образом. Айыы киһитэ (нормальный человек) на такое не способен. Якуты верили, что человек, совершивший самоубийство или умерший преждевременной или неестественной смертью, превращается в *үөр* (новое существо, выдающее себя за умершего человека, за его душу [7]). Люди, совершившие такой грех, остаются на земле и беспокоят «мирных» жителей, потому что небесные айыы не принимают их в «верхний» мир. В недобровольной, преждевременной кончине причиной «всегда являлись злые духи, *абаасы*, которые, вселившись в человека, поедали и мучали его *кут* или тело» [4. С. 163]. К убийце якуты относились крайне негативно, он вызывал у них страх. Им казалось, что убийца — это злой дух, который явился в облике человека. Про убийцу

якуты говорили *күлүгэ хараарбыт* (букв. почернела тень), *тыына ыараабыт* (букв. отяжелело дыхание).

Анализ языкового материала, связанного с понятием «смерть» в культуре народа саха, выявил следующие черты понимания смерти:

1) смерть как движение, уход — *суох буолбут* (букв. его не стало, его больше нет), *барбыт* (ушел), *айыы сириттэн арахсыбыт* (букв. ушел с мира божьего), *күн сириттэн туораата* (букв. ушел из этого мира), *анараа дойдуга барда* (букв. ушел в мир иной), *аттаммыт* (букв. помчался на коне);

2) смерть как сон — *букатынны утуйда* (букв. заснул вечным сном), *харабын сапта* (закрыв глаза), *уһун уутунан утуйбут* (букв. заснул долгим сном);

4) смерть как расставание с душой — *дууһата табыста* (букв. душа вышла), *дууһатын танараба биэрдэ* (букв. отдал душу богу);

4) смерть как уход к своему создателю — *дууһатын танараба биэрдэ* (букв. отдал душу богу), *танара харайбыт* (букв. бог прибрал);

5) смерть как нечто обыденное — *сайылыгар тахсыбыт* (букв. он поехал в летнее жилище),

атабын тэннээбит (букв. подравнял ноги), *суорума суолламмыт* (букв. отстранился с дороги), *аттаммыт* (букв. помчался на коне);

б) смерть, связанная с предметом — *быаламмыт* (букв. использовал веревку), *хоруоба хончойбут* (букв. торчит гроб).

Таким образом, эвфемизмы являются одним из способов отражения культурной жизни народа саха. Эвфемизмы тесно связаны с разными элементами культуры народа, поэтому можно утверждать, что эвфемизмы отражают менталитет якутов, традиции, обычаи, их психологические черты и образ мышления. Употребление эвфемизмов в традиционной якутской культуре связано с мифологическими представлениями народа, с одухотворением окружающего мира, с многочисленными приметами и запретами. Понятия «болезнь» и «смерть» можно причислить к ряду универсальных базовых смыслов человеческого бытия, занимающих особое важное место в языковой картине мира. Вера в магию слов, их способность воздействовать на человека и окружающий мир мотивировала якутов избегать слов, прямое наименование которых могло навлечь беду, неприятности.

Список сокращений

Абый. — Абый (Абыйский).

А. Хал. — Аллараа-Халыма (Нижнеколымск).

Бүл. — Бүлүү (Вилюйский).

Горн. — Горнай (Горный).

О. Хал. — Орто-Халыма (Среднеколымск).

Уө. Хал. — Уөһээ-Халыма (Верхнеколымск).

Список литературы

1. Алексеев, Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. / Н. А. Алексеев. — Новосибирск, 1975. — 199 с.
2. Андросова-Ионова, М. Н. Олонхо. Песни. Этнографические заметки, статьи / М. Н. Андросова-Ионова. — Якутск, 1998. — 372 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М., 1969.
4. Бравина, Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха / Р. И. Бравина. — Новосибирск, 2005. — 304 с.
5. Габышева, Л. Л. Функции иноязычных слов в фольклорных текстах / Л. Л. Габышева // Язык-миф-культура народов Сибири : сб. науч. тр. — Якутск, 1996. — Вып. 4. — С. 3–9.
6. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия : учеб. пособие / А. М. Кацев. — Л., 1988. — 80 с.
7. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А. Е. Кулаковский. — Якутск, 1979. — 484 с.
8. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 2000. — С. 384–407.
9. Луковцев, А. С. Слова табу в лексике якутских охотников / А. С. Луковцев // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии : сб. науч. тр. — Якутск, 1980. — С. 91–105.
10. Нелунов, А. Г. Глагольная фразеология якутского языка / А. Г. Нелунов. — Якутск, 1982. — 128 с.
11. Никитина, И. Н. Функции эвфемизмов в художественной речи / И. Н. Никитина // Рус. словесность. — 2009. — № 5. — С. 77–79.
12. Павлова, И. П. Лексическая система эвфемизмов якутского языка: семантика и структура : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. П. Павлова. — Якутск, 1996. — 23 с.

13. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : в 3 т. / Э. К. Пекарский. — СПб., 2008. — Т. 1. — Стб. 1–1280.
14. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. — Л., 1969. — 141 с.

Сведения об авторе

Скрябина Алевтина Афанасьевна — аспирант, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Якутск, Россия. alevtinaskr@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 67–73.

EUPHEMISMS ABOUT DISEASE AND DEATH IN THE YAKUT LANGUAGE

A. A. Skryabina

*Institute of Humanitarian Research and Problems of the Small People
in the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia. alevtinaskr@gmail.com*

At the moment euphemisms in the Yakut language continue to remain insufficiently studied subject. The use of euphemisms in traditional Yakut culture is connected with mythological ideas of the people, with a world around spiritualizing, with numerous signs and bans. On the Yakut representations, the word had magic function. The person could court himself a trouble and call an evil ghost. This article is devoted to consideration of a narrow theme group — a disease and death in Yakut. The subject of disease and death in Yakut is followed by special system of the bans including verbal. In article the language facts, traditional culture, beliefs of the people Sakha are elicited. In the example of euphemisms customs and traditions of Yakuts are connected with serious illnesses with woman's pregnancy and families, with mortality of children reveal. Studying of euphemisms is perspective in respect of disclosure of a national originality of a language picture of the world.

Keywords: *the yakut language, euphemisms, taboo, disease, death, national picture of the world.*

References

1. Alekseev N.A. *Tradicionnye religioznye verovanija jakutov XIX — nachale XX v.* [Traditional religious beliefs of the Yakuts XIX — early XX century]. Novosibirsk, 1975. 195 p. (In Russ.).
2. Androsova-Ionova M.N. *Olonho. Pesni. Jetnograficheskie zametki, stat'i* [Olonkho. Songs. Ethnographic notes, articles]. Yakutsk, 1998. 372 p. (In Russ.).
3. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, 1969. (In Russ.).
4. Bravina R.I. *Koncepcija zhizni i smerti v kul'ture jetnosa: Na materiale tradicij saha* [The concept of life and death in the ethnos culture: Based on the traditions of Sakha]. Novosibirsk, 2005. 304 p. (In Russ.).
5. Gabysheva L.L. Funkcii inozazychnyh slov v fol'klornyh tekstah [Functions of foreign words in folklore texts]. *Jazyk-mif-kul'tura narodov Sibiri. Vyp. 4* [Language-myth-culture of the peoples of Siberia. Iss. 4]. Yakutsk, 1996. Pp. 3–9. (In Russ.).
6. Kacev A.M. *Jazykoe tabu i jevfemija* [Language taboo and euphemism]. Leningrad, 1998. 80 p. (In Russ.).
7. Kulakovskij A.E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk, 1979. 484 p. (In Russ.).
8. Krysin L.P. Jevfemizmy v sovremennoj russkoj rechi. [Euphemisms in modern Russian speech]. *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995)* [Russian language of the end of the XX century (1985–1995)]. Moscow, 2000. Pp. 384–407. (In Russ.).
9. Lukovcev A.S. Slova tabu v leksike jakutskih ohotnikov [The words taboo in the vocabulary of Yakut hunters]. *Aktual'nye voprosy jakutskoj leksikologii i leksikografii* [Actual questions of Yakut lexicology and lexicography]. Yakutsk, 1980. Pp. 91–105. (In Russ.).

10. Nelunov A.G. *Glagol'naja frazeologija jakutskogo jazyka* [The verbal phraseology of the Yakut language]. Yakutsk, 1982. 128 p. (In Russ.).
11. Nikitina I.N. Funkcii jevfemizmov v hudozhestvennoj rechi [Functions of euphemisms in artistic speech]. *Russkaja slovesnost'* [Russian Literature], 2009, no. 5, pp. 77–79. (In Russ.).
12. Pavlova I.P. *Leksicheskaja sistema jevfemizmov jakutskogo jazyka: semantika i struktura* [Lexical system of euphemisms of the Yakut language: semantics and structure]. Yakutsk, 1996. 23 p. (In Russ.).
13. Pekar'skij Je.K. *Slovar' jakutskogo jazyka : v 3 t. T. 1* [Dictionary of the Yakut language in 3 vol. Vol. 1]. St. Petersburg, 2008. Stb. 1–1280. (In Russ.).
14. Hudjakov I.A. *Kratkoe opisanie Verhojanskogo okruga* [Short description of the Verkhoyansk district]. Leningrad, 1969. 141 p. (In Russ.).

УДК 802 / 809.1 — 52
ББК 81.2

ИНДУЦИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ: МОДАЛЬНОСТЬ МИРА ДИСКУРСА

Л. О. Тимошенко

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

В данной статье разрабатываются ключевые понятия теории значения в своих зависимостях. Автор связывает теорию значения, теорию истинности и теорию коммуникации. Выдвигаются идеи успешности коммуникации на основе оперирования понятием «индуцирование значения». Вводя понятие «творческий кластер», автор проводит параллели с философским понятием диффузности, или недискретности.

Ключевые слова: *гибкое осмысление социальной действительности, индивидуальность, пресциссия, знак, значение, смысл.*

Люди общаются с помощью знаков, заменяющих им реальность. Прошли те времена, когда древние носили с собой в мешках набор необходимых вещей, с помощью которых они изъяснялись. Но знак может быть заменой реальности или ирреальности как мира воображения (желания), мира представления (мировоззрение говорящего с его мечтами и реальностью и узко индивидуальным коннотативным окрасом мира). Вопрос в том, как расценивать знаки в речи говорящего — как мир его реальности или как его роль по отношению к собеседнику, к обществу в целом, к себе?

«Значением знака предстает ментальная операция, но не сам имплицитный факт» [4. С. 13]. Что кроется за «слоиностью» знака, подобие початку кукурузы, обернутому в листья, или подобие капусте, в которой «слои»-листья и составляют самую суть? И здесь мы подходим к понятиям смысла и значения, широко разрабатываемым в современной лингвистической литературе. Нам представляется, что речь говорящего продиктована потребностью выразить определенный смысл. Причем традиционно дифференцируются смысл и значение. Смысл понимается как значение, окрашенное индивидуальным мировосприятием. Значение понимается более нейтрально.

«Знаки — это средства активации в нашем сознании когнитивных структур, притом в том объеме, в котором они “даны” (известны) и “нужны” нашему сознанию», цитирует Е. С. Кубрякову Г. Н. Манаенко в статье «Значение “мира текста” и смыслов “мира дискурса”» [4. С. 8].

Именно критерий необходимости диктует выбор того или иного языкового знака. Намерение говорящего: убедить собеседника и склонить его

к выполнению желаемых поступков или заинтриговать собеседника, оставив его в догадках по поводу своего намерения, желая смутить его, или желание представить себя, не побуждая собеседника к каким-то конкретным действиям и другие различные оттенки этих намерений определяют как вербальное, так и невербальное поведение говорящего.

Использование понятного говорящему знака делает конкретным его поведение, осмысленным — намерение, четким — ожидаемую реакцию, хотя может «грешить» простотой.

Мы постулируем, что знак с неизбежностью модален, а вопрос о его соответствии реальности, о «пучке» зависимостей (скажем, от личности собеседника, от самочувствия и настроения говорящего, от его мировоззрения, от его характера, от условий ситуации и уместности его высказывания, от проводимой политики и так далее) традиционно относится к «миру дискурса», не разделяющему реальность и ирреальность [2].

«Возвышение степени абстрактности и обобщения сопровождается отсечением затемняющих, случайных, экзотических, одиночных средств и сторон объекта, “пресциссией”» (термин Ч. С. Пирса) [7. С. 57].

Причем главную роль при отсечении непонятных сторон знака играет толкователь — будь то источник или реципиент. Чтобы коммуникация успешно состоялась, и источник, и реципиент должны воспринимать одно и то же, и «чистота» восприятия может быть достигнута, по нашему мнению, искренностью или соответствием теории истинности посыла говорящего и усилия к искреннему пониманию — со стороны слушаю-

шего. **Результат коммуникации прямо пропорционален усилиям по ее совершенствованию и заботе о ее качестве и, следовательно, успешности.**

«В идеале основание знака (идея-мысль) эквивалентна интерпретации (мысли-интерпретации), которая может быть и более развитой. Сам мысль-знак замещает свой объект так, как он мыслится, то есть как непосредственный объект осознания» [4. С. 14].

«В настоящее время акцент ставится на созидательной, творческой роли не только говорящего, но и слушающего. Интерпретация смыслов происходит в процессе гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности» [3. С. 38–39].

Как отмечает Ч. С. Пирс, знак заменяет объект не во всех отношениях, но лишь отсылая к некоторой идее, «которую я иногда называю основанием “репрезентатива”» [8. С. 48].

Сразу же возникает вопрос о способе восприятия знака — о верности восприятия смысла, о его переосмыслении для себя, переработке, интерпретации и ответной реакции, которые в устной речи происходят мгновенно в рамках дискурса-диалога. И здесь нельзя обойти стороной теорию истинности.

Постулируем: истинность (хотя бы для говорящего) его высказывания, искренний посыл осмысленности (причем, чем больше степень осмысленности, индивидуальной окрашенности, тем более высока степень истинности и искренности) способствуют и, как правило, вызывают более адекватную ситуацию реакции собеседника и более полное восприятие ситуации, возвышаясь на степень абстрактности и универсальности.

«Отношения между означающим и означаемым знака, бесспорно, основываются на импликации. Знаки обладают предметными и знаковыми значениями. Знаки не передают, а индуцируют значение (по Ч. С. Пирсу)» [4. С. 15].

Что такое индуцирование значения? Индуцирование значения нам представляется как сложный процесс, совмещающий в себе интерпретацию знака собеседником, особенности личного восприятия, интуицию и отношение к собеседнику и к миру, а также цель дискурса).

А наше сравнение смысла высказывания с початком кукурузы или с капустой может восприниматься двузачно: с одной стороны, «отделение зерен от плевел» в сравнении нахождения смысла с очисткой початка кукурузы от листьев — на-

носных коннотаций, сопутствующих смыслов отвечает теории истинности, активно развиваемой Н. Д. Арутюновой, Р. И. Павленисом [1].

С другой стороны, что есть смысл, суть высказывания, как не разные слои (листья), которые можно по-разному интерпретировать? Ведь и капуста, и кукуруза — полноценные культуры, и мы употребляем их в пищу, зная их особенности.

Индукция значения нам представляется как творческий элемент теории коммуникации. Безусловно, для понимания слов собеседника нужно встать на его точку зрения, постараться искренне понять его, чтобы знак-посыл стал эквивалентен знаку-толкованию. Но коммуникация — это обоюдный процесс: собеседники рассчитывают на реакцию друг друга, поэтому личное «я», воспринимающее знак-интерпретацию, переосмысливает его для себя, так как коммуникация невозможна без переосмысления знаков, и выражает переработанное значение в форме, по возможности адаптированной для собеседника, в идеале для коммуникации, с позитивным или нейтральным подтекстом, приглашая к дискурсу.

Модальность коммуникации — это обратная сторона толкования знака, неизбежно связанная с этикой диалога. Резкость суждений, как правило, отпугивает собеседника, и доминирование одной стороны в диалоге не есть условие истинности коммуникации и ее успешности, требующих постоянной «выверки» репликами собеседника.

Обучение процессу коммуникации средствами иностранного языка является учебной моделью обучения коммуникации на родном языке. Развитие гибкости мышления, подача знака с целью его понятности, а не затемнения понимания собеседником и полезная реакция собеседника, становление на его точку зрения обогащают мышление.

Ограничение модальности как резкости высказывания считаем не столько пожеланием, сколько необходимым этикетом и условием коммуникации, так как восприятие умеренно коннотативно окрашенного знака, безусловно, пройдет успешнее, чем восприятие ультра взгляда, в силу особенностей самого процесса постепенного развития дискурса и постепенности восприятия, и необходимости осмыслить ответ. Однако в СМИ приходится наблюдать оживленные политические баталии с выражением ультра взглядов в резкой форме, но от наблюдения, а тем более

участия в такой «баталии» ничего, кроме эмоционального «всплеска», без участия разума не получится.

Знак важно не только понять, но и, переработав, закрепить на практике. А возможно это в письменной речи, в аудио- и видеозаписях, в творчестве, вызванном пониманием этого знака. **Постулируем, что плодотворное понимание и закрепление языкового знака «выливается» в «творческий кластер» — скопление творческих идей, воодушевление, практическое (не только языковое) вдохновение в творчестве, полет мысли.**

Поддержание себя в состоянии постоянного поиска «творческих кластеров», перехода от одного позитивно окрашенного «пучка» знаков к другому, выведение себя на новый энергетический уровень мышления и жизни — условие не только собственного эмоционального и всякого другого рода благополучия, но и стимул научного развития и облагораживания своего социального пространства.

«Лингвист должен моделировать деятельность говорящего, то есть того, кто производит тексты, а не адресата, который их понимает», — пишет И. А. Мельчук в работе «Зависимости 2011: Отношения зависимости в языке и в лингвистике» [5. С. 5].

Именно эта идея о немоделировании деятельности адресата должна лежать в основе нашего языкового образования, заключаясь в просторе для восприятия сказанного или изучаемого, возможностях личной, а не шаблонной интерпретации, в конечном богатстве мысли и творчества.

Постулируем обязательную связь творчества мысли с другими видами творчества на занятиях по иностранному языку. Иностраный язык как один из видов языков, наряду с языком жестов, изобразительным искусством, пением, декламацией, танцем, рукоделием и так далее, служит более целостному развитию личности студента. Так, например, неожиданное предложение преподавателя студентам первого курса филологического факультета, изучающим английский язык, при изучении темы «Моя комната» нарисовать или сфотографировать свое жилище было активно поддержано всеми студентами группы, включая и самых отстающих, как тема, близкая их сознанию, которую они разрабатывают каждый день. Причем студенты предпочли не сфотографировать свое жилье, а нарисовать его, и многие — в цвете и с мастерством,

как свой «творческий кластер», который они социализируют каждый день.

Закрепление языковых навыков, особенно на иностранном языке, другими творческими средствами повышает творческий потенциал студента, поворачивает скучный для многих предмет «Иностраный язык» другим, более интересным ракурсом, близким каждому, и, в конце концов, способствует развитию творчески мыслящей личности студента.

Современная лингвистика активно оперирует философскими категориями. Развитие смежных направлений, взгляд на проблему с разных сторон, способствуют более полному ее освещению и выработке разнообразных путей ее решения. Понятие «диффузности», или «недискретности», развиваемое в трудах выдающегося отечественного лингвиста Ю. С. Степанова, — одно из таких емких понятий, применимых к теме, поднимаемой в данной статье [6].

Понимая диффузность как «творческий кластер», как потенциал, как простор для фантазии, как, своего рода, «Черный квадрат», способствующий многообразию толкований этого знака, мы индуцируем в зависимости от контекста, и неопределенность, сомнения, и огромное многообразие путей.

Иностраный язык как средство обучения коммуникации и творческого выражения представляет собой подобную диффузность. **Причем по мере освоения предмета (любого, в нашем случае — иностранного языка) индуцируемый знак из молчаливой неопределенности и замешательства превращается в огромное многообразие путей его толкования.**

Таким образом, неотъемлемыми характеристиками языкового знака можно считать его гибкость, индуцирование и толкование знака, двусторонность (означающее и означаемое), творческий потенциал и диффузность. Овладение знаками и, в частности, иностранным языком, то есть умение ими оперировать — индуцировать и толковать, соблюдая модальность дискурса — необходимое условие успешной коммуникации.

Постулаты, выдвигаемые в данной статье, находят в русле современной теории коммуникации и вкратце сводятся к принципам: 1) модальности знака; 2) зависимости успешности коммуникации от усилий собеседников; 3) осмысленности; 4) искренности; 5) творческой кластерности, или диффузности; 6) взаимосвязи видов творчества; 7) многообразия путей развития знака.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Истина и истинность в культуре и языке / Н. Д. Арутюнова. — М., 1995. — 199 с.
2. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — М., 2000.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — М., 2003.
4. Манаенко, Г. Н. Значение «мира текста» и смыслов «мира дискурса» / Г. Н. Манаенко // Когнитивный альманах. — URL: www.sgpi_almanakh11.pdf.
5. Мельчук, И. А. Зависимости 2011: Отношения зависимости в языке и в лингвистике» / И. А. Мельчук // Вopr. языкознания. — 2012. — № 1. — С. 3–27.
6. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. — М., 1985. — 332 с.
7. Тайсина, Э. А. Некоторые концептуальные дополнения к исследованиям проблемы значения / Э. А. Тайсина // Философия языка и семиотика. — Иваново, 1995. — С. 53–62.
8. Пирс, Ч. Логические основания теории знаков / Ч. Пирс. — СПб., 2000.

Сведения об авторе

Тимошенко Людмила Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. lyudmila.timosh@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 74–77.*

MEANING INDUCTION: MODALITY OF DISCOURSE SPHERE

L. O. Timoshenko

Bashkir State University, Ufa, Russia. lyudmila.timosh@mail.ru

In the article presented for consideration the author analyzes key notions of the theory of meaning in their dependences. The theory of meaning is linked by the author to the theory of verity and the theory of communication. The ideas of successful communication are put forward on the base of operations with the notion “meaning induction”. Introducing the term “creative cluster”, the author draws parallels with the philosophic notion of diffusion, or non-discretion.

Keywords: *lithe perception of social reality, individuality, precision, sign, meaning, sense.*

References

1. Arutyunova N.D. *Istina I istinnost v kul'ture I yazyke* [Truth and veracity in culture and language]. Moscow, 1995. 199 p. (In Russ.).
2. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, 2000. (In Russ.).
3. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [The Basics of discourse theory]. Moscow, 2003. (In Russ.).
4. Manayenko G.N. Znachenije “mira teksta” I smyslov “mira diskursa” [The meaning of “text world” and the senses of “discourse world”]. *Kognitivnyj al'manah* [Cognitive almanac]. Available at: www.sgpi_almanakh11.pdf. (In Russ.).
5. Mel'chuk I.A. Zavisimosti 2011: Otnosheniya zavisimosti v yazyke I v lingvistike [Dependences 2011: Relations of dependence in language and linguistics]. *Voprosy yazykiznaniya* [Questions of Linguistics], 2012, no. 1, pp. 3–27. (In Russ.).
6. Stepanov Yu.S. *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In the three-dimensional space of language. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow, 1985. 332 p. (In Russ.).
7. Taisina E.A. Nekotorye kontseptual'nye dopolneniya k issledovaniyam problemy znacheniya [Some conceptual additions to the research of the meaning problem]. *Filosofija jazyka i semiotika* [Philosophy of language and semiotics]. Ivanovo, 1995. Pp. 53–62. (In Russ.).
8. Peirce Ch.S. *Logicheskiye osnovaniya teorii znakov* [Logical foundations of the sign theory]. St. Petersburg, 2000. (In Russ.).

УДК 811.11
ББК 81. 411.2

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК НЕПРАВОМЕРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СФЕРЕ МАРКЕТИНГА

О. Г. Хохловская

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья освещает вопросы, связанные с функционированием креолизованных текстов в сфере маркетинга в качестве средств индивидуализации юридических лиц, предприятий, товаров и услуг. Автор рассматривает креолизованные тексты как эффективный инструмент заимствований в сфере маркетинга, детерминируя эту функцию структурно-композиционными особенностями данного вида текста, понимаемого как сложное семиотическое единство.

Ключевые слова: *креолизованный текст, семиотическое единство, паралингвистически активный текст, знаковая информация, вербальные и невербальные знаки.*

Задачей настоящей статьи является обоснование взаимонаправленной детерминационной зависимости между структурными и функциональными особенностями креолизованных текстов и возможностью процессов принудительного донорства в сфере маркетинга.

Конфликт интересов между различными субъектами коммерческой деятельности в связи с торговыми марками и коммерческими наименованиями — одно из самых распространенных противостояний в сфере интеллектуальной собственности. Торговые марки и коммерческие наименования используются для идентификации различных объектов: предприятий-производителей, товаров, услуг и др. — соответственно, использование сходных элементов в структуре торговых марок и коммерческих наименований создает ситуацию введения потребителя в заблуждение относительно лица, которое производит товар или предоставляет услуги.

Отмечено, что в сфере маркетинга имеет место активизация процессов эксплуатации результатов маркетинговой деятельности популярных компаний, становящихся невольными «донорами» в процессе неправомерного заимствования, которое проявляется в оформлении товарных знаков, вывесок, упаковок товара, этикеток, то есть средств индивидуализации юридических лиц, предприятий, товаров и услуг. Вербальные и невербальные средства создания такой «плагиатной» продукции разнообразны и выполняют различные функции, главная из которых — получение различного вида дивидендов за счет фирмы-донора и осу-

ществление мошенничества по отношению к покупателю.

С юридической точки зрения подобные деяния наказуемы, так как использование чужого товарного знака является незаконным, что образует состав административного правонарушения по статье 14.10. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Согласно позиции Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 8 постановления от 17.02.2011 г. № 11, за реализацию товаров, содержащих незаконное дублирование чужого товарного знака, к административной ответственности (по ст. 14.10. КоАП) может быть привлечено лицо, занимающееся реализацией данного товара.

Однако ситуации, когда недобросовестные производители намеренно вводят потребителей в заблуждение, используя приемы частичной трансформации различных средств индивидуализации, в частности, товарных знаков, приобретают всё большую частотность. Покупатель, приобретая товары или продукты со схожим названием, но отличающимися разительно по качеству, могут не заметить подмены, а производители используют это для скрытой эксплуатации чужих маркетинговых ресурсов.

Причин такого активного расширения сферы неправомерных маркетинговых приемов, на наш взгляд, несколько: во-первых, как утверждают эксперты-маркетологи, «российским законодательством предусмотрен лишь общий подход к осуществлению регистрации исключительных прав на название бренда или наименование продукта, без разделения и, соответственно,

без учета особенностей сегментов рынка» [11]; во-вторых, из-за недоработок в российском законодательстве без защиты остаются зачастую даже бренды с зарегистрированными исключительными правами на них, в-третьих, значимую роль в активизации неправомерных заимствований играют структурные и функциональные особенности креолизованных текстов.

Креолизованные тексты в лингвистике называют паралингвистически активными текстами. Существуют различные определения креолизованного текста, например: «Креолизованные тексты — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [9. С. 180]. На данное определение опираются в своих работах такие ученые, как: Анисимова, 2003; Бойко, 2006; Валгина, 2003; Чудакова, 2005; Шинкаренко, 2005 и др. Нам представляется интересной дефиниция, предложенная Е. Е. Анисимовой, которая определяет креолизованные тексты как «особый лингвизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1. С. 71]. При значительном терминологическом многообразии в процедуре номинации данного речевого феномена отмечается, что «все ученые сходятся в одном: доминанту поля паралингвистических средств креолизованных текстов образуют иконические (изобразительные) средства, интегрированные в вербальное сообщение в содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом аспектах [5].

Особое место среди разных типов креолизованных текстов занимают рекламные тексты, среди которых можно выделить рекламный логотип (товарный знак). Под логотипом (от греч. *logos* — ‘слово’ и *typos* — ‘отпечаток’) по данным словаря (Большой экономический словарь, 1997) понимается «специально разработанное, оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы (или группы товаров данной фирмы)» [6. С. 310]. По мнению Д. П. Чигаева, товарный знак является креолизованной лексемой, так как «рекламный логотип обладает типичными признаками креолизованной языковой единицы: семиотической усложненностью, органичным единством вербальных элементов

и элементов других знаковых систем, негомогенностью, неполноценностью вербальных и невербальных элементов в отрыве друг от друга» [10. С. 84]. Отсюда следует, что и особенности восприятия, связанные со спецификой структуры креолизованного текста, применимы к такой части рекламной продукции, как рекламный логотип или товарный знак.

Рассмотрим, какие структурные особенности логотипа как креолизованного текста создают возможности для активизации процессов принудительного «донорства» в сфере маркетинга. Как уже отмечалось выше, креолизованный текст состоит, как минимум, из двух компонентов: вербального и невербального, которые находятся в сложных семиотических отношениях. В ситуациях неправомерного «плагиатного заимствования» в области рекламной продукции, на наш взгляд, следует говорить не о двух этапах декодирования знаковой информации, вербально и невербально выраженной, а о четырех и более. Первый этап декодирования содержит два шага: декодирование вербального и невербального компонентов первичного логотипа, и второй этап состоит из таких же шагов, только связанных со структурой вторичного логотипа. В связи с тем, что «плагиатный» логотип является вторичным по отношению к исходному первоизданному объекту, в структуру воспринимаемого креолизованного текста включается имплицитно выраженная знаковая информация первоисточника.

Например, в ситуации, когда торговая марка «Avivas», созданная по подобию известного бренда «Adidas», на основе замены буквы «d» на «v», становится предметом восприятия, реализуется процесс двухуровневого декодирования знаковой информации. В связи с тем, что невербальный компонент оставлен без изменения, а вербальный изменен так, чтобы это не бросалось в глаза, предметом «узнавания» первого уровня, несомненно, будет бренд, известный во всем мире как «Adidas», достаточно устойчивый образ которого уже зафиксирован в сознании реципиента. Второй уровень декодирования осложняется задачей дифференцирования и идентификации предмета восприятия, в процессе которых в силу способности креолизованного текста оказывать комплексное прагматическое воздействие на адресата знаковая информация первого уровня взаимодействует со знаковой информацией второго уровня. В этом случае даже при условии,

что покупатель выявил различия и понял, что это два различных производителя, знаковая информация, связанная с брендом «Adidas», играет свою положительную роль, и в результате маркетинговые дивиденды фирмы «Adidas» становятся достоянием другого производителя товара.

В современной рекламе используются различные способы влияния на восприятие реципиентов, среди которых можно выделить такие, как: словесный знак, изображение, фон, цвет, шрифт, контрастность и др. Созданная нами картотека показывает, что виды трансформации исходного рекламного текста, осуществляемой для создания «плагиатной» рекламной продукции, могут быть классифицированы на основе указанных выше способов влияния на восприятие реципиента.

Наиболее эффективным с точки зрения воздействия на реципиента и запоминаемым видом логотипа является словесный знак, который функционирует на основе взаимодействия букв, образующих графическую рифму — «некие повторяющиеся элементы, задающие ритм надписи или знака букв» [3. С. 41]. В качестве примеров создания «плагиатного» логотипа на основе трансформации вербального компонента можно рассмотреть следующие варианты:

а) Напитки «LaimonFresh» — «FreshLemon»: в данном примере представлены два безалкогольных газированных напитка. «LaimonFresh» — производителем является известная швейцарская компания «Greenme AG», которая специализируется на разработке только натуральных напитков; в них входят соки лайма и лимона, мята. Производитель «FreshLemon» — российская компания ООО «Бест Ботлинг», в составе этого напитка вода из артезианской скважины Свердловской области и лимонный сок. В данном случае процедура «мимикрии» основана на эксплуатации акцентирующей функции заглавных букв.

б) Кофе «Жокей» — «Жекей»: в этом примере мы видим простейший способ «донорства». Словесные знаки двух разных производителей кофе различаются одной буквой: буква «О» в названии известного производителя заменена на букву «Е» во вторичном варианте.

в) Паштеты «Name» — «Наше»: этот пример интересен таким способом «мимикрии», как вариации с совпадающими элементами типов письменности: «Name» написано латиницей, а «Наше» — кириллицей.

Одним из наиболее активных способов трансформации исходного логотипа является частичное изменение иллюстративно-визуального ряда. Примеры таких трансформаций приведены ниже:

а) «Katty» — «Whiskas»: центральное изображение на упаковках этой продукции — это кошачьи головы, обладающие большим «портретным» сходством.

б) «FreshLemon» — «Sprite»: в данном примере имеют место следующие совпадающие иллюстративно-визуальные элементы: сине-зеленый цвет фона, по центру размещено изображение всплесков воды и лимона.

в) «Сибирское здоровье» — «Шоколадное удовольствие»: идентичным изображением является дерево со стволом, кроной и листьями, имеющим, однако, некоторые различия. Так, в логотипе «Сибирское здоровье» преобладает желтый цвет, а в «Шоколадное удовольствие» листьев нет, но есть конфетти, фейерверк и стилизация под шоколад.

Следует отметить, что фоновые характеристики вносят дополнительную смысловую нагрузку в общую семантику рекламного текста, поэтому копирование фона логотипа — это достаточно частотное явление в «плагиатной» рекламной продукции. Примеры такой технологии заимствования: а) «Katty» — «Whiskas»: упаковка этой продукции выполнена в одной цветовой гамме: в фиолетовом цвете с красными вставками; б) «VicksActive» — «Доктор Мом»: цветовая гамма выполнена в сине-зеленых тонах; в) «Красное-Белое» — «Алкоточка»: фон в красно-белом цвете, на красном фоне есть надписи, выполненные одинаковым шрифтом.

Особую роль в создании рекламной продукции играет шрифтовой символизм (термин Д. П. Чигаева) — условная связь между шрифтовым оформлением текста и его коннотативной окраской [7]. Способность шрифта выполнять как денотативную, так и коннотативную функцию, делает его одним из эффективных приемов недобросовестного заимствования в области рекламной продукции. Примерами использования таких приемов могут быть следующие единицы рекламных текстов: а) магазин «Снежная королева» — парикмахерская «Снежная королева»; б) «Спортмастер» — «Спортмакси»; в) «McDonalds» — «MakDak». Во всех примерах полное совпадение названия, цвета шрифта и его графических особенностей.

Объекты предлагаемой выше классификации приемов трансформации заимствованного

рекламного текста выделены по признакам, доминирующим в функциональном отношении. Однако следует признать, что чаще всего продукция «плагиатного» характера создается на комплексной основе, когда трансформация затрагивает как вербальный компонент креолизованного текста, так и составляющие невербального компонента. Примеры:

а) Печенье «*Choco Boy*» — «*Choco Mag*»: на желтом фоне в центре размещено название, но на коробке «*ChocoBoy*» надпись в красном овале и белыми буквами на фоне изображения шоколадных грибов и человека, а на коробке «*ChocoMag*» также нарисованы грибы, человек, но еще появилась красная машина, название помещено в центре упаковки, белый цвет букв на фоне синих облаков.

б) Логотипы «*Adidas*» — «*Avivas*»: эмблемы одинаковые, изображены в виде короны или лепестков какого-то цветка. Верхушки «лепестков» черные, а фон содержит бело-черные горизонтальные полосы, различие только в том, что у «*Adidas*» нет контура, а у «*Avivas*» он есть.

Таким образом, описанные нами примеры «плагиатного» заимствования рекламной продукции, в частности, товарных знаков, показывают, что именно комплексный характер реализации прагматической функции креолизованных текстов создает возможности для указанных процессов, так как невербальные характеристики рекламных текстов коренным образом влияют не только на план выражения, но и на план содержания креолизованного текста.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — М., 2003. — 128 с.
2. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск, 2000. — Вып. 3 (11). — С. 104–110.
3. Гордон, Ю. Книга про буквы от Аа до Яя / Ю. Гордон. — М., 2006. — 382 с.
4. Лазарева, Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики / Э. А. Лазарева // Лингвистика. — Екатеринбург, 2003. — Т. 9.
5. Удод, Д. А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста / Д. А. Удод // Современная филология : материалы II Междунар. науч. конф., Уфа, январь 2013 г. — Уфа, 2013. — С. 97–99.
6. Чигаев, Д. П. Креолизованная лексема / Д. П. Чигаев // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер. Рус. филология. — 2008. — № 2. — С. 82–85.
7. Чигаев, Д. П. Графические особенности рекламных текстов Д. П. Чигаев / Д. П. Чигаев // Язык и стиль современных средств массовой информации : межвузов. сб. науч. тр. Всерос. конф., посвящ. 80-летию проф. Н. С. Валгиной. — М., 2007. — С. 430–438.
8. Горина, Е. В. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе СМИ / Е. В. Горина, Э. А. Лазарева // Лингвистика. — Екатеринбург, 2003. — Т. 11. — С. 103–112.
9. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990. — 240 с.
10. Чигаев, Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста : дис. ... канд. филол. наук / Д. П. Чигаев. — М., 2010.
11. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/sposoby-kreolizacii-sovremennogo-reklamnogo-teksta.html>.

Сведения об авторе

Хохловская Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. khokh-olga@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 9 (405). Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 78—82.

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL PECULIARITIES OF CREOLIZED TEXTS AS A TOOL OF ILLEGAL BORROWING IN THE FIELD OF MARKETING

O. G. Khokhlovskaya

Chelyabinsk state University, Chelyabinsk, Russia. khokh-olga@yandex.ru

The article covers issues related to the functioning of creolized texts in the field of marketing as a means of individualization of legal entities, enterprises, goods and services. The author examines the creolized texts as an effective tool of illegal borrowing in the field of marketing, determinarea the function of structural-compositional peculiarities of the text, understood as a complex semiotic unity. In modern advertising uses a variety of methods of influence on the perception of recipients, among which are the following: word mark, image, background, color, font, contrast etc. are described In the article classification of types of transformation of the original advertising text, carried out to create a “plagiates” promotional products, created on the basis of methods of influence on the perception of the recipient.

Keywords: *a creolized text, a semiotic unity, iconic component, paralinguistically active text, semiotic system, verbal and non-verbal signs.*

References

1. Anisimova E.E. (ed.). *Lingvistika texta I mekulturnaya komunikaciya* [Text Linguistics and intercultural communication (on the material of creolized texts)]. Moscow, 2003. 128 p. (In Russ.).
2. Bernatsky A.A. K probleme kreolizacii texta: istoriya I sovremennoye sostoyaniye [To the problem of “creolization” of the text: history and current status]. *Rechevoye obshyeniye. Vyp. 3 (11)* [Of Speech communication. Iss. 3 (11)]. Krasnoyarsk, 2000. Pp. 104–110. (In Russ.).
3. Gordon Yu. *Kniga pro bukvy ot Aa do Jaja* [A book about the letters from Aa to Яя]. Moscow, 2006. 382 p. (In Russ.).
4. Lazareva E.A. *Reklamnyy discours: strategii I tactici. T. 9* [Advertising discourse: strategies and tactics. Vol. 9]. Ekaterinburg, 2003. (In Russ.).
5. Udod D.A. Kreolizovannyiy text kak osobyy vid paralingvisticheski aktivnoo texta [Creolized text as a special kind of paralinguistics active text]. *Sovremennaiya filologiya* [Modern Philology]. Ufa, 2013. Pp. 97–99. (In Russ.).
6. Chygayev D.P. Kreolizovannaya lecsema [Creolized token]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow state regional University. Series “Russian Philology”], 2008, no. 2, pp. 82–85. (In Russ.).
7. Chygayev D.P. Graficheskiye osobennosti reklamnykh textov [Graphical features of advertising texts]. *Yazyk I stil sovremennykh sredstv massovoiy informacii* [Language and style of modern mass media]. Moscow, 2007. Pp. 430–438. (In Russ.).
8. Lazareva E.A., Gorin E.V. Ispolzovaniye priema kognitivnogo stolknoveniya v politicheskom diskurse SMI [the Use of cognitive clashes in the political media discourse]. *Lingvistika. T. 11* [Linguistics. Vol. 11]. Yekaterinburg, 2003. Pp. 103–112. (In Russ.).
9. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovannyiye texty I ih kommunikativnaiya funkciya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizaciya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech impact]. Moscow, 1990. 240 p. (In Russ.).
10. Chyhayev D.P. *Sposoby kreolizacii sovremennogo reklamnogo teksta* [Ways creolization of modern advertising text]. Available at: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/sposoby-kreolizacii-sovremennogo-reklamnogo-teksta.html>, accessed 19.06.2017. (In Russ.).
11. Available at: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/sposoby-kreolizacii-sovremennogo-reklamnogo-teksta.html>.

УДК 81.1
ББК 81.42

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СОСТАВ АМЕРИКАНСКОГО ПОПУЛЯРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Е. В. Шелестюк, Е. А. Москвина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Целью статьи является описание фреймово-концептуального состава американского популярно-психологического дискурса (ППД). Основной метод — описание и интерпретация выраженных в текстах ППД идей. Определяется понятие ППД, выявляются его признаки. Это совокупность текстовых и прочих семиотических произведений, направленных на популяризацию идей и концепций, связанных с регулированием психического состояния и повседневной жизнедеятельности человека, на психологическое просвещение; индоктринацию (если имеется некая система знаний и практик); введение в поле сознания реципиентов личностных либо поведенческих вопросов и предложение их решения; психологическую помощь (психотерапию), рефрейминг, конструирование «новой» реальности; обучение определенным психологическим техникам, приемам. Этому дискурсу свойственны теоретическая нестрогость, применимость к повседневной жизни, множественная адресатность, публичность, нарративность и др. В американском ППД выделяются несколько основных фреймов: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ; ЭФФЕКТИВНОСТЬ; УСПЕХ; ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. ППД порождает и развивает новые концепты, например, актуальный для психотерапии концепт-понятие МАЙНДФУЛНЕСС (ОСОЗНАННОСТЬ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС). Кроме того, проводился анализ лингвистических и композиционных средств, обеспечивающих воздействие на читателей. Тексты популярной психологии отличаются информативностью, персуазивностью, суггестивностью, иллюстративностью (в том числе аллегорической), как правило, ясны по форме и содержанию, идиоматичны, содержат риторические приемы, тропы и фигуры.

Ключевые слова: популярно-психологический дискурс, популярная психология, концепт, фрейм, скрипт, фреймово-концептуальный анализ, речевое воздействие, паттерны речевого воздействия, осознанность здесь и сейчас, МАЙНДФУЛНЕСС.

В настоящее время в нашей стране и за рубежом появляется множество научно-популярных и популярных текстов, аудио- и видеофильмов по популярной психологии и психотерапии, которые предоставляют обширный материал для исследования — как с точки зрения сравнения подходов в соответствующих науках, так и с точки зрения языкознания, а именно таких его направлений, как когнитивная лингвистика, психолингвистика и анализ дискурса (фреймовый и скриптовый анализ, исследование речевого воздействия), концептология, лингвокультурология. Однако следует отметить, что указанный материал до сих пор в достаточной степени не исследовался в лингвистике. Вместе с тем изучение реализуемых в текстах популярной психологии концептов, культурных и специальных (популярно-психологических и популярно-психотерапевтических) фреймов и скриптов, приемов и средств, стратегий и тактик речевого воздействия, а также видов трансформаций смысловых структур в результате такого воздействия могло бы быть весьма про-

дуктивным в отношении понимания менталитета, ценностей и идеалов, личностных проблем, эталонов межличностных взаимоотношений и социального поведения представителей той или иной нации.

Английский язык и англоязычная культура в настоящее время весьма популярны. Этому сопутствует распространение по всему миру соответствующей концептосферы, в которой наряду с универсальными общечеловеческими концептами находят отражение и культурно-специфические концепты. Выявление и анализ этих концептов, на наш взгляд, очень актуальны в связи с необходимостью просвещения, накопления суммы инокультурных и межкультурных компетенций, а также постольку, поскольку некритическое заимствование чужеродных концептов, фреймов и скриптов может противоречить национальным ценностям, архетипам и стереотипам поведения и негативно сказываться на национальном сознании. О концептах, отраженных в текстах англоязычной культуры как совокупности творческих

произведений, позволяет судить художественная, публицистическая и научно-популярная литература, образцы кинофильмов и телепередач и так далее. Эти виды текстов и целых дискурсов активно изучались, в частности, выявлялись заложенные в них концепты. Однако до сих пор без внимания остаются популярно-психологические и психотерапевтические тексты и дискурсы, отражающие особенности активного отражения и познания действительности представителями англосаксонского мира, характерные константы их психического склада, их личностное отношение к жизни, к бытовым вещам, то, как они мыслят, о чем думают и как поступают в той или иной ситуации. Стремясь восполнить этот пробел, в данной работе мы будем рассматривать американский популярно-психологический дискурс.

Целью статьи является описание фреймово-концептуального состава американских популярно-психологических текстов. Речевоздейственные тексты могут изучаться комплексно, включая математические и статистические методы [7], однако в нашем случае мы будем использовать метод описания и интерпретации выраженных в текстах идей, чтобы обозначить признаки содержащихся в них концептов, а также метод анализа и обобщения наиболее ярких лингвистических и композиционных средств, обеспечивающих воздействие на читателей.

Для начала раскроем понятие популярной психологии как ряда направлений мысли и деятельности, которые составляют основу соответствующего практического дискурса. Популярная психология определяется как система психологических знаний и практик, завоевавших популярность среди широкого круга людей [12]. Психологи отличают это направление от научной и научно-практической психологии, утверждая, что для него характерен менее строгий язык и понятийный аппарат, более живой и понятный стиль изложения, допускается меньшая строгость и достоверность в рассуждениях, а также постоянная связь с запросами и ориентировка на интересы людей. Вместе с тем основные авторы популярной психологии преимущественно являются представителями практической психологии — профессиональными психологами и психотерапевтами с большим практическим опытом.

В отличие от теоретической психологии, популярная психология не ставит целей, связанных с решением научных проблем, для нее

свойственны другие прагматические цели, преимущественно: популяризация идей, связанных с регулированием психического состояния и повседневной жизнедеятельности человека; психологическое просвещение, зачастую носящее характер введения в поле сознания реципиентов личностных либо поведенческих вопросов и предложения их решения; индоктринация (если имеется некая система знаний и практик); конструирование «новой» реальности, в которой показывается отличный от негативного исход событий, трансформация аспектов личностей реципиентов для достижения полезного для них результата; обучение определенным психологическим техникам, приемам. В отличие от практической психологии, которая опирается на научные методы, исходит из научных данных (эксперимент, математические модели и др.) и служит главным критерием истинности теории, популярная психология уделяет небольшое внимание точности, доказательности теории и корректности выводов, внимание уделяется применимости какой-либо концепции на практике, возможности использовать ее в обыденной жизни. В отличие от психотерапии, популярной психологии свойственны множество адресатов (множественная адресатность), публичность и в то же время меньшая социально-статусная дистанция между адресантом и адресатами; нарративность.

Тематика текстов популярной психологии разнообразна, обычно они подразделяются на посвященные «искусству общения»; отношению к себе, к другим, к различным аспектам жизни; терапии конкретных психологических проблем; достижению успеха в различных областях; самосовершенствованию, самоактуализации, «личностному росту», тренировке отдельных способностей; решению проблем здоровья и его укреплению с помощью психотехник и др. [7; 8].

Что касается популярно-психологического дискурса, то мы определим его как совокупность текстовых и прочих семиотических произведений, направленных на достижение вышеуказанных прагматических целей, обладающих упомянутыми выше свойствами и посвященных вышеперечисленным темам.

Тексты научно-популярной психологии обладают стилистическим и жанровым единством. Лингвисты и филологи выделяют четыре основных стиля, которые характерны для текстов популярной психологии: научный, публи-

цистический, художественный, разговорный. Научно-популярный подстиль научного стиля выполняет функцию информирования читателя, донесения до него новой научной информации в живой и упрощенной форме. Следует отметить такую важную функцию научно-популярного подстиля, как адаптация — приспособление научного материала к уровню компетентности читателя, создание такого текста, который будет понятен неспециалисту без посторонних источников. В нашем случае адаптация заключается в упрощении текстов научной или практической психологии до такого уровня, чтобы неспециалист мог с первого прочтения вникнуть в тот или иной психологический термин или процесс [1].

Публицистический стиль оказывает убеждающее и внушающее воздействие, оперируя при этом яркими, но достаточно узнаваемыми образами, фигурами речи, аллюзиями; этот стиль сигнализирует о социальной ориентированности текста, о том, что он в определенной степени посвящен общественным вопросам и направлен на восприятие широкой публикой. Нельзя не отметить своеобразие традиции англоязычных публицистических текстов, которые по стилистическим предписаниям не должны звучать высокопарно, не должны быть переполнены латинскими и греческими заимствованиями и классическими риторическими фигурами, но должны звучать просто, хотя и идиоматически ярко, и должны достигать четкой прагматической цели.

Художественный стиль также характерен для текстов популярной психологии, его функция — это образное моделирование и проектирование ситуаций, которые стимулируют воображение, обеспечивают раппорт, эмпатию и перенос (наложение этих ситуаций на собственный опыт со стороны реципиентов). Необходимо также отметить важность эстетической функции художественного стиля: эстетическое впечатление закрепляет воздействие, выполняя функцию «якорения». В отличие от стереотипных фигур и тропов публицистического стиля, художественный стиль отличается оригинальностью образности, причем наиболее часты в нем «авторские» аллегории и метафоры.

Разговорный стиль функционирует в рамках общения людей (как правило, в неформальном диалоге). Элементы разговорного стиля, создающие эффект живого общения, диалога, весьма характерны для текстов популярной психоло-

гии. Этот стиль позволяет сделать тексты более гибкими в передаче информации, способствует интимизации дискурса, симуляции диалога, непосредственно апеллирует к экспериенциально-обусловленным установкам, интересам, привычкам и др. реципиентов [8].

Что касается жанровых форм популярно-психологических материалов, то они варьируются от книг и научно-популярных статей, до записей сеансов психотерапии, коучинга и лекций. В американском популярно-психологическом дискурсе в настоящее время весьма распространен такой жанр, как TED-лекции. TED (аббревиатура от англ. Technology Entertainment Design) — частный некоммерческий фонд в США, миссия которого состоит в распространении «уникальных идей». Фонд известен своими «интеллектуальными конференциями» и видеозаписями лекций в сферах науки, искусства, дизайна, политики, культуры, бизнеса, глобальных проблем, технологий и развлечений. В том числе лекции TED пропагандируют различные направления популярной науки. В целом на данный момент (март 2017 г.) на сайте TED обозначено 411 тем лекций [16]. В данной статье мы будем анализировать произведения таких жанров, как научно-популярные статьи и TED-лекции, которые независимо от канала передачи информации будем обозначать словом «тексты» («популярно-психологические тексты», «тексты популярной психологии», «тексты популярно-психологического дискурса»).

Описание фреймового и концептуального состава англоязычного популярно-психологического дискурса — кропотливая работа, которую мы планируем провести в дальнейшем на материале американской разновидности этого дискурса. На данном этапе, исходя из накопленного нами материала, мы выделим лишь основные реализуемые в нем фреймы и очертим несколько концептов. В американском популярно-психологическом дискурсе выделяются несколько основных фреймов, среди которых видное место, на наш взгляд, занимают ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ; ЭФФЕКТИВНОСТЬ; УСПЕХ; ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. Помимо этого, в текстах популярной психологии можно выделить ряд актуальных концептов-понятий, которые разрабатываются более детально. Один и тот же концепт может пересекать несколько тем (фреймов), а может вмещаться в пределы одной темы (фрейма).

Фрейм

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

1. Концепт МАЙНДФУЛНЕСС.

На сегодняшний день МАЙНДФУЛНЕСС является одним из основных концептов-понятий американской популярной психологии, именно его мы рассмотрим прежде всего. Термин “mindfulness”, как и само понятие, не имеет прямого соответствия в русском языке и относится к «широкозначным» словам и понятиям с размытым содержанием. Его можно определить как *направление внимания на текущий конкретный момент, безоценочное осознанное наблюдение. В переведенных на русский язык материалах можно встретить такие варианты перевода, как «внимательность», «самоосознанность», «самоосознание», «ментальная практика», «психическая вовлеченность», «безоценочная осведомленность», «безоценочное осознание (осознание и принятие собственных мыслей, чувств, своего состояния как есть, без самокритики и осуждения)», «памятование», «осознанность», «полнота ума» и «жизнь сегодняшним днем». Мы полагаем, что наиболее емким переводом данного термина будет «осознанность здесь и сейчас» и будем пользоваться им при отсылке к соответствующему понятию, хотя иногда по контексту будем использовать английское слово MINDFULNESS или его русскую транскрипцию МАЙНДФУЛНЕСС.*

Для того чтобы понять смысл этого термина, следует обратиться к его истории и при этом иметь в виду, что западные психологи вкладывают особенное значение в этот восточный термин. В примерном переводе с английского mindfulness означает «внимательность, памятьливость». Изначально это слово использовалось (точнее, было перенесено из повседневной сферы в видоизмененном значении) для перевода с пали буддийского термина «сати» (санскр. smṛti, тиб. dgepra — «помнить, вспоминать, иметь в виду»), отсылающего к ведической традиции запоминания священных текстов. В буддийской психологии это понятие имеет глубокий смысл и имеет множество коннотаций. Сати применяется к четырём областям человеческой сущности (соответственно, осознанность тела, осознанность чувств или ощущений, осознанность ума или сознания, осознанность дхарм) и заключается в постоянном наблюдении за чувственным опытом, с тем чтобы предотвратить возникновение желаний, которые обусловят будущие реинкарнации. Буддийские

приемы культивирования сати были адаптированы западной психологией в 80-х гг. XX в. в видоизмененном виде. Считается, что школа медитации сати создана Джоном Гарри Роши, популярности же этой практики на Западе способствовала деятельность Джона Кабат-Зинна, занимавшегося проблемой снятия стресса. Этот концепт достаточно далеко ушел от своих восточных корней и неплохо вписался в контекст западной культуры [12]. Как это часто бывает с инокультурными философскими и психологическими понятиями, он стал пониматься в англоязычных странах своеобразно, преломляясь через призму их культуры, традиций и менталитета.

Необходимо заметить, что очевидно отличие (вплоть до противоположности) концепта MINDFULNESS от понятий AWARENESS, CONSCIOUSNESS — осознанность на основе критического разума. MINDFULNESS подразумевает осознание мира на основе ингерентного знания, отказ от ретроспективного анализа событий, прогнозирования и планирования, перенаправление внимания на «здесь и сейчас», безоценочное осознание и принятие себя, своих мыслей, чувств, мира как он есть. AWARENESS и CONSCIOUSNESS предполагают осознание мира на основе рефлексии, анализ, поиск причинно-следственных связей, критичность мышления, сомнение, оценивание, анализ и просчет ситуаций, планирование. «Руминация» — понятие, во многом соответствующее понятию критического мышления и предполагающее фоновый постфактум-анализ событий — наделяется в теории осознанности «здесь и сейчас» негативными коннотациями, характеризуется как «навязчивые мысли», противопоставляется безоценочному взгляду на прошлое; с руминацией следует бороться.

Действительно, постоянный анализ и оценка, свойственные «критической», «понимающей» осознанности, то есть AWARENESS, могут стать источником невроза. Такого рода осознанность предполагает бдительность к окружающему миру (AWARENESS IS ALERTNESS). MINDFULNESS же, напротив, означает сужение перспектив, замыкание на своих ощущениях в стихии окружающей действительности. Таким образом достигается релаксация и освобождение от стресса.

Осознанность здесь и сейчас также предполагает отсутствие концептуализации и категоризации мира, но его пассивное наблюдение — «от-

пускание, отказ от цепляния, принятие». Джон Кабат-Зинн в своей книге «Куда бы ты ни шел, ты уже там» следующим образом говорит об этом принципе: «Отпустить — означает именно отпустить. Это приглашение отказаться от цепляния за что бы то ни было — идеи, вещи, события, конкретный момент времени, точку зрения или желание. Это сознательное решение отдаться с полным принятием потоку мгновений настоящего. Отпустить — означает прекратить удерживать, сопротивляться или бороться в обмен на что-то гораздо более могущественное и благотворное, что проистекает из позволения вещам быть такими, какие они есть, без застревания в ловушке притягательности или отвратительности, предпочтений или отвержения. Это как разжать руку и отпустить то, что долго пытался удержать» [2].

Наконец, осознанность здесь и сейчас предполагает отсутствие деятельности по преобразованию мира, исходя из насыщенной оценки событий, но, скорее, приспособление к текущему положению дел, смирение и углубление в себя.

Осознанность здесь и сейчас — это не только основа популярной психологии, это также важное понятие психотерапии и нейронауки. В том смысле, в котором это понятие используется гештальт-терапевтами, оно тесно связано с понятием интенциональности, развиваемым феноменологией. Основоположник гештальт-терапии Ф. Перлз трактовал понятие ответственности как способность к ответу (англ. respons-ability), то есть возможность отвечать, мыслить, реагировать, проявлять эмоции в определенной ситуации [4]. К. Наранхо, считал, что триадой основополагающих принципов гештальт-терапии является «актуальность — осознанность — ответственность» [3]. Расширительно, в значении, более соответствующем термину awareness, mindfulness также употребляется по отношению к общим знаниям и пониманию социальных, научных и политических вопросов. Отсюда происходит частое употребление слова «осознанность» в аспекте повышения осведомленности, например, в вопросах борьбы со СПИДом или межкультурного общения.

В настоящее время популярность концепции осознанности здесь и сейчас набирает обороты, с каждым днем появляется все больше специальных пособий по медитации и умению управлять своим вниманием, соответственно, формируются процедурные скрипты, так или иначе связанные с этой практикой, хотя основное внимание

уделяется, разумеется, не процедурам, но регуляции психического состояния, правильному подходу к своему опыту и соблюдению принципов осознанности.

Приведем анализ нескольких американских научно-популярных текстов и видеолекций TED, общим для которых является оперирование концептом МАЙНДФУЛНЕСС.

“21 ways to be mindful (reduce stress) during the workday” by Saki F. [15].

Автор статьи в подробностях описывает некий идеальный с точки зрения осознанности «здесь и сейчас» рабочий день, дает советы, которые, с его точки зрения, помогут читателю избежать стресса на работе и чувствовать себя лучше. Он приводит 21 правило, которое, по его мнению, надо соблюдать. Статья начинается с описания действий, которые читатель должен выполнять с самого утра перед уходом на работу, а заканчивается приходом читателя домой после рабочего дня. Автор советует начинать утро спокойно, без спешки, он говорит о том, что нужно просто «побыть с самим собой» (“sit or lie down and be with yourself”). В течение рабочего дня, по мнению автора, нужно почаще гулять или хотя бы просто открывать окно и прислушиваться к природе, к звукам на улице (пункты 1, 9 и др.). Автор не советует в перерывах проводить время за чашкой кофе или сигаретой — по его мнению, лучше прогуляться, подышать свежим воздухом (пункт 9). Таким образом, повседневную практику стимуляции мышления и удерживания внимания на решении текущих задач предлагается «сдобрить» медитативными практиками, позволяющими гармонизировать свое присутствие в окружающей среде. В указанном тексте проявляется характерная особенность текстов об осознанности «здесь и сейчас» — автор много говорит о специальном дыхании, которое помогает избежать стресса и усталости. Он говорит о спокойствии, неспешности, размеренности действий, в особенности с утра, но при этом все должно быть распланировано — об этом автор говорит в 16 пункте, где советует читателю составлять список дел на следующий день. Еще один способ избежать усталости — проводить пару обедов в одиночестве (15). Здесь автор снова использует словосочетание “to be with yourself”. Приходя домой, необходимо прежде всего переодеться — с помощью этого человек сменит «роль». Обязательно надо поздороваться после рабочего дня с каждым членом семьи, а уже затем расслабиться.

В лингвистическом плане важно отметить ряд важных средств речевого воздействия. Автор статьи часто использует риторические вопросы, что подразумевает симуляцию обратной связи (3, 17, 18). Персонафикация, интимизация изложения идей автора (первое лицо единственного числа) создает впечатление некоего знакомого читателю человека и способствует переносу описываемых ощущений на «я» читателя. В статье не встретились сложные термины, все советы понятны для поверхностного понимания без учета культурных пресуппозиций, касающихся как быта англоязычного служащего, так и сущности индуистской практики *sami*, она не представляется трудной. Еще одна особенность — статья небольшого размера. Вероятно, автор специально подобрал такой формат и размер, чтобы советы можно было повесить на видное место (например, на холодильник; часто практикуется современным западным обывателем) и выделить важные для себя пункты.

“The Healthy Quality of Mindful Breathing: Associations with Rumination and Depression” by Jan M. Burg, Johannes Michalak [9].

Статья основана на исследованиях немецких ученых, проведенных по большей части в англоговорящих странах. Целью статьи является проследить зависимость преодоления депрессии и повышения эффективности на рабочем месте от практики состояния осознанности.

Утверждается, что, согласно клиническим исследованиям, депрессия — это хроническое психическое расстройство, имеющее тенденцию к рецидивам у значительного числа пациентов, столкнувшихся с ним хотя бы однажды. Для предотвращения рецидивов в таких случаях была разработана МВСТ (Mindfulness-Based Cognitive Therapy) — когнитивная терапия на основе осознанности. Ядром МВСТ является идея развития осознанного отношения к своему повседневному опыту на основе разнообразных практик и методик.

Ученые оперируют вышеупомянутым термином «руминация». Руминация — навязчивое, непрерывное эмоциональное обдумывание своего прошлого опыта. Как говорилось выше, это своеобразный антоним осознанности здесь и сейчас, то есть безоценочного, даже хладнокровного взгляда на прошлый опыт с точки зрения настоящего момента. МВСТ основывается на предположении, что практика осознанности позволяет предотвращать «скатывание в руминацию» и таким образом облегчает депрессивные симптомы.

Есть предварительные свидетельства того, что постоянная практика состояния осознанности у пациентов, прошедших специальное обучение, снижает общий уровень руминации, следовательно, состояния эмоциональности и тревожности в процессе критического обдумывания.

И снова овладение практикой осознанности связывается с умением «правильно» дышать: осознанно и намеренно делать вдох-выдох и после этого резко расслаблять, опускать плечи. Внутренний сигнал к такому дыханию и сам акт вдоха-выдоха, вероятно, являются ранее усвоенными психологическими якорями и одновременно выступают в качестве триггеров, вызывающих концентрацию внимания на себе и осознание ситуации в глобальном и вневременном масштабе. Ученые выяснили, что тренировка с помощью дыхательной практики помогает воспринимать телефонные звонки и другие ранее раздражающие и требующие внимания сигналы не как «знаки неосознанной угрозы» и необходимости концентрации на заявленных проблемах, а как сигналы к акту осознания себя, к возвращению в ситуацию здесь и сейчас. Такое чередование текучей работы со свойственным ей напряжением и практикуемых актов осознанности здесь и сейчас ведет к так называемой «искусной деятельности» (“skilful action”).

С целью проверки указанной гипотезы был проведен эксперимент, в котором приняли участие 42 студента (35 женщин, 7 мужчин) в возрасте от 19 до 35 лет. Большинство участников не имело опыта медитации (только трое сообщили, что регулярно медитируют более одного года). В ходе эксперимента стандартное упражнение по наблюдению за дыханием (НД) было дополнено заданием, выполняемым с помощью компьютера. Участникам предлагалось сделать пять циклов дыхания и отметить участок тела, где они обнаруживали ощущения (область живота, груди, ноздри). Затем они должны были наблюдать за дыханием, находясь в сидячем положении с полуприкрытыми глазами, в течение некоторого времени (по условиям эксперимента 18 минут) и в случае отвлечения, не обвиняя себя, вернуть внимание на ощущения дыхания в выбранном участке. Время от времени в наушниках звучал сигнал (22 раза в течение эксперимента), и если в момент сигнала внимание участника было сосредоточено на дыхании, он должен был нажать левую кнопку мышки, расположенной под рукой (то есть реакция была осознанной),

а если ум блуждал — правую кнопку (реакция была неосознанной). Также участники должны были нажимать правую кнопку каждый раз, когда их ум «отвлекался», и они замечали это. После этого участники заполнили ряд опросников, позволяющих оценить их обычный уровень руминации, преимущественные реакции на стресс, отношение к неприятным ощущениям в теле. Использовались Response Styles Questionnaire (опросник стилей реагирования), The Kentucky Inventory of Mindfulness Skills (кентуккский перечень навыков осознанности), Perseverative Thinking Questionnaire (опросник по навязчивому мышлению), Body Sensations Questionnaire (опросник по телесным ощущениям), Center for Epidemiological Studies Depression Scale (шкала признаков депрессий Центра эпидемиологических исследований).

В результате исследования было выявлено, что чем лучше человеку удастся неотрывно наблюдать за своим дыханием, тем легче ему справляться с «навязчивыми мыслями», и тем реже они представляют для него проблему. Данные уровня устойчивости внимания коррелируют с самооценками уровня осознанности, измеренными с помощью опросников, а также находятся в обратной зависимости с неприятием (страхом) негативных ощущений в теле. Эти наблюдения, по мнению авторов статьи, подтверждают теоретическую концепцию депрессии, лежащую в основе МВСТ. В исследовании предпринята попытка преодолеть субъективный характер самооценок осознанности, предлагаемых опросниками. Использование экспериментальных методов дает возможность понять, свидетельствуют ли высокие результаты теста о высоком уровне осознанности или тестируемый просто не отдает себе отчет в том, насколько неосознанно или осознанно он действует в повседневности.

Публикация соответствует научному стилю изложения, вместе с тем в ней просматриваются признаки рекламы и возбуждения интереса к психическим процессам в духе популярной психологии.

2. Концепт ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГИГИЕНА.

“Why we all need to practice emotional first aid: The case of emotional hygiene” by Guy Winch [18].

В своей TED-лекции психолог Гай Уинч поднимает проблему заботы о психологическом здоровье индивида. Он говорит, что мы знаем многое о своем физическом здоровье, но не знаем абсолютно ничего о здоровье психологическом.

«Почему мы не учим своих детей эмоциональной гигиене?» — такой вопрос ставит автор. Психолог считает, что психологические травмы мы получаем намного чаще, чем физические, а оправиться после них намного тяжелее. Уинч также утверждает, что нельзя игнорировать психологические травмы, сказав себе «выкинь это из головы», ведь мы «не можем сказать человеку со сломанной ногой эти слова, от них ему не станет легче». Четыре основные психологические проблемы, с которыми люди сталкиваются чаще остальных, — это одиночество, неудачи, боль отверженности и уже упоминавшаяся руминация.

Одиночество наносит глубокую психологическую травму. Оно заставляет нас думать, что мы не нужны нашим близким, нашему окружению. Уинч подкрепляет опасность одиночества научным фактом — ученые выяснили, что хроническое одиночество не только ослабляет иммунитет, но даже сокращает жизнь. Одиночество сравнивают с курением, говоря, что они одинаково опасны для жизни, но на пачках сигарет нам пишут, что курение убивает, с одиночеством же такого не происходит.

Что касается неудач, Уинч утверждает, что у всех людей стандартный набор чувств, и каждому человеку необходимо знать, как он реагирует на ту или иную неудачу. Автор лекции также призывает слушателей никогда не заикливаться на неудаче, потому что она не должна мешать на пути к цели, он призывает не опускать руки, по его мнению, действительно трудно себя переубедить и заставить идти дальше, но это вполне достижимо.

Когда нас отвергают, мы начинаем критиковать себя, нанося тем самым своей и так заниженной самооценке еще больше вреда. Причину этой проблемы Уинч видит в том, что мы не ставим наше психологическое здоровье на первое место. Однако после того, как нас отвергли, необходимо прежде всего восстановить свою самооценку.

С понятием руминации мы уже встречались ранее, однако автор конкретизирует это понятие как «эмоциональное заикливание, постоянное прокручивание неудач и негативных моментов в голове снова и снова». Эта пагубная привычка способна вогнать в депрессию, из которой будет тяжело выйти. Решение Уинч видит в том, чтобы, как только «накатывает» состояние депрессии, на пару минут отвлечься от прокрутки неприятного момента. Этого достаточно, чтобы отойти от этой вредной привычки.

В заключении Уинч говорит, что, борясь с этими проблемами, мы приобретаем психологическую устойчивость. Автор завершает лекцию словами о том, что качество жизни намного улучшится, если каждый человек будет соблюдать эмоциональную гигиену, а сам мир станет намного лучше, если все будут психологически здоровы. Для этого достаточно всего лишь изменить «пару привычек».

Речь Г. Уинча сопровождается юмористическими замечаниями, графическими вставками, иллюстрируется примерами из собственного опыта и опыта его брата-близнеца, что превращает лекцию в доверительную беседу, обуславливает раппорт, эмпатию и перенос.

Фрейм

ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Эффективность на рабочем месте или в профессиональной деятельности неизменно остается важным фреймом, реализуемым в американском популярно-психологическом дискурсе.

1. Субфрейм ЭФФЕКТИВНОСТЬ В РАБОТЕ.

“Why work doesn't happen at work?” by Jason Fried [10].

Джейсон Фрайд в своей пятнадцатиминутной лекции на тему «Почему люди не работают на работе?» поднимает проблему, касающуюся офисных компаний. Он утверждает, что офис в настоящее время — неподходящее место для работы. Фрайд утверждает, что люди не хотят работать в офисах, подтверждая это результатами проведенного им самим опроса, в котором он выяснял, где его респонденты хотят находиться, чтобы выполнять ту или иную работу. Все опрошенные ответили, что они хотели бы находиться дома, в кофейне или даже в транспортном средстве, которое они используют каждый день. Никто из опрошенных не ответил, что хотел бы работать в офисе. Фрайд использует интересную метафору, называя офис «блендером», в котором рабочий день дробится на несколько частей. У офисных рабочих есть определенное количество времени на ту или иную работу, на ланч, на отдых, и автор лекции считает это совершенно неправильным. Он говорит, что в конце такого рабочего дня, человек оглядывается назад и понимает, что он ничего не сделал за день, что день прошел зря. Он также говорит, что такое дробление рабочего дня негативно сказывается на работе креативных людей, которым нужны более длительные промежутки времени на обдумывание идей. Чтобы

работа была сделана хорошо, людям нужно работать в комфортном для них темпе.

Далее Фрайд говорит о тесной взаимосвязи работы и сна. Сон, как и работа, состоит из нескольких фаз. Сон нельзя прерывать на ранних фазах. Если кто-то прерывает ваш сон, то в течение всего дня вы будете чувствовать, что совсем не спали. Через это сравнение Фрайд делает вывод: во время работы в офисах, как и во время сна, нельзя прерывать ту или иную фазу деятельности.

Автор лекции считает, что компании поступают неправильно, ограничивая своим работникам в офисах доступы к социальным сетям. Соцсеть — это тот же «перекур», небольшой перерыв, который глупо отнимать у работников. Вместо ограничения доступа к той или иной социальной сети, Фрайд предлагает ограничить два формально-процедурных «отвлекающих» фактора в офисе — деятельность менеджеров и собрания. Он называет их M&Ms. По мнению Фрайда, менеджеры — это люди, которые сами не работают и при этом отвлекают других. Собрания же, с точки зрения Фрайда, не составная часть работы, но формат для пустых разговоров. Они не приводят к повышению работоспособности и эффективности, но лишь отнимают время.

Далее Фрайд приводит три возможных решения проблемы офисной рутины, осуществив которые, менеджеры могут сделать офис «первой необходимостью» для работников. Первое решение автор озвучивает как «безразговорный четверг». Он считает, что нужно сделать хотя бы один день в две недели «безразговорным», когда работники абсолютно никак не будут общаться между собой и отвлекать друг друга. Для начала Фрайд предлагает сделать «безразговорными» хотя бы четыре часа в день, впоследствии больше. Второе решение — перейти с активной формы общения на пассивную, то есть общаться с начальником и коллегами по электронной почте либо с помощью каких-то специальных приспособлений. И, наконец, третье возможное решение — это отмена собраний (Фрайд предлагает просто «забыть» о них) и возложение больших полномочий на индивидуальных работников. По мнению Джейсона Фрайда, эти три решения в корне изменят работоспособность, а также отношение офисных работников к своему рабочему месту.

Речь Фрайда возбуждает интерес в том числе благодаря парадоксальным утверждениям и удачной аналогии процесса работы с процессом сна.

“As work gets more complex” by Yves Morieux [13].

Ив Морье заинтересовался двумя вопросами: во-первых, почему производительность на работе так низка, а во-вторых, почему люди не заинтересованы в своей работе. Корень проблемы автор видит в основах управления. Он выделяет два основных принципа организации: жесткий (сюда он относит структуру, процессы и систему) и мягкий (личные качества, чувства и так далее). Морье считает, что проблема в том, что оба эти принципа устарели. Он предлагает несколько новых правил, которые, по его мнению, улучшат работоспособность людей. Свой подход Морье называет «гениально простым» — это сотрудничество, взаимодействие. Важна не структура, «скелет» из целей, команд, координации, отчетности, но «нервная система» «адаптивности и ума».

Новый принцип работы включает в себя ряд правил. Необходимо понять, чем занимаются люди в коллективе, в чем заключается их работа. Необходимо укреплять «интеграторов» — связующие звенья. Нужно расширять полномочия. Нужно удлинять «тень будущего». Необходимо повысить взаимовыгодную деятельность. Наконец, требуется поощрять «тех, кто сотрудничает». Справедливо заметить, что все правила связаны с взаимодействием в коллективе. В заключении своего выступления Морье говорит о том, что «настоящая борьба происходит в нас самих». Для того, чтобы достичь определенного результата, работать хорошо, необходимо прежде всего побороть себя, а условием для этого должно стать уменьшение бюрократии и чрезмерной структурной сложности.

Говоря о средствах речевого воздействия в данной лекции, следует отметить ее четкость, логику, силлогистическую стройность и одновременно метафоричность («скелет» о структуре и «нервная система» о бесструктурном управлении), эмоциональную презентацию, визуальную наглядность для акцентирования ключевых идей.

2. Субфрейм ЛИЧНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ, РЕШЕНИИ ЗАДАЧ.

Josh Kaufman. *The first 20 hours — how to learn everything?* [11].

Джош Кауфман начинает свое выступление с истории из своей жизни. Два года назад у него родилась дочь и стало меньше свободного времени. Поначалу, как говорит автор, его это пугало. Затем он решил провести исследование, сколько часов требуется человеку, чтобы в совершенстве

овладеть каким-либо навыком. Прочитав много книг, просмотрев многие сайты, Кауфман выяснил, что для этого нужно 10 000 часов. Эта цифра подтолкнула его на создание собственного метода обучения чему-либо. Кауфман считает, что для овладения тем или иным навыком необходимо всего лишь 20 часов, за это время можно действительно в чем-то преуспеть (например, научиться готовить, выучить язык, научиться рисовать и так далее).

Автор выделяет четыре шага для достижения цели: проанализировать навык, цель его приобретения, разложить навык на мелкие составляющие; изучить 3–5 источников о выбранном навыке — это могут быть как книги, так и фильмы, усвоить информацию; убрать все помехи для практики, не отвлекаться на телевизор и интернет, а сосредоточиться на обучении и практиковаться хотя бы 20 часов; преодолеть так называемый «барьер разочарования» — состояние, при котором обучающийся человек боится выглядеть глупо, нелепо.

Автор иллюстрирует работу его метода, сыграв на гавайской гитаре перед аудиторией. Спев песню, он признается, что на этом закончен его 20 час обучения. В заключение Кауфман говорит, что барьер не в нашем уме, не в самом процессе, он заключен в наших эмоциях. Мы боимся чувствовать себя глупо. Как только этот эмоциональный барьер будет преодолен, все сразу получится.

Лекция имеет личностное звучание, основана на описании собственного опыта, имеет практическую направленность, представлена эмоционально и одновременно логически, рассуждения оснащены научными данными.

Фрейм

УСПЕХ

“8 secrets of success” by Richard St. John [14].

Эта лекция характеризуется как одна из самых известных лекций TED. Она идет всего три минуты, но тем не менее люди часто обращаются к советам, которые дает Ричард Сент-Джон в этой беседе. В начале выступления автор говорит о том, что его лекция на самом деле должна быть очень большой, но он сократил ее до трех минут. Лекция составлена на результатах 500 интервью. Сент-Джон убеждает, что, чтобы достичь успеха, нужно следовать всего лишь восьми пунктам: делать свою работу со страстью, с любовью, тогда деньги придут так или иначе; не только любить свою работу, но и делать ее качественно; выбрать

какую-то одну сферу деятельности и стать в ней профессионалом; сфокусировать свое внимание на самом важном; преодолеть застенчивость и неуверенность, спокойно относиться к неудачам; чтобы стать богатым, необходимо заниматься «служением», отдавать что-то другим людям; производить «идеи», начиная с самых простых вещей; быть настойчивым, идти только вперед, не опускать рук. Следуя этим простым советам каждый день, по мнению Сент-Джона, человек обязательно станет успешным.

Лекция построена на популярном запросе на успешность и материальную состоятельность, апеллирует к опыту успешного человека, эмоционально и выразительно представлена, имеет ясную логичную структуру, снабжена юмористическими вкраплениями.

Фрейм

ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ («ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ В ВОЗМОЖНОСТИ»)

“Overcoming hopelessness” by Nik Vujicic [17].

Ник Вуйчич — профессиональный оратор с редким заболеванием, характеризующимся отсутствием всех конечностей. Большую часть своего детства он боролся с депрессией, и после попытки самоубийства он решил сосредоточиться на том, что у него есть, а не на том, что он не сделал и не может сделать. Он понял, что история его жизни может вдохновить многих людей. В указанной TED-лекции Ник переносит свое положение на положение любого человека. Каждый рожден с определенной болью, с которой необходимо бороться. Но родители обязательно должны говорить своим детям, что они прекрасны и способны многого достичь. Вуйчич отмечает, что причина наших разочарований — мы сами. Мы откладываем в памяти слова, которые нас обидели, и начинаем сами в них верить. Автор призывает никогда не заикливаться на плохих моментах жизни, на обидных словах. Он также говорит о том, что не стоит отчаиваться, если чуда не происходит, возможно, «ваша жизнь и есть чудо для кого-то другого».

Материал текстов и видеолекций американской популярной психологии позволяет сделать некоторые выводы. Популярно-психологический дискурс необычен для лингвистики своей структурой и содержанием. Он сочетает в себе несколько стилей, отличается информативностью, аргументативностью, персуазивностью, суггестивностью, метонимической и метафорической

иллюстративностью, как правило, ясен по форме и содержанию, идиоматичен, содержит риторические приемы, тропы и фигуры. Имеет рефрейминговый и порождающий потенциал, реформирует и формирует смысловые конструкты реципиентов. Популярно-психологический дискурс порождает и развивает новые концепты, скажем, перспективный концепт МАЙНДФУЛНЕСС, лежащий в основе современной терапии и порождающий со своей стороны все больше текстов о правильной направленности внимания, о безоценочном суждении о своем опыте и так далее. Этот концепт развивается в скрипт: людям, которые заинтересованы в практике осознанности, предлагается следовать некоторым правилам и процедурам, которые излагают в своих работах западные специалисты. Тексты популярной психологии порождают собственные паттерны речевого воздействия. Воздейственный потенциал этих текстов обусловлен, во-первых, спросом со стороны населения на удовлетворение личностных потребностей и решение личностных проблем. Во-вторых, он обусловлен диалогичной подачей материала, которая предполагает особенное, более эмпатичное отношение к ним читателя. Читатель чувствует, что он неплохо разбирается в том или ином вопросе психологии. В-третьих, научно-популярные тексты воздейственны за счет авторитетности специалистов — психологов-практиков, психотерапевтов, коучей. Заметим, что официальная наука в принципе готова изучать и перерабатывать их опыт, верифицировать их гипотезы, что показывает экспериментальное изучение концепции МАЙНДФУЛНЕСС.

Можно констатировать, что американские тексты популярной психологии представляют для лингвистики интерес, так как они малоизучены, при этом необычны. Необычна их подача, художественные средства, смешение стилей и многое другое. Эти тексты, несомненно, представляют интерес и для лингвистов-когнитологов, психолингвистов, лингвокультурологов, так как помогают лучше понять психологию людей, живущих в разных культурах, понять их отношение к жизни, к бытовым вещам, понять, как они мыслят и поступают в определенных жизненных ситуациях. Кроме того, они представляют определенную новизну с точки зрения переводоведения, так как перед переводчиками встает непростая задача: верно передать оригинальный текст, сохранив подтекст и культурный фон.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Метафоризация как средство диалогичности научного текста / Л. М. Алексеева // Антропоцентрический подход к языку. — Пермь, 1998. — Ч. 1. — С. 89–102.
2. Кабат-Зинн, Дж. Куда бы ты ни шел — ты уже там: Медитация полноты осознания в повседневной жизни / Дж. Кабат-Зинн. — М., 2001. — 208 с.
3. Наранхо, К. Гештальттерапия. Отношение и Практика атеоретического эмпиризма / К. Наранхо. — Воронеж, 1995. — 304 с.
4. Перлз, Ф. Практика гештальттерапии / Ф. Перлз. — М., 2001.
5. Популярная психология. — URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/populyarnaya_psihologiya.
6. Степанов, С. С. Мифы и тупики поп-психологии / С. С. Степанов. — Дубна, 2006. — 232 с.
7. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. — М., 2014. — 344 с.
8. Шелестюк, Е. В. Стилистические и жанровые особенности текстов популярной психологии / Е. В. Шелестюк // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2008. — № 12. — С. 168–176.
9. Burg, J. M. The Healthy Quality of Mindful Breathing: Associations with Rumination and Depression / J. M. Burg, J. Michalak. — URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s10608-010-9343-x>.
10. Fried, J. Why work doesn't happen at work? / J. Fried. — URL: https://www.ted.com/talks/jason_fried_why_work_doesn_t_happen_at_work?language=ru.
11. Kaufman, J. The first 20 hours — how to learn everything? / J. Kaufman. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5MgBikgcWnY>.
12. Mindfulness. — URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mindfulness>.
13. Morieux, Y. As work gets more complex / Y. Morieux. — URL: http://www.ted.com/talks/yves_morieux_as_work_gets_more_complex_6_rules_to_simplify.
14. Richard, St. J. 8 secrets of success / St. J. Richard. — URL: https://www.ted.com/talks/richard_st_john_s_8_secrets_of_success/transcript.
15. Santorelli, S. F. 21 ways to be mindful (reduce stress) during the workday / S. F. Santorelli. — URL: <http://sites.uci.edu/mindful/files/2013/12/Mindfulness-and-Mastery-in-the-Workplace.pdf>.
16. TED. — <http://www.ted.com>.
17. Vujicic, N. Overcoming hopelessness / N. Vujicic. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6P2nPI6CTlc>.
18. Winch, G. Why we all need to practice emotional first aid? The case of emotional hygiene / G. Winch. — URL: https://www.ted.com/talks/guy_winch_the_case_for_emotional_hygiene/transcript.

Сведения об авторе

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Москвина Евгения Александровна — бакалавр историко-филологического факультета по направлению «Зарубежная филология», Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. evgesha.moskvina@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 9 (405). Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 83–95.

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF AMERICAN POPULAR PSYCHOLOGY DISCOURSE

E. V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

E. A. Moskvina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. evgesha.moskvina@mail.ru

The purpose of the article is to describe the frame-conceptual composition of American popular-psychological texts. In order to identify the features of the concepts contained in these texts, a method of describing and interpreting the ideas expressed in them is used, as well as a method of analyzing and generalizing linguistic and compositional tools that provide an impact on readers. Popular-psychological discourse is a collection of textual and other semiotic works aimed at achieving such goals as the popularization of ideas and concepts related to the regulation of the mental state and everyday life of a person, psychological enlightenment, introducing personal or behavioral questions and proposals for their solution into the field of consciousness of recipients; indoctrination (if there is a certain system of knowledge and practice); psychological help, the construction of a “new” reality; training certain psychological techniques. This discourse is characterized by theoretical unstrictness, applicability in everyday life, multiple addressability, publicity, narrativity, etc. In American popular-psychological discourse there are several basic frames: PSYCHOLOGICAL WELFARE; EFFICIENCY; SUCCESS; OVERCOMING ADVERSITIES. In addition, it is possible to single out a number of topical concepts in the texts of American popular psychology, among which the important place is occupied by the MINDFULNESS (ENCOUNTERNESS HERE AND NOW). Popular-psychological discourse is distinguished by its logical, informative, argumentative, persuasive, illustrative (including allegorical) quality, as a rule, it is clear in form and content, idiomatic, contains rhetorical techniques, tropes and figures. It has a reframing and frame-generating potential, it reforms meaning constructs of recipients. Popular-psychological discourse generates and develops new concepts, for example, the promising concept of MINDFULNESS, which is the basis of modern therapy.

Keywords: *popular psychological discourse, popular psychology, concept, frame, script, frame-conceptual analysis, speech influence, patterns of speech influence, awareness here and now, MINDFULNESS.*

References

1. Alekseeva L.M. Metaforizatsiya kak sredstvo dialogichnosti nauchnogo teksta [Metaphorization as a tool for the dialogic nature of the scientific text]. *Antropotsentricheskii podkhod k yazyku. Chast' I* [Anthropocentric approach to language. Part 1]. Perm, 1998. Pp. 89–102. (In Russ.).
2. Kabat-Zinn J. *Kuda by ty ni shel — ty uzhe tam: Meditatsiya polnoty osoznaniya v povsednevnoy zhizni* [Wherever You Go, There You Are: Mindfulness Meditation in Everyday Life]. Moscow, 2001. 208 p. (In Russ.).
3. Naranjo C. *Geshtal'tterapiya. Otnosheniye i Praktika ateoreticheskogo empirizma* [The Attitude and Practice of an Atheoretical Experientialism]. Voronezh, 1995. 304 p. (In Russ.).
4. Perls F.S. *Praktika geshtal'tterapii* [Gestalt Therapy Verbatim]. Moscow, 2001. (In Russ.).
5. *Populyarnaya psihologiya* [Popular Psychology]. Available at: http://www.psychologos.ru/articles/view/populyarnaya_psihologiya. (In Russ.).
6. Stepanov S.S. *Myths and dead ends of pop psychology* [Mify i tupiki pop-psikhologii]. Dubna, 2006. 232 p. (In Russ.).
7. Shelestyuk E.V. *Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech influence: ontology and methodology of the study]. Moscow, 2014. 344 p. (In Russ.).
8. Shelestyuk E.V. Stilisticheskiye i zhanrovyye osobennosti tekstov populyarnoy psikhologii [Stylistic and genre features of texts of popular psychology]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2008, no. 12, pp. 168–176. (In Russ.).
9. Burg J.M., Michalak J. *The Healthy Quality of Mindful Breathing: Associations with Rumination and Depression*. Available at: <http://link.springer.com/article/10.1007/s10608-010-9343-x>.

10. Fried J. *Why work doesn't happen at work?* Available at: https://www.ted.com/talks/jason_fried_why_work_doesn_t_happen_at_work?language=ru.
11. Kaufman J. *The first 20 hours — how to learn everything?* Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=5MgBikgcWnY>.
12. *Mindfulness*. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mindfulness/>.
13. Morieux Y. *As work gets more complex*. Available at: http://www.ted.com/talks/yves_morieux_as_work_gets_more_complex_6_rules_to_simplify.
14. Richard St.J. *8 secrets of success*. Available at: https://www.ted.com/talks/richard_st_john_s_8_secrets_of_success/transcript.
15. Santorelli S.F. *21 ways to be mindful (reduce stress) during the workday*. Available at: <http://sites.uci.edu/mindful/files/2013/12/Mindfulness-and-Mastery-in-the-Workplace.pdf>.
16. *TED*. Available at: <http://www.ted.com>.
17. Vujicic N. *Overcoming hopelessness*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6P2nPI6CTIc>.
18. Winch G. *Why we all need to practice emotional first aid? The case of emotional hygiene*. Available at: https://www.ted.com/talks/guy_winch_the_case_for_emotional_hygiene/transcript.

УДК 81-13; 167/168
ББК 81; 87.2

ЗВУКОВАЯ СИМВОЛИКА СЛОВА В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИИ ЗНАКОВЫХ СТРУКТУР*

В. К. Шрейбер

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Хотя идея существования у звуков речи собственной семантики восходит к временам Упанишад и античности, она в связи с накоплением данных о социальной природе языка долгое время оставалась сомнительной. Однако развитие знаний о языке привело в прошлом столетии к рождению нового направления — фоносемантики. В рамках этой концепции принимается, что звуки языка выражают эмоциональные состояния говорящего и вместе с тем обладают некоторым предметным содержанием. Автор пытается прояснить логику этих перипетий путем их рассмотрения через призму эволюции семиотических структур.

Ключевые слова: фоносемантика, глоссематика, знак, категоризация, частный язык, конвенция, методология.

1. Проблема и ее истоки.

Исследования фонетической организации слов строятся на допущении, что фонемы могут нести смысл сами по себе. Предположения о наличии у звуков языка собственной семантики возникали в глубокой древности. «Глухие согласные звуки, — говорится в комментарии к ведам, — репрезентируют землю, свистящие или шипящие — воздух (sky), гласные звуки — небеса. Немые согласные репрезентируют огонь, свистящие или шипящие звуки воздух, а гласные звуки солнце. Немые согласные представляют глаз, гласные звуки разум» [21]. В диалоге Платона «Кратил» Сократ доказывает, что названия вырастают из особенностей звуков. Так, звук *r* «прекрасным образом» выражает порыв и движение, как в именах «река» — от слова *rein* (течь) — и «стремнина» (*roe*). Тот же звук *r* находим в словах «трепет» (*tromos*), «пробегать» (*trachus*) или «дробить» (*krouein*). Или возьмем глаголы «крушить» (*thrauein*), «рвать» (*ereikein*), «рыть» (*thruptein*) и «вертеть» (*rumbein*), — все они выразительны именно благодаря *r*. При произнесении этого звука, — поясняет Сократ, — язык совсем не остается в покое и сотрясается; потому *r* и используется для выражения соответствующего действия [13].

Проблема обсуждалась и в средневековой схоластике. В отечественной традиции любопытные соображения о значении звуков языка находим у Ломоносова и Хлебникова.

Если эту зависимость признать реальной, то встает вопрос, как она возникает и почему внимание к звукам *не гарантирует* правильного понимания значения слов. Какие, к примеру, звуковые метаморфозы в слове *дохляк* позволяют, как уверяет один из сетевых популяризаторов звукового символизма, интерпретировать его смысл как «сильный» или «мужественный» [4]? Или почему сочетание звуков, образованное комбинацией трех английских букв *i-c-e*, означающее замерзшую воду, в одном случае переводится как *лед*, в другом — как *покрываться льдом*, а в третьем выступает в роли суффикса или корневого фрагмента слова (*nice* или *notice*). В чем же в данном случае заключается семантическая общность русскоязычных /л/ и /д/ и английского /c/? И разве не проще объяснить семантическое сходство синтактико-морфологическими характеристиками языков? При чем тут, собственно, фонетические нюансы?

Защищаясь, приверженцы звукописи апеллируют к фониической инструментровке поэтических текстов. В отличие от повседневных пользователей языка, не задумывающихся над звуковой формой слова, поэты проводят тщательный отбор звуков в зависимости от эстетических задач. Так, к примеру, действует Пушкин в «Полтаве». Задача визуализации образа действий Петра решается здесь именно через звукопись. Сочетания

* Автор выражает признательность доктору филологических наук Е. И. Головановой, поддержавшей междисциплинарный характер замысла, и анонимному рецензенту, который своими конструктивными замечаниями помог довести проект до публикации.

согласных звуков в словах *быс-тр-ы*, *пр-е-кр-асен*, *гр-оза*, *др-ожит*, в *пр-ахе* передают энергию и целеустремленность русского царя.

В художественной речи любой из звуковых повторов может подвергнуться семантизации. Фактов накоплено много. Но в чем объективные основания этой зависимости? Традиционные фонетические или семантические подходы удовлетворительного ответа на этот вопрос не давали. Попытки выйти из методологического тупика привели в конце минувшего столетия к рождению нового направления исследований — фоносемантики, или, как она называется на Западе, звукового символизма (*sound symbolism*). Согласно этой теории, каждому звуку речи соответствует определенное подсознательное значение. Слово, таким образом, обладает двумя смыслами. В первом, где оно воспринимается как целое, им обозначается какой-нибудь объект или процесс. Во втором случае слово распадается на ряд звуков, которые способны вызывать реакцию сами по себе. Поскольку при восприятии речи сознание занято преимущественно первым смыслом, второй возникает подсознательно и, по мысли А. Журавлева, переживается человеком в виде определенного *эмоционального* фона [7]. Этот смысл и получил название фоносемантического значения. Г. Гуковский, комментируя соответствующие соображения Ломоносова, подчеркивал, что для последнего энергия звука «сама по себе не рациональна, а эмоциональна. Более того, она несет в себе явственный признак иррационального» [3].

Но насколько эти замечания отвечают действительному положению дел? И где лежат корни этой иррациональности, если она имеет место на самом деле? Вопросы тем более законны, что знаменитые пары А. Журавлева не всегда несут эмоциональную нагрузку. В числе оппозиций, свойственных звукам русского языка, он выделяет такие, как *светлое — темное*, *холодный — горячий*, *быстрый — медленный*. Однако их затруднительно толковать как проявления эмоциональных состояний.

Все эти обстоятельства и определили направление дальнейших размышлений.

Во второй части предлагается очерк развития представлений о внутреннем строении слова. Третья и четвертая части посвящены анализу семиотических феноменов от сигнала до символа (что, надеюсь, позволит выделить рациональное зерно у Платона и Ломоносова и ответить, почему

выделенные Журавлевым оппозиции обладают более чем эмоциональной окраской). В заключении будут обозначены методологические параллели между развитием наук о природе и языкознанием. Основания для соединения этих сюжетов очевидны: это динамика исторического и логического. Всякая самоорганизующаяся развивающаяся система воспроизводит основные характеристики своих изменений как иерархию порядков. А поскольку язык как *семиотическая* система имел предысторию, резонно предполагать, что качественные этапы этой истории запечатлевались в появлении новых уровней организации. Лингвисты к этой стороне дела обращаются меньше, потому что она смещает фокус внимания в сторону теории информации и философии сознания.

2. Сколько смысловых уровней у слова?

В мифах названия вещей и сами вещи составляли части одной и той же реальности. Позднее это единство было разорвано, но дихотомическим образом и в понимании генезиса языковых феноменов возникла антиномия: природа *versus* конвенции. Именно такую постановку проблемы находим в «Кратиле», и она проходит через всю историю лингвистики. Отсутствие удовлетворительных, получивших общее признание в науке о языке решений этого вопроса привело к тому, что лингвисты ограничились размежеванием двух планов: выражения и содержания. Под планом выражения понималась внешняя сторона языка. С этой точки зрения слово есть *материальный* феномен. Как таковое оно принадлежит к знаковой системе как материальному носителю значений. И, кроме того, физически оно появляется в конкретном месте и моменте времени, где может оказать влияние на тех, кто пользуется этим языком. План содержания идеален. Его составляет мысль, которая находит свое выражение в языковой форме, — устной или письменной. Оба плана взаимно связаны и изменения в одном из них вызывают изменения в другом. К примеру, в слове *дом* замена «о» на «а» меняет сам смысл слова. Отсюда само собой подразумевалось, что в плане их анализа можно говорить об изоморфизме. Конечно, префиксы, корни, окончания, фонемы, морфемы и прочие сегментные единицы языка следует различать, но все они так или иначе связаны со значением и предполагают друг друга. Поэтому считалось, что морфология, синтаксис и прочие — лексические — тонкости суть просто

разные аспекты изучения одного и того же механизма, результатом действия которого становится мысль или утверждение.

Представление о недостаточности этой модели для понимания эволюции и взаимодействия языков сложилось благодаря структуралистской методологии. Соссюр, стремясь освободить языкознание от влияния атомистических установок младограмматиков, предложил разграничить язык и речь и вывел последнюю за границы собственно лингвистических интересов. Далее, он отделил синхронию от диахронии и в качестве основной задачи лингвистики принял не историю языковых составляющих, а синхронное изучение языка как целостности.

Подчеркивая системный характер отношений между языковыми знаками, основоположник структуральной лингвистики называет «великим заблуждением» «взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием». Ибо такое понимание изолирует его от системы, в состав которой он входит, и ведет к «ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов» [14. С. 113]. Наконец, им было предположено, что язык состоит из ряда связанных между собой уровней [14]. Эти идеи подхватили теоретики Копенгагенской школы.

Согласно Ельмслеву, в обоих планах следует различать субстанцию и форму. В плане выражения к первой относятся материальные элементы (звуки, графика, жесты и т. п.), ко второй — способ их использования в данном языке. Субстанцией содержания являются предметы мысли, а формой содержания — характерный для данного языка способ их упорядочения. Предметом лингвистики как своеобразной «алгебры языка» был объявлен «анализ языковой формы», непосредственным же объектом анализа — текст, из которого, собственно, и следовало извлечь языковую систему. Система, по общему правилу, состоит из элементов и структуры; понятно отсюда, что приверженцы глоссематики должны были как-то специфицировать, с одной стороны, отношения, а с другой — указать, что они будут считать элементами языковой системы.

Выполняя первую часть этой задачи, они разграничили три типа внутриязыковых зависимостей: 1) взаимозависимость; 2) детерминацию,

когда один элемент предполагает другой; 3) констелляцию или свободную зависимость между элементами. Примером зависимости первого типа является отношение между гласными и согласными в системе или подлежащим и сказуемым в тексте. Детерминацию демонстрирует отношение между предложением и родительным падежом — падеж управляет предложением, но не *vice versa*. Для иллюстрации третьего варианта напомним об отношениях между лицом и родом в русских глаголах. У нас глаголы настоящего времени имеют лицо, но у них нет рода, а в прошедшем времени наоборот.

Если вы хотите найти элементарные единицы текста, то по самому существу задачи вам придется постараться свести эти единицы к некоторому минимуму. Этот минимум глоссематики назвали *фигурами*: «Язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым сочетаниям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи» [6]. В отличие от знаков как двусторонних единиц *фигура* — односторонняя. Понимая, что признак односторонности не слишком вразумителен, Ельмслев предложил различать фигуры с помощью минимальных семантических оппозиций. К примеру, пара «девочка — мальчик» делится на фигуры по признаку пола, а девочка и женщина — по возрасту. Попытка большого развития не получила, но она показала, что направление разложения зависит от смысловых связей с контекстом и другими концептами языка. Стало видно, что анализ языка как знаковой системы в отрыве от внутреннего мира его носителя является не более чем научной абстракцией и, соответственно, отвлекаться от личностной составляющей можно лишь в силу многоаспектности естественного языка.

Правда, надо сказать, что лингвисты не всегда были безразличны к душевным состояниям носителей языка. Еще В. Гумбольдт приписывал языку важнейшую роль в «мировидении» или, как говорят сегодня, в структурировании картины мира. Близкий подход обнаруживается в учении А. Потебни о внутренней форме слова. Сама эта его идея обретает смысл исключительно при условии психологической интерпретации. Концепт *внутренней формы слова* предполагает, что индивид способен осознать связь между звучанием слова и его смыслом: если, скажем, носитель языка не усматривает за словом *портной* слово *пор-*

ты, то внутренняя форма слова *портной* утеряна. И ныне в лингвистике сложился новый ракурс анализа — с акцентом на изучении реальных процессов говорения и слушания. Речь с триумфом вернула статус полноправного участника лингвистических штудий. Сегодня в этом ключе работают многие постмодернисты.

В разговоре значительная часть информации содержится не в высказывании, а в его конситуативности, то есть в самой ситуации общения. Говорящий ориентируется на то, что слушающий без труда сумеет извлечь нужную информацию, благодаря общему контексту (мимика и жесты участников коммуникации, время и место действия, речевой этикет и так далее). Отсюда в живом общении грамматически правильные высказывания часто воспринимаются как вычурные. Этот же феномен опущения само собой подразумеваемых факторов общения демонстрируют глухонемые. В неформальных ситуациях их жесты конситуативны. Конситуативность существенным образом влияет на процессы формирования и функционирования понятий. Эта зависимость явственно просматривается в процессах категоризации.

Категоризация в лингвистике — это не подведение родового понятия под философскую категорию, а процедура мысленного объединения предметов в группу на основании какого-то общего признака. При этом равноправие членов категории долгое время считалось самоочевидным и никем не оспаривалось. Формирование способности к категоризации всегда рассматривалось как показатель уровня интеллектуального развития. Двадцатый век дал множество свидетельств зависимости этой способности от умения пользоваться словами как знаками. Обнаружилось, что знаковое опосредование формируется в контексте социальной жизни, и создание смыслов определяется культурой. Первые детские «слова» не являются словами в обычном понимании, поскольку одновременно соотносятся с лицами, предметами и ситуацией в целом. За одним и тем же звуковым комплексом «дай» может стоять ‘я голоден’, ‘мне нужно твое внимание’, ‘хочу потрогать этот предмет’ или еще что-то.

В начале 70-х гг. психолог из Беркли Элеонора Рош предложила отказаться от рассмотрения членов категории в качестве множества равноправных объектов, охватываемых обобщающим именем. Она представила категорию как структуру связей между центром и периферией. Центр зани-

мают типичные представители данной группы; чем дальше от центра, тем меньше типичность. Пафос Рош и ее последователей — в фиксации культурно-зависимых особенностей психологических и языковых структур, в соответствии с которыми в одной культуре, говоря о фруктах, представляют яблоко или грушу, в других — апельсин или банан. Рош пролила новый свет на механику отношений типа «мебель — стол», о сложности которой писал еще Л. Выготский.

Следующий шаг в понимании этих отношений связан с разработкой общей теории синтаксиса и гипотезой языка мысли (*language of thought* или *LOT*). Хотя ни лингвиста Хомского, ни философа Фодора семантика слова непосредственно не интересовала [9], их изыскания помогли увидеть новые аспекты смысловой организации слова, дополняющие результаты Рош. Фодор трактует *LOT* как посредника между мыслями и формулами естественного языка. Этот взгляд согласуется с введенным ранее Хомским разграничением поверхностного и глубинного строя утвердительного предложения. Поверхностная структура — это синтаксический и фонологический строй утверждения. Глубинная или когнитивная структура репрезентирует мысль и не зависит от данности в естественном языке: к примеру, она может порождаться зрительным аппаратом. Совокупность таких глубинных структур (или предложений) образует особый ментальный язык — *менталезе*. В отличие от выражений естественного языка, устроенных по линейному принципу (вначале одно слово, потом другое, потом третье и так далее), порядок обработки информации, содержащейся в когнитивных структурах, ближе к стратегиям сканирования. По отношению к естественному языку ментальные состояния играют каузальную роль, которая, собственно, и позволяет их идентификацию, различая эти состояния по функциям.

В свою поддержку адепты *LOT* ссылаются на сложности перевода. Ведь соответствующие ассоциативные связи нередко приходится создавать, а они, как правило, вступают в противоречие с «ментальным тезаурусом» родного языка. Эта трудность явственно обнаруживается на уровне сочетаемости слов (сравним русск. *сильный дождь* и англ. *heavy rain*). Вместе с тем удачные переводы, обеспечивающие сохранность концептуального содержания, все-таки бывают, и, как считают сторонники *менталезе*, они

свидетельствуют о реальности того, что Хомский называет «порождающей грамматикой».

Позднее Фодор пришел к выводу, что ментальные состояния обладают интенциональными объектами; те и другие являются сложными сущностями [17]. Синтаксис ментальных состояний отражает *семантические* отношения между интенциональными объектами и (что ментально вызвало вопросы) аналогичен синтаксической структуре естественного языка. Их пока оставим в стороне и отметим, что идея интенциональных объектов сильно ограничивает претензии на разработку формализованной общей теории лингвистической структуры. Интенциональный объект может быть вымышленным, как в беллетристике. Но в любом случае с его включением чисто формальная структура, которую надеялся отыскать Хомский, обретает предметное семантическое содержание. Отсюда список ментальных объектов должен либо включать все классы сущностей: реальных, абстрактных и вымышленных, либо допускать многозначность. А это значит, что смысловые единицы *ментализе* не могут быть полностью тождественными смысловым единицам естественных языков. Они представляют какой-то особый тип знаков.

3. Знаки, сигналы и звуки.

Так что же это такое — знаки? Когда они возникают? И чем знаки языка отличаются от иных семиотических объектов? Каким образом эволюция семиотических структур зафиксировалась в строении слова? Эти вопросы будут рассматриваться в этом и следующем разделах статьи. Обсуждение начнем с описания совершенно обычного тривиального случая. Он позволит связать высокую теорию с житейским контекстом, ввести базовые понятия и вычленил основные типы семиотических структур.

Итак, утро, — конец июня. День обещает быть жарким. Петя только что позвонил Ане, и они договорились через полтора часа встретиться на остановке. Стало быть, у него еще есть время позавтракать. Он берет чайник, доликает туда воды, зажигает горелку и ставит его на огонь. Пока чайник греется, Петр решает приготовить салат и бутерброды с маслом и сыром. Все эти продукты приходится доставать из холодильника. После очередного открытия дверки холодильника загудел — заработал холодильный агрегат. Комар, который невесть как очутился в кухне,

с противным писком пристраивается на Петино плечо, явно намереваясь пустить в дело свой хоботок. Выключив чайник и попутно шлепнув комара, Петя садится за стол.

В нашем кейсе обозначен ряд семиотических процессов. Петя, комар и тепловое реле холодильника — все они воспринимают определенные явления как отсылающие к чему-то иному, нежели они сами. Звук, который воспроизводит сотовый телефон, относится к Петиним подруге; они обозначают ее. Повышение температуры в холодильной камере отсылает реле к функции пускателя. Запах плеча отсылает комара к тому, что может стать его пищей, а раздражающий зуд в месте укуса говорит, что комар уже действует. Во всех этих случаях мы имеем дело со знаками.

Обычно под *знаком* понимают естественный или искусственный (конвенциональный) объект (вещь или процесс), репрезентирующий другой объект. Однако такое, казалось бы, вполне ясное толкование скрывает два смысла. В широком смысле слово обозначает знак в единстве с его значением, в узком же смысле под *знаком* подразумевается только материальный носитель знака, его субстрат или, по-другому, *the sign vehicle*. Иногда эти смыслы объединяются, как, скажем, в понятии дорожного знака; иногда они разводятся. Так, в немецком языке есть *Verkehrsschild* — указатель, или *the sign vehicle*, и есть знак — *Verkehrszeichen*. Впрочем, под влиянием, видимо, естественного языка разграничением знака и его носителя подчас пренебрегали даже Соссюр и Пирс с их *означающим* и *репрезентаменом*.

Тем не менее разграничение рационально, и это было осознано на заре средневековья. Пока речь идет о вещах, внимание, — пишет Августин, — обращают «только на то, что они суть, а не на то, могут ли они означать что-либо иное, помимо себя». Напротив, при исследовании знаков «пусть никто в них не обращает внимание на то, что [вещи] есть, а только на то, что <...> они означают» [1]. Иными словами, специфической характеристикой знака является функция *презентации*. Знак — это вещь в функции репрезентанта. Причем в ряде случаев данная вещь может быть заменена другой вещью без изменения самого отношения референции. К тому же, «не всякая вещь является знаком». Потому разграничение на вещь (*res*) и знак (*signum*) представляется онтологически оправданным.

Различение и различие — не одно и то же¹. Различие между мной и столом существует независимо от того, зафиксировано оно кем-то или нет. Различение онтологически сложнее: тут есть различающий, различаемое и отношение между ними. Если такое отношение приобретает регулярность и между его сторонами возникает посредник, оно приобретает семиотическую окраску и в потенции может стать гносеологическим. Ибо, как замечает тот же Августин, «вещам обучаются посредством знаков».

Различение строится на различиях, но различие не обязательно должно быть замечено; но если различие замечено, то оно существует. Такое отношение называют односторонней экзистенциальной зависимостью. Именно такое отношение фиксирует Ельмслев, когда вводит свое понятие *фигуры*. Этот тип зависимого существования описывается так называемой уровневой онтологией. Она признает разновременность возникновения новых форм бытия, — будь то вещи, идеи, свойства, процессы или отношения. С этой точки зрения позднейшие формы возникают не на пустом месте, а составляются из некоторых сущностей предыдущего уровня и образуют новый класс объектов. Эволюционно предшествующие вещи, свойства или отношения *встраиваются* в новую структуру в качестве ее частей, и вся конструкция приобретает новые характеристики. Так происходит переход от *res* к *signum* и возникает простейшая семиотическая структура — *сигнал*.

Заметим, что в информатике термин *сигнал* соответствует *средству передачи знака*, то есть понятию знака в узком значении. Если сигнал — средство или носитель, то его значением выступает нечто различенное или, по-другому, информация. Когда сигналы между собой связаны и могут быть тематизированы, они становятся сообщением, — однако это уже иной уровень бытия.

В описании Петиного утра *сигнал* появляется при включении холодильника. В нем, правда, есть еще один похожий пример: он представлен в виде бульканья воды и облачка пара над носиком чайника. В физическом смысле разницы между реакцией теплового реле, которое запускает или включает холодильный агрегат, и кипением воды в чайнике, действительно, нет. Однако в онтоло-

гическом плане разница есть: холодильник в рабочем состоянии организуется сам; он является самоорганизующейся системой, способной *различать*, как минимум, два состояния. Чайник может приобретать разные состояния, но он ничего не различает; чтобы его выключить, понадобился Петя. Он контролирует процесс и осуществляет обратную связь. Петя + чайник = самоорганизующаяся система. Она состоит из двух подвижных по отношению друг к другу компонентов: вещи и человека.

В холодильнике функцию Пети выполняют терморегулятор или, по-другому, реле. Взаимосвязь компрессора и испарителя подчиняется тем же принципам термодинамики, что и отношение чайника и тепла, выделяемого горелкой, но в последнем случае отсутствует обратная связь. Для ее осуществления необходим код, то есть правило, которое обеспечивает перевод одной системы отношений в другую структуру. В холодильнике одна система отношений существует между компрессором и испарителем, другая между температурой холодильной камеры и электромотором холодильного агрегата. Терморегулятор фиксирует изменения каждой из этих подструктур в форме сигналов и обеспечивает порядок взаимодействия между ними. В отличие от информационного шума сигнал запускает адаптивный механизм и позволяет холодильнику сохранять рабочее состояние.

Наш *case study* содержит еще один пример взаимодействия, построенного на сигналах. Его демонстрирует комар. Он руководствуется химическими запахами, которые испускает человеческое тело. Носителем сигнала может быть и цвет, как в светофоре, и колебания воздуха, как в случае *звукового сигнала*. Иными словами, материальные формы сигнала многообразны. Но в любом случае сигнал синкретичен; с его помощью одновременно реализуются распознающая, оценочная и активирующая (мотивационная) функции управляющего блока кибернетической системы, будь то биологическая клетка, комар или холодильник. Кроме того, сигнал как знак подчиняется *принципу* экономии кодовых средств. Как правило, используется бинарный код. В его штате находятся только два различимых элемента. Все компьютерные сигналы, к примеру, кодируются на базе бинарной оппозиции. Они состоят из бесчисленных комбинаций двух элементов: «электрический импульс» и «нет импульса». Неврологическое кодирование также основано

¹ Аналогичное смысловое разграничение существует и в английском языке, где объективно существующее различие обозначается словом *difference*, тогда как под *distinction* мыслятся различия, проводимые людьми.

на бинарной кодировке: электрические сигналы, которые проходят по нервной системе от рецепторов к управляющим центрам и мышцам, имеют форму импульсов, подчиняющихся строгой дизъюнкции: либо *да*, либо *нет*.

Устройство перцептивного аппарата имаго много сложнее архитектуры холодильника. Ее усики регистрируют не только молекулы молочной кислоты, выделяемые потом; они реагируют на свет и на тепловое излучение человека. На первый взгляд может показаться, что это усложнение предполагает и сопровождается качественными изменениями структуры знака. Однако это не так. Все материальные носители значимой для самки комара информации обладают одной и той же физической природой — это различные состояния электромагнитного поля, и все различия количественных параметров этих состояний включаются в одно и то же отношение между потребностью имаго и объективной характеристикой среды. Они обеспечивают ориентировку в среде и саморегуляцию. Таким образом, здесь, как и в предыдущих вариантах, мы имеем дело с сигналом. И как таковой «он не фиксирует ничего случайного или мимолетного» [15. С. 99].

Если признать, что первичной формой семиотических отношений внутри (и между) вида был обмен сигналами, то есть коммуникация, то эмоциональная составляющая фонологических феноменов возникает сама собой. По степени определенности своего когнитивного содержания эмоциональные структуры различаются. Однако все они несут в себе «оценку успешности поведенческих актов на основе обратного влияния этих актов на изменение гомеостатического состояния» [8. С. 61]. Причем момент оценивания равно присущ бессознательным, автоматизированным и высоко рационализированным эмоциональным процессам [19]. Этот момент возникает до появления развитых языковых конструкций; он ограничивает диапазон их возможных смысловых флуктуаций и фиксируется тем, что Журавлев и К^о назвали фоносемантикой. Отсюда, скажем, слово *гангстер*, перекочевав в русский язык, ничего не утратило в своем базисном значении, ибо звуки <g> и <p> явно не несут ассоциаций с теплотой и нежностью материнских рук или ласковой негой летнего утра где-нибудь в средней полосе России. Звук <r>, о котором рассуждал Сократ, возможно и не передает движения, но как сигнал он точно связан с утратой ощущения спокойствия и безмятежности.

Звуковой символизм слов складывается полу-бессознательным образом, — чуть ли не интуитивно. Напротив, когда мы переходим к рассмотрению признакового и логического слоев понятия, ситуация сильно меняется. Ведущим и нарастающим по своей значимости фактором здесь становится усложнение среды и соответственно знаковых структур. В семантическое пространство человеческой жизни входят иконы и символы.

4. От иконы к символам.

Сигналы связаны со своим объектом физически или по смежности и образуют подгруппу указателей, или (в языке Пирса) *индексов*. В языке индексами служат относительные местоимения, если они употребляются после имени вещи и нужно еще раз указать на нее. К ним же относятся обращения типа «Эй», когда нужно привлечь внимание. Если же знак связан со своим объектом по сходству или подобию, он является иконическим. *Подобия* или иконы (icons) «выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто *имитируя* их» [12. С. 89]. Классическим примером подобия является фотография или формула аналитической геометрии. Наше описание Петиного утра это тоже икона. Эпистемически и в психологическом плане подобия связаны с восприятиями и представлениями, и их установление позволяет строить гипотезы об иных — непосредственно не данных — свойствах отображаемых предметов. Наконец, третий вид знаков — это знаки, или символы, которые являются условными, ассоциируемыми со своими значениями «благодаря привычке». Пирс называет символ «общим знаком» и подчеркивает: «Символ не указывает на единичную вещь, а обозначает *вид вещи*» [12. С. 94].

Современник Пирса немецкий математик и логик Фреге, показав необходимость различать смысл и значение, полагал, что смысл однозначно связан с понятием. Предложения Пирса помогли увидеть, что знаковая функция имеет место во всей биосфере и что символические знаки функционируют только в постоянном взаимодействии с иконами и указателями (последнее обстоятельство в нашем кейсе, проявившееся в форме телефонного контакта Пети и его подруги, дает онтологическую основу для правомерности критики младограмматиков). Соединение всех этих факторов открыло перспективу для исследований процессов категоризации и разработки теории прототипов.

Автор этой теории, пролившей свет на особенности формирования признакового слоя понятия, Э. Рош исходила из двух принципов. Согласно первому, всякая система категорий нацелена на получение максимума информации при минимальных когнитивных усилиях. Второй принцип, по существу являющийся парафразом ленинского определения понятия материи, утверждает, что членение на категории производится на основе максимального приближения к структурам и атрибутам *воспринимаемого* мира. Далее, исследовательница выделила вертикальное и горизонтальное измерения (*dimension*) категоризации. Различия между колли, собакой, млекопитающим, животным и организмом принадлежат вертикальной сетке категоризации. Горизонтальное измерение имеет дело с сегментацией категорий на одном и том же уровне «включенности» (*inclusiveness*). Различение собак, кошек, диванов и автобусных кресел фиксирует различия горизонтального порядка.

Отсюда Рош вывела два следствия. Первое касается «вертикальной» категоризации, и оно гласит, что базовым уровнем категоризации, скорее всего, будет тот, категории которого отражают структуру атрибутов воспринимаемого мира. Импликацией для горизонтального измерения является то, что для увеличения своей различительной силы и гибкости категории имеют тенденцию к определению языком прототипов или прототипических образцов, которые содержат самые репрезентативные атрибуты вещей внутри и минимально типичные для предметов за пределами данной категории.

Экспериментальная проверка следствий проводилась на базе классификаций естественного языка. К примеру, испытуемым предлагалось десять слов: «мебель», «стол», «стул», «кухонный стол», «табуретка (*kitchen chair*)», «кресло», «лампа», «торшер», «настольная лампа» и «обеденный стол». Их надо было разделить на три группы сообразно степени общности специфических свойств: базовый уровень, более высокий уровень (уровень соподчинения) и низший, зависимый. Большинство признало базовой группой «стол, стул, лампа». Три других исследования продемонстрировали сходные операциональные определения базового уровня абстрагирования: общее в моторике, сходство по форме и отождествляемость усредненных форм (*shapes*). Во всех случаях базовыми оказывались чувственно воспринимаемые наборы свойств и объек-

тов, коррелятивных обыденному человеческому опыту [20].

Понятно: этот опыт складывался естественноисторически, то есть произвольно и вместе с тем в зависимости от истории народа, создавшего данный язык. Этим объясняются, с одной стороны, сходства в категориальном делении объектов повседневного круга общения, которые фиксируются языком, а с другой стороны — различия в составе и значимости фиксируемых словом признаков. Спички были изобретены в XIX в. и быстро распространились по всему цивилизованному миру. Но это не освободило соответствующее слово от обязанности организовывать признаки спичек в иерархию значимостей сообразно реальной истории народа. В украинском языке спички это *серники*, немецкий синоним *streichholz* произведен от *streichen*, один из метонимов которого обозначает движение. Однако понятие спичек у всех народов, пользующихся ими, одинаково. Есть, стало быть, некое логическое ядро.

Как оно возникает, или какова природа понятий типа «мебель»?

Поиск ответа на этот вопрос уводил Сократа в мир идей. Мы же вновь обратимся к концепции языка мысли. Из сказанного во втором разделе вытекает, что язык мысли может рассматриваться как своеобразный метаязык, на котором задаются единицы концептуальной системы и/или описываются репрезентации для выражений естественных языков [5]. Приставка *meta* означает *после* и резонно полагать, что этот язык возник на основе предшествующих естественных языков. Однако по гипотезе LOT он предшествует естественным языкам, и с этой точки зрения освоение родного языка является процессом вторичного плана. При этом, как уже отмечалось, Фодор и другие сторонники LOT считают, что правила формулировки утверждений языка мысли аналогичны синтаксическим правилам естественного языка. Тут сразу же встал вопрос, а какого, собственно, языка? Русского, английского, китайского или какого? Этот вопрос всюду эксплуатировали витгенштейнианские критики гипотезы LOT.

Другой загадкой гипотезы языка мысли является постулируемое ей единство языковых значений: если оно реально, то в чем основа этого единства?

Стремясь снять обе проблемы, Фодор в интервью 2007 г. подчеркивает, что LOT характеризует мысленные репрезентации, и ментальные

символы, которые используются в наших мыслях, подобны предложениям, но «не слишком похожи на изображения» [18]. Эта характеристика языка мысли концептуально связана с отсутствием в нем структурных и лексических двусмысленностей. Однако понятийные формы естественного языка отягощены двусмысленностями. Более того, в утверждениях естественного языка часто остается неясным, что именно считать двусмысленностью (можно ли, скажем, без учета контекста определить значение слова «остановка»?) Стало быть, иконичность менталезе, если и сохраняется, много беднее, чем в естественном языке.

Дальше Фодор настаивает на необходимости разграничивать две формы использования языка. Это разграничение важно для сохранения внутренней согласованности всей конструкции ЛОТ, и оно очень любопытно для осмысления особенностей формирования логического ядра понятий. С одной стороны, язык является посредником или формой когнитивных процессов, а с другой стороны, он есть средство коммуникации между людьми. *Менталезе* реализует первую функцию, а естественный язык — вторую. Фодор признает, что разграничение противоречит установкам витгенштейнианцев (и уорфианцев), склоняющихся к тому, что есть только один — «публичный» — язык. Однако относится к этому спокойно, поясняя, что серьезных аргументов в пользу этого своего взгляда последователи Витгенштейна, Сэпира и Уорфа не дают.

Разграничение двух функций может означать, что соответствующие физиологические аппараты формировались не одновременно. И, кажется, в эволюционной психологии и психологии развития этот момент учитывается. Кроме того, этот подход позволяет признать возможность оперирования образами в рамках «ручного мышления» и первичных форм коммуникации, нацеленной на координацию совместных действий людей (и наших ближайших сородичей). Далее, он позволяет концептуально связать процессы формирования родовых понятий и выработку навыков логического мышления с изобретением письма, то есть с новым этапом развития семиотических структур. Экспериментальные данные существования такой связи были получены А. Лурия и его коллективом еще в начале 30-х гг. прошлого века в ходе изучения сдвигов в познавательных процессах, вызванных ликвидацией безграмотности [9].

Поскольку мышление в ЛОТ трактуется как манипулирование символами, остановимся на особенностях символов и на этой основе попытаемся понять, почему так затянулись дискуссии о соотношении в языке естественного и искусственного, и указать один из резонансов разграничения публичного и приватного языка как формы мышления.

Символ — условный знак. Является ли символ конвенцией? Большинство отвечают на этот вопрос утвердительно. Анализ конвенции был проведен Дэвидом Льюисом. Конвенция — это правило, которое может быть изменено, если при этом сохраняется возможность реализации тех функций, ради которых оно было создано [19]¹. Не все правила конвенциональны. Моральные нормы, по убеждению Льюиса, конвенциями не являются; их не заменить. Напротив, правило рокировки в шахматах конвенционально: его можно отменить, но функции шахмат не изменятся. Если наш язык — сугубо конвенциональная система, то наряду с языком публичным возможен частный (приватный) язык. Работники офиса могут договориться относительно числа стуков в дверь, чтобы во время обеденного перерыва отделять своих от докучливых посетителей. Принцип повторяемости сохраняется, но он работает только внутри данной группы.

Каков минимальный размер такой группы? Думаю, его можно свести к одному индивиду. Ведь монолог это только превращенная форма диалога. В диалоге «Гиппий Большой» поиск прекрасного как такового или, говоря нашим языком, смыслового ядра понятия ведется в форме беседы между Сократом и софистом. Аристотель уходит от изобразительно-коммуникативной ма-

¹ Льюис — и, по-моему, справедливо — связывает возникновение конвенций с потребностью координации человеческих усилий в сходных ситуациях. Регулярность, которая постепенно развивается в таких взаимоотношениях, — это и есть конвенция. В языке Льюиса: «Повторяемость R в поведении членов совокупности P, когда они действуют в периодически повторяющейся ситуации S, является конвенцией, если и только если при возникновении ситуации S во взаимоотношениях членов P,

(1) каждый из них подчиняется R;

(2) каждый ожидает, что каждый другой подчинится R;

(3) каждый предпочитает подчиниться при условии, что другие делают то же самое, поскольку S является проблемой согласования и единообразное подчинение правилу R является самым рациональным балансом взаимодействий в S» [19. P. 42].

неры Платона и репрезентирует логику движения мысли в силлогистической форме. Но и тут, и там рождается то, что не имеет чувственного воспринимаемого референта, то есть понятие.

Как же тогда возникает общее с другими приватными языками, то есть публичность?

Конечно, степень этой приватности не стоит переоценивать. Во-первых, определенная общность лексического репертуара возникает на предыдущем этапе языковой эволюции. Вторым важным моментом является синтаксис. Ведь уже иконические знаки воспроизводят более сложные координатии характеристик отображаемого объекта, нежели последовательность сигналов, передаваемая по каналу связи, и их передача требует разграничений между пространственными и временными связями знаковых единиц. Эти связи фиксируются синтаксисом. В узком смысле синтаксис — часть грамматики, занимающаяся структурой предложения и сочетаниями слов в предложении. В широком значении синтаксис — это разновидность кода; структура сочетаний знаков и правил их образования безотносительно к их значениям и функциям языковой системы. В обоих смыслах синтаксис предлагает ряд правил, регулирующих «концептуальные и звуковые различия, проистекающие из системы» (Соссюр). Они, другими словами, регулируют отношения между языковыми единицами, будь то фонемы, морфемы или слова.

Все это верно! Только не надо забывать, что синтаксические отношения не есть набор безликих графем или артикуляций; синтаксические отношения организуют пространство восприятия, а потом и мысли сообразно взаимодействию человека со средой обитания. Именно в этом плане синтаксис является разновидностью кода. А это значит, что в синтаксисе представлены отношения причины и следствия, внутреннего и внешнего, содержания и формы, причины и следствия, общего и единичного и т. п. Эти отношения передаются правилами синтаксиса. Причем этот момент репрезентации реального мира есть даже в грамматике *a la Chomsky*, ибо она при всех авторских интенциях к формализации все-таки разводит вещи, свойства и отношения, предлагая тем самым пусть бедную, но онтологию.

5. История науки и методология лингвистики.

Что же здесь примечательного с методологической точки зрения?

Отметим параллель между ходом этих дискуссий и теми сдвигами, которые ранее демонстри-

ровало естествознание. В частности, становление классической опытной науки началось с самого общего ограничения предмета и вынесения за скобки всего, что с ним не связано. Для классической механики таким первичным маркером явилось убеждение, что «книга природы написана математическими знаками». Утвердившись на заре Нового времени, оно позволило отделить процессы механического типа от явлений телеологических. В языкознании аналогичную методологическую функцию выполнило отделение языка от речи. Тем самым было создано условие для осмысления языковых феноменов как специфической знаковой системы. Конечно, обособление превратило реальный живой язык в абстрактную конструкцию, лишенную пространственной и временной локализации, но помогло четко определить предмет и экспериментировать с ним, не впадая в искус индивидуализма, характерного для младогегельянцев [11].

Язык Соссюра похож на инерциальную систему Ньютона. И тут, и там изучаемый фрагмент реальности представлен в упрощенной форме. Инерциальная система классической механики является абстрактной моделью, потому что в реальном мире не существует объектов, на которые бы не действовали никакие силы. В ньютоновской механике она выступает как порядок отношений между силами и материальными точками. При этом силы представлены в виде самостоятельных сущностей, хотя на самом деле сила есть характеристика свойства или отношения, а материальная точка, законы движений которой исследуются механикой, не имеет размеров, однако обладает массой, благодаря которой попадает под юрисдикцию механической теории.

Примерно в таком же ключе рассуждает Соссюр и младограмматики. Как указывает Л. Нелюбин, языковеды Лейпцигской школы, поместив в фокус анализа индивидуальную практику словообразования и словоупотребления, вместе с тем полагали, что психическая и физическая деятельность человека при освоении, воспроизведении и преобразовании звуковых образов остается *одной и той же во все времена* [10]. Данное обстоятельство не прошло мимо внимания критиков: в частности, Г. Шухардт, отметив, что идея непреложности фонетических законов вводится младограмматиками догматически, подчеркнул, что *на самом деле* в каждой языковой новации происходит «скрещивание» психологических и физиологических факторов.

Если это скрещивание признать, то при постоянстве физиологической организации индивидов основным фактором языковой динамики становится *социальная* психология. Именно из этого исходит система идеализаций, предлагаемая Соссюром: «*В языке нет ничего кроме различий. <...> различие, вообще говоря, предполагает положительные моменты, между которыми оно и устанавливается; но в языке имеются только различия без положительных моментов.* Взять ли означаемое или означающее, всюду та же картина: в языке нет ни идей, ни звуков, предсуществующих системе, а есть только концептуальные различия и звуковые различия, проистекающие из системы» [14. С. 119–120].

Соссюра стандартно упрекают в статическом подходе к языку. Упрек незаконный. Невозможно концептуализировать динамическую систему как меняющийся объект и одновременно как структуру. Ибо изменение состоит в утрате или приобретении каких-то свойств, а структура сопрягается с чем-то постоянным и неизменным. Пауль, защищая приоритет исторической точки зрения, подчеркивает, что статика предполагает исторический подход. Но с равным правом можно утверждать и обратное. Если вас, к примеру, интересует динамика фонетических сдвигов русского языка, то сравниваемые временные срезы должны относиться к языку, а не к этносу или территории — и притом именно к *русскому* языку, то есть сохраняющему в своих глубинах отличительные особенности русского языка. Надо ли говорить, что подобного рода устойчивости являются структурной характеристикой любого системно организованного и меняющегося объекта. Хотя в системе моменты изменчивости и устойчивости сосуществуют, при построении ее концептуальной модели надо выбирать. Соссюр *выбрал* статический аспект. Благодаря этому у Ельмслева открылась возможность продолжить структурный

анализ и через идею фигуры перейти от анализа языковой сферы к миру экстралингвистических феноменов.

Фигура буквально означает очертание, и, по словам его автора, термин был введен чисто технически. Стоит, однако, отметить, что в самом подходе ощущается привкус физикалистского толка: отношения фонем, морфем и фигур («незнаков») подобны связям между атомами, молекулами и элементарными частицами. Элементарные частицы не имеют химических свойств и живут в пространстве с иными измерениями, которое отличается от нашего. По сравнению с объектами нашего мира число частиц очень ограничено, но их соединения образуют все известное нам многообразие химических процессов и структур. Точно также фигуры, соединяясь друг с другом в определенные цепочки, образуют фонему, но сами по себе они ничего не значат, они суть «незнаки». Знак двусторонен в том смысле, что он *обозначает* что-то для кого-то. Фигура *выделяется*, но ничего не обозначает, — она односторонняя. Мир фигур есть мир элементарных частиц языковых феноменов — эта методологическая аналогия скрывается за многими рассуждениями Ельмслева [6]. Другими словами, исходную базу для языковых феноменов образует иконичность и все богатство языковых средств создано для как можно более точного *отображения* экстралингвистического мира.

Таким образом, в языкознании обнаружилось новое проблемное поле. На одном его фланге родилась семиотика, на другом — теория речевых актов. С одной стороны, лингвисты вышли на границу между лингвистическим знаком и доязыковыми формами фиксации информации, а с другой стороны — столкнулись с проблемами, которые потребовали более широкой перспективы, учитывающей отношения между языком, культурой и деятельностью.

Список литературы

1. Августин, А. О христианском учении / А. Августин // Антология средневековой мысли : в 2 т. — СПб., 2001. — Т. 1. — 537 с.
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. — Л., 1982. — 237 с.
3. Гуковский, Г. А. Ломоносов-критик / Г. А. Гуковский // Литературное творчество М. В. Ломоносова: исследования и материалы. — М.; Л., 1962. — 323 с.
4. Дебаркадер, Л. А. Фоносемантика: попытка определить смысл по звучанию / Л. А. Дебаркадер. — Режим доступа: <http://interesko.info/fonosemantika-opredelit-smysl-po-zvuchaniyu>. — Дата обращения: 12.04.2017.
5. Демьянков, В. З. Ментальный язык / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996. — С. 99–101.

6. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. — М., 2006. — 248 с.
7. Журавлёв, А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлёв. — М., 1991. — 160 с.
8. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. — М., 1983. — 298 с.
9. Лурия, А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов / А. Р. Лурия. — М., 1974. — 171 с.
10. Нелюбин, Л. Л. История науки о языке / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. — М., 2011. — 376 с.
11. Пауль, Г. Принципы истории языка (извлечения) / Г. Пауль // Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. 1.
12. Пирс, Ч. С. Что такое знак / Ч. С. Пирс // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2009. — № 3 (7).
13. Платон. Кратил / Платон // Платон. Сочинения. — М., 1969. — Т. 1. — 623 с.
14. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. — М., 2013. — 256 с.
15. Тайсина, Э. А. Философские вопросы семиотики / Э. А. Тайсина. — СПб., 2014. — 207 с.
16. Fodor, J. A. The language of thought / J. A. Fodor. — Harvard University Press, 1975. — 218 p.
17. Fodor, J. Semantics: an Interview with Jerry Fodor // ReVel. — 2007. — Vol. 5, no. 8. — P. 9. — URL: <http://www.revel.inf.br/eng>.
18. Lewis, D. Convention. A Philosophical Study / D. Lewis. — Blackwell Publishers, 2002. — 213 p.
19. Reizenzein, R. Appraisal processes conceptualized from a schema theoretic perspective / R. Reizenzein // Scherer, K. R., Schorr, A., Johnstone, T. (eds.). *Appraisal Processes in Emotion*. — New York, 2001. — P. 187–204.
20. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch // E. Margolis, S. Laurence (eds.). *Concepts: Core Readings*. — Cambridge, 1999. — P. 189–206.
21. Sound symbolism. Upanishads. — URL: <http://en.academic.ru/dic.nsf/en/wiki/190898>.

Сведения об авторе

Шрейбер Виктор Константинович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. shreiber@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 9 (405). *Philology Sciences. Iss. 108. Pp. 96–108.*

THE WORD SOUND SYMBOLISM IN THE LIGHT OF SEMIOTIC EVOLUTION

V. K. Shreiber

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shreiber@csu.ru

Speculations that the language sounds have their own semantics come from the times of the Upanishads and antiquity. However, this assumption is questionable in the light of the belief that language has a social and cultural nature. The progress of knowledge on language in the last century brought to birth the new research guidelines — sound symbolism. It is marked, meanwhile, that language sounds express the speaker's emotional states and possess some object substance simultaneously. The author makes an attempt to clear up all these complexities looking upon it through the lenses of a semiotic development approach. After a short explication of the problem in the first section, paper suggests a sketch of advances in our understanding of the word structure. The third and fourth sections deal with analysis of semiotic phenomena from signal to symbol (their structure and peculiarities). In particular, the ideas of E. Rosch on categorization and famous Jerry Fodor's language of thought hypotheses are been discussed. The author proceeds on the assumption that the above mentioned peculiarities are fixed by the word texture according to the one-sided existential dependence principle. Finally, epistemological parallels between the cognitive development of linguistics and the natural science are scrutinized.

Keywords: *sound symbolism, glossematics, sign, categorization, private language, convention, methodology.*

References

1. Avgustin A.O hristianskom uchenii [On Christian doctrine]. *Antologiya srednevekovoy myisli* : v 2 t. T. 1 [Anthology of medieval thought in 2 vol. Vol. 1]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
2. Voronin S.V. *Osnovyi fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantic]. Leningrad, 1982. 237 p. (In Russ.).
3. Gukovskiy G.A. Lomonosov-kritik [Lomonosov critic]. *Literaturnoe tvorchestvo M.V. Lomonosova: Issledovaniya i materialyi* [Literary creativity of M.V. Lomonosov: Studies and materials]. Moscow; Leningrad, 1962. 323 p. (In Russ.).
4. Debarkader L.A. *Fonosemantika: popyitka opredelit smysl po zvuchaniyu* [Phonosemantic: an attempt to define the meaning of the sound]. Available at: <http://interesko.info/fonosemantika-opredelit-smysl-po-zvuchaniyu>, accessed 12.04.2017. (In Russ.).
5. Demyankov V.Z. Mentalnyiy yazyik [Mental language]. Kubryakovoy E.S. (ed.). *Kratkiy slovar kognitivnyih terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1996. Pp. 99–101. (In Russ.).
6. Elmslev L. *Prolegomenyi k teorii yazyika* [Prolegomena to a theory of language]. Moscow, 2006. (In Russ.).
7. Zhuravlyov A.P. *Zvuk i smysl* [Sound and sense]. Moscow, 1991. 160 p. (In Russ.).
8. Kliks F. *Probuzhdayusheesya myishlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta* [The Awakening of the thinking. At the origins of human intelligence]. Moscow, 1983. 298 p. (In Russ.).
9. Luriya A.R. *Ob istoricheskom razvitiy poznavatelnyih protsessov* [On the historical development of cognitive processes]. Moscow, 1974. 171 p. (In Russ.).
10. Nelyubin L.L., Huhuni G.T. *Istoriya nauki o yazyike* [History of the science of language]. Moscow, 2011. 376 p. (In Russ.).
11. Paul G. Printsipy istorii yazyika (izvlecheniya) [Principles of history of language (extract)]. Zvegintsev V.A. *Istoriya yazyikoznaniya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. Chast' I* [History of Linguistics XIX and XX centuries in essays and extracts. Part 1]. Moscow, 1960. (In Russ.).
12. Pirs Ch. S. Chto takoe znak [What is the sign]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2009, no. 3 (7). (In Russ.).
13. Platon. Kratil [Cratylus]. Platon. *Sochineniya. T. I* [Compositions. Vol. 1]. Moscow, 1969. 623 p. (In Russ.).
14. Sosyur F. *Kurs obschey lingvistiki* [Course of General linguistics]. Moscow, 2013. 256 p. (In Russ.).
15. Taysina E.A. *Filosofskie voprosyi semiotiki* [Philosophical questions of semiotics]. St. Petersburg, 2014. 207 p. (In Russ.).